

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

15

**Конфликт и миграции: грузино-
абхазский пример в европейском
контексте**

Международная конференция

Стамбул: 18 – 19 июня 2008 г.

Берлин – Ирвайн – Лондон
2008

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Conflict and Migration: The Georgian-Abkhazian Case in a European Context

Conference Proceedings

Istanbul, June 18-19, 2008

Editors and project coordinators: Paula Garb
Walter Kaufmann
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili
Rachel Clogg

The conference and this publication were made possible by support from:
The Institute for the Study of Nationalism and Conflict
The Center for Humanitarian Programmes
South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation
The Center for Citizen Peacebuilding, University of California, Irvine
Conciliation Resources

Copyright © 2010 University of California, Irvine; Heinrich Böll Foundation;
Conciliation Resources

University of California, Irvine	HBF South Caucasus	Conciliation Resources
Social Science Plaza A, Room 3151	38, Zovreti st.	173 Upper Street
Irvine, California 92697-5100	Tbilisi 0160, Georgia	London N1 1RG, UK
T: +1 949 824 1227	T: +995 32 38 04 67	T: +44 20 7359 7728
F: +1 949 824 1544	F: +995 32 91 28 97	F: +44 20 7359 4081
www.citizenpeacebuilding.org	www.boell.ge	www.c-r.org

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Foreword	7
18.06.08. День первый	9
Заседание I. Возвращение: политические позиции, надежды и опасения	9
Вступление	14
Депортация, репатриация, переселенческая политика и ассимиляция	15
Беженцы	22
Позиция Абхазской стороны	27
Позиция Грузии	30
Позиция международного сообщества	30
Международный опыт решения проблем беженцев	32
Эмиль Хершак, Борис Никшич. Некоторые аспекты войны и миграции	48
Срджан Диздаревич. Возвращение беженцев и перемещенных лиц: опыт Боснии и Герцеговины	76
Заседание II. Интеграция: стратегии, политические позиции, опыт	97
Петер Лоизос. ВПЛ на Кипре. Относительная интеграция после длительного периода	97
Оливер Воллей. Тезисы выступления: важные аспекты динамики процессов на Кипре	111
Манана Гургулия. Опыт интеграции беженцев и репатриантов в Абхазии	128
Доклад Юлии Харашвили	141
19.06.08. День второй	167
Заседание III. Сохранение статус-кво: против права на возвращение? Поиск выхода из тупика	167
Сабина Фрейзер. Обеспечение права на возвращение в европейском контексте: сравнение подходов, применяемых в Боснии и Герцеговине, на Кипре, в Косово и Хорватии	167
Эрин Муни. Обеспечение долгосрочных решений проблемы перемещенных лиц: Опыт Боснии и Герцеговины	175
Доклад Ираклия Хинтба. Варианты решения проблемы беженцев при отсутствии зависимости между урегулированием конфликта и их полномасштабным возвращением	191
Паата Закареишвили. Попытка разобраться, почему абхазы категорически против возвращения грузинского населения в Абхазию, и вероятные возможности развязывания этого «гордиева узла»	210
Заседание IV. Подведение итогов	245
Participants	287
Содержание предыдущих сборников	289

All fifteen Russian publications and some English abstracts are available on the internet at <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu; chpabkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; kaufmann@boell.de; info@boell.ge; rclogg@c-r.org.

Полный текст всех пятнадцати выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в интернете на сайте <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте по следующим адресам: pgarb@uci.edu; chpabkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; kaufmann@boell.de; info@boell.ge; rclogg@c-r.org.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаем вашему вниманию пятнадцатый сборник материалов из серии конференций грузино-абхазского диалога. Данный проект стартовал в 1997 году под эгидой Калифорнийского университета (UCI, Ирвайн). Начиная с 2004 года, к процессу подключились и другие международные организации, такие, как Фонд им. Генриха Бёлля (Берлин), Ресурсы Примирения (Лондон) и Международная Тревога (Лондон) которые оказывали большую финансовую и административную поддержку. Конференцию 2008-го года, а также эту публикацию организовали и спонсировали Фонд им. Генриха Бёлля и Ресурсы Примирения в партнерстве с Центром за гражданское миротворчество UCI.

В данный сборник вошли презентации и дискуссии, прозвучавшие на очередной международной конференции, посвященной следующей теме: “Конфликт и миграции: грузино-абхазский пример в европейском контексте”, проведенной в Стамбуле 18-19 июня 2008 года.

Вынужденные переселения являются наиболее затяжными последствиями военных конфликтов во всем мире. В грузино-абхазском контексте эта проблема оказалась наиболее чувствительной и конфликтогенной. Помимо тяжелых жизненных условий тех людей, кого это коснулось непосредственно, долгосрочное вынужденное переселение создает огромный пласт препятствий на пути к урегулированию конфликта политическими мерами.

Табуирование проблемы беженцев/ВПЛ или ее инструментализация укрепляет страхи и иллюзии с обеих сторон и сдерживает процесс мирного урегулирования. Данная Конференция предоставила возможность грузинским и абхазским участникам обсудить болезненную и требующую внимания проблему открыто и конструктивно, а также вместе с международными экспертами исследовать возможные пути вперед. Данная конференция предоставила возможность взглянуть на проблему с нового ракурса, включив в повестку дня вопросы, связанные с процессом репатриации в Абхазию потомков махаджиров.

Обсуждения велись по трем основным темам:

1. Возвращение и репатриация: позиция различных сторон, надежды и страхи;

2. Интеграция: стратегии, политические позиции и опыт;
3. Поддержка статус-кво или право на возвращение: выход из тупика.

Помимо грузинских и абхазских представителей политического и гражданского обществ, в Конференции также участвовали эксперты из Западных Балкан, Кипра, международных организаций и Евросоюза.

Меньше, чем через два месяца после проведения Конференции в регионе произошла эскалация насилия. Конфликт вновь привел к новым жертвам и очередной волне переселений. Эти события в сочетании с последующим признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии изменили политический ландшафт и имели последствия далеко за пределами региона.

Хотя контекст во многих аспектах поменялся, тема конфликта и миграций не потеряла своей актуальности. Позиции сторон в отношении возвращения остаются непоколебимыми, а перспективы достижения соглашений по проблеме беженцев/ВПЛ становятся все более неопределенными. С другой стороны, остается серьезной проблема интеграции перемещенных групп в общество, в котором они находятся в настоящее время.

Обсуждения, представленные в этом томе, ставят своей целью проинформировать и обрисовать контуры дискуссий о вынужденном переселении, возвращении и интеграции. Проведенные дискуссии могут способствовать лучшему пониманию позиций грузинской и абхазской сторон, их надежд и страхов, а также предоставить опыт, полученный в контексте других конфликтов, который может быть полезен и для грузино-абхазского контекста.

FOREWORD

This is the fifteenth volume in a series of publications of Georgian-Abkhaz dialogue conferences. These began in 1997 under the auspices of the University of California, Irvine (UCI). Since 2004, the process expanded to involve a number of international organizations, among them the Heinrich Boell Foundation (Berlin), Conciliation Resources (London) and International Alert (London). HBF and CR organized and funded the 2008 conference and this publication, together with UCI's Center for Citizen Peacebuilding.

This volume consists of transcripts of presentations and discussions at the conference on “Conflict and Migration: The Georgian-Abkhazian Case in a European Context” held in Istanbul, June 18-19, 2008.

Flight and displacement are among the most lasting consequences of military conflicts around the world, and they are one of the most sensitive and divisive issues in the Georgian-Abkhaz context. Apart from existential hardships for those directly concerned, long-term displacement in this case generates wide-ranging obstacles to settling the conflict by political means.

Treating refugee/IDP issues as taboo, or instrumentalising them, reinforces fears and illusions on both sides of the Georgian-Abkhaz divide and holds back progress in the peace process. This conference provided an opportunity for Georgian and Abkhaz participants to discuss this delicate and pressing issue openly and in a constructive way, and to explore together with a range of international experts possible ways forward. The conference allowed the issue to be examined from a new angle, and to include on the agenda questions concerning the return to Abkhazia of descendents of the *makhadzhiry*, people forcibly displaced, mostly to present-day Turkey, in the 19th Century.

The discussions focused on the following three themes:

- Panel I. Return and Repatriation – The positions of the various parties, hopes and fears
- Panel II. Integration – Strategies, political positions and experience
- Panel III. Maintaining the status quo versus right to return: moving beyond the deadlock

In addition to Georgian and Abkhaz political and civil society representatives, experts also participated from the Western Balkans and Cyprus, and from international organizations and the EU.

Less than two months after the conference, violence once again erupted in the region. This caused tremendous suffering on all sides and led to new waves of displacement. This, together with Russia's subsequent recognition of Abkhazia and South Ossetia as independent states, changed the political landscape of the conflicts and had repercussions far beyond the region.

While the context has changed in many respects, the topic of conflict and migration is now more relevant than ever. The respective positions on return remain entrenched, whereas prospects for reaching an agreement on IDP issues have dimmed significantly. Similarly, integration for displaced communities in their current place of residence remains a major challenge.

The discussions reflected in this volume can help inform and shape the ongoing debate on displacement, return and integration. They can contribute to a better understanding of Georgian and Abkhaz positions, hopes and fears, and provide insights from the experience gained in dealing with similar issues in other areas of conflict that could have relevance for the Georgian-Abkhaz case.

18.06.08. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ЗАСЕДАНИЕ I. ВОЗВРАЩЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ, НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ

Вальтер Кауфман – Доброе утро. С огромным удовольствием хочу поприветствовать всех вас от имени фонда Генриха Белля и Пола Гарб из Калифорнийского Университета (Ирвайн), Джонатана Коэна и Рэйчел Клогг из Ресурсов Примирения. Еще раз добро пожаловать нашим гостям из Абхазии и Грузии. У нас был день очень интенсивных дискуссий, где мы четко обозначили сложность ситуации, с которой мы сейчас сталкиваемся в грузино-абхазских взаимоотношениях, а также внутри Грузии и внутри Абхазии. Сердечно хочу поприветствовать представителей международных организаций, которые внесли свой вклад в данную конференцию по конфликту и миграции на грузино-абхазском примере в европейском контексте.

Данная конференция является 15-ой в серии конференций, которые были инициированы в 1996-ом году человеком, чье имя стало олицетворять весь проект – это Пола Гарб. Она была в числе первых иностранцев, кто начал способствовать грузино-абхазскому диалогу после грузино-абхазской войны. Фонд Генриха Белля присоединился к ее проекту в 2004 году. Это уже 5-ая конференция, которую мы организуем вместе. У нас было две конференции в Москве, где мы фокусировали внимание на Российском факторе в конфликте. Это 3-я конференция, которую мы проводим в Стамбуле. Наша первая конференция в Стамбуле была посвящена вопросам черноморской интеграции, как потенциально новому контексту для грузино-абхазских взаимоотношений. В прошлом году мы обсуждали потенциальные последствия присоединения Грузии к НАТО. На этот раз мы выбрали наиболее деликатную и сложную тему, которую нужно обсуждать в контексте грузино-абхазских взаимоотношений, тему конфликта и миграций, вопрос о ВПЛ или беженцах, вопрос о репатриации потомков мохаджиров в Абхазию, вопрос возвращения и вопрос интеграции.

Я также рад, что к нам для поиска ответов на эти сложные вопросы присоединились наши друзья и партнеры из Ресурсов Примирения.

ния из Лондона, привнеся как свои интеллектуальные, так и финансовые возможности, которые и позволили состояться данному событию. Мы работаем вместе на протяжении ряда лет. Ничто, чем занимается Фонд Генриха Белля, не могло бы состояться без тесной координации и кооперации с нашими партнерами из Грузии и Абхазии, а также всех вышеуказанных партнеров на международном уровне.

Как я уже сказал, данная конференция проходит в чрезвычайно трудное время и в чрезвычайно трудном политическом контексте. Можно сказать, что в настоящее время практически отсутствует политический диалог. Переговоры не ведутся ни на каком уровне, практически нет контактов в рамках дипломатии второго уровня, чего не было в предыдущие годы. 3-4 года назад у нас было намного больше возможностей для дискуссий, встреч, обмена мнениями, чем сейчас. Я отнюдь не хочу сказать, что горжусь тем, что конференции, которые мы организуем с Полой Гарб, представляют в настоящее время фактически единственную возможность для политического обмена мнениями по различным аспектам конфликта. Но этот факт означает, что мы должны чрезвычайно ответственно использовать данную возможность. Это намного больше, чем просто встреча, намного больше, чем просто конференция. Перед нами стоит задача не просто встретиться и обменяться мнениями, но сделать так, чтобы продолжение диалога стало возможным, стали возможны встречи в очень напряженной политической ситуации.

Одной из проблем, стоящей перед данной встречей, является политический контекст. Все вы об этом знаете, поэтому я не буду здесь говорить о напряженности в грузино-российских отношениях, о проблеме Кодорского ущелья, о проблеме Гальского района и всего того, с чем мы в настоящее время сталкиваемся в сложившейся ситуации, об очень сложной внутренней ситуации и о высокой степени поляризации разных сил в Грузии. Вторым сложным аспектом конференции является ее тема. Тема конфликта и миграций, как мы их обозначили, для абхазов является своего рода табу. Данный вопрос сопряжен с большим количеством опасений, вопрос о потенциальном возвращении грузин в центральные части Абхазии, это то, что абсолютно не обсуждается в Абхазии, потому что абхазы видят в этом угрозу маргинализации и превращения в микроскопическое

меньшинство на своей собственной территории. Тем не менее, мы также видим, что произошло возвращение до 50 000 или даже больше грузин в Гали, в южные районы Абхазии, где эти люди живут в очень трудных условиях и являются заложниками конфликта между двумя сторонами. Мы чрезвычайно счастливы, что здесь присутствует два представителя из Гальского района, которые могут принять участие в нашей дискуссии.

Если мы посмотрим на Грузию, то увидим, что вопросы о ВПЛ, беженцах, их положении также не обсуждаются в открытой и честной обстановке. Они используются лишь как политический инструмент, как инструмент для политических спекуляций и манипуляций. Среди многих ВПЛ существует иллюзия, что мы по-прежнему ведем речь о возможностях их незамедлительного и полного возвращения, что, по моему мнению, ни в коей мере не помогает улучшению их положения. Многие тысячи из них по-прежнему живут в неприемлемых условиях в центрах компактного размещения в Грузии. Задача по интеграции в грузинское общество далека от завершения.

Таким образом, почему же мы решили сфокусировать внимание на этих проблемах в столь сложной ситуации? И чего мы хотим достичь? Я думаю, что мы можем, с одной стороны, получить честную и трезвую оценку ситуации, то есть, реально определить, что мы имеем в плане ситуации с ВПЛ, но что еще более важно, понять политическую позицию каждой стороны: каково их отношение к данной проблеме? Что стоит за проектом репатриации, который является очень важной частью всего контекста конфликта и миграции. Мы должны попытаться понять позиции, занимаемые обеими сторонами по отношению к этим вопросам. Мы выделили три ключевых вопроса. Один из них возвращение, другой интеграция, а третий – это взаимосвязь между этими вопросами и всем мирным процессом. Конечно же, все эти вопросы тесно переплетены. Мы не предполагаем, что вы будете четко разделять их в своих презентациях или комментариях. Но я думаю, есть смысл обсуждать их отдельно для более структурированного обсуждения.

Цель, которую мы можем достичь в результате – это перенести грузино-абхазскую проблему в европейский контекст. Все понимают, что каждый случай уникален. Ситуации очень различаются на

Кипре, в Боснии, Хорватии. Но проблемы часто схожи: гуманитарная, моральная, политическая. Я думаю, что для грузин и абхазов будет полезно увидеть, как пытаются решать схожие проблемы, как они решаются или не решаются в различных конфликтных регионах. Мы остановили свой выбор на европейском контексте, потому что думаем, что европейский опыт и подходы имеют очень большой потенциал, который может изменить контекст в лучшую сторону для решения грузино-абхазского конфликта.

Как вам известно, все, что здесь говорится, записывается на пленку, распечатывается, переводится и публикуется. Мы стремимся к тому, чтобы сделать данные встречи как можно более прозрачными. Возможно, все вы знаете, что существует большая доля недоверия к данному диалогу. Многие люди в Грузии и Абхазии не совсем понимают, зачем мы встречаемся, зачем вы встречаетесь друг с другом, вообще, о чем вы можете говорить, и что это вообще междусобойчик, в котором всегда принимает участие одни и те же, что-то вроде туристического тура на конференцию. Люди задают вопрос: «Вообще для чего все это организуется?» Единственная стратегия, которая может противостоять данным опасениям – это стремление сделать процесс прозрачным. Основной целью данной серии конференций является предоставление материалов для дискуссии, внутренней дискуссии в Абхазии и Грузии, потому что участие в ней более широкого круга аудитории является крайне необходимым условием, имеющим цель улучшения взаимоотношений. Таким образом, предлагаю высказывать все, что вас волнует. Все тексты, презентации и комментарии будут предоставлены вам в письменном виде до опубликования, с тем, чтобы вы имели возможность ознакомиться с ними. Я желаю всем нам интенсивных и результативных дискуссий в течение этих двух дней.

Сейчас я обращаюсь к нашей первой группе. Начнем с выступлений наших друзей из Абхазии и Грузии. Первая сессия будет посвящена вопросу возвращения, а также в целом тому, какие существуют общие концепции по вопросу возвращения в Абхазии и в Грузии. Каковы официальные политические позиции, и каковы позиции и концепции, предлагаемые представителями гражданского общества и различных политических групп? Это будет первой частью обсуждения.

Во второй части мы сравним вопрос возвращения в Грузию и Абхазию с вопросом возвращения в Боснию и Герцеговину и на Кипре. Мы пригласили четверых интересных участников. Арчил Гегшидзе работает в Грузинском Фонде Стратегических и Международных Исследований. Он принимал участие в различных исследовательских проектах по грузино-абхазскому диалогу. Следующим известным участником является Батал Кобахия. Он член Парламента Республики Абхазия. Он также является центральной фигурой в абхазском гражданском обществе. Он является одним из основателей Центра Гуманитарных Программ в Сухуме/и и до сих пор является одним из основных партнеров как со стороны гражданского общества, так и официального истеблишмента Абхазии.

Я очень рад, что благодаря моим коллегам в офисе Белля в Сараево, мы смогли пригласить г-на Диздаревича. Он является главой Хельсинского комитета по правам человека в Сараево. Он провел всю войну в Сараево. У него очень большой личный опыт в конфликте, и он много занимался вопросами возвращения беженцев в Боснии и Герцеговине. Г-н Эмиль Хершаг из Института миграции и этнических исследований к сожалению не смог присутствовать в виду очень печальных обстоятельств. В воскресенье умер его отец. Он был настолько любезен, что пригласил своего коллегу Бориса Никсича для того, чтобы представить его доклад, а также поделиться некоторыми взглядами из Загреба и из Хорватии.

Батал Кобахия – Добрый день, дамы и господа. Я, честно говоря, хотел выступить системно, но поскольку у меня было мало времени, и я готовил доклад за день до приезда сюда, и, понимая, что сегодня очень сложно говорить системно о проблемах возвращения или не возвращения беженцев и вообще о миграционных процессах, позволю себе некоторую разбросанность. Действительно, накопилось огромное количество материалов, документов, дискуссий, претензий сторон, связанных с миграционными вопросами, требующих тщательного анализа. Господин Вальтер Кауфман сказал, что мы будем обсуждать здесь в Стамбуле проблему беженцев. Я немного иначе сформулировал бы данный вопрос. Проблема беженцев и перемещенных лиц, которая сегодня является одним из базовых вопросов,

вызывающих противоречия в политическом переговорном процессе, на самом деле имеет много составляющих, без учета которых невозможно достигнуть прогресса в данном вопросе. Абхазская сторона все время считает, и не раз об этом заявляла, что проблема беженцев излишне политизируется, и обсуждение судеб людей, оказавшихся беженцами в период вооруженной стадии грузино-абхазского конфликта 1992-93 гг., давно отошло от гуманитарных аспектов, что само по себе уже не правильно. Поэтому я обозначил тему своего доклада так: «*Миграционные процессы в Абхазии*».

ВСТУПЛЕНИЕ

В Абхазии в разные исторические периоды происходили процессы, непосредственно влиявшие на демографическую ситуацию. Вопросы, связанные с миграцией, как внутренней, так и внешней, очень сложные. Есть смысл, изучая миграционные процессы в Абхазии, заглянуть в историческое прошлое, хотя международные структуры и организации, фасилитирующие переговорный процесс, всегда настраивают стороны рассматривать лишь современный контекст, начиная с 1992 года. Но исторический дискурс тут необходим, поскольку миграционные процессы, которые происходили в Абхазии на протяжении последних двух веков, имеют непосредственное отношение и к нынешней ситуации. Без учета исторических реалий невозможно решение проблем беженцев. Как известно, основные демографические процессы, и кризисы, вызванные ими, измеряются рождаемостью, смертностью и миграциями. Три этих фактора в разной степени и в разные периоды истории имели свои специфические особенности. Усиление тех или иных факторов являлось основной причиной депопуляции населения страны в последние два столетия. В данном докладе речь будет идти о миграционных процессах с середины XIX века. Именно к этому времени зафиксированы первые массовые, добровольные и насильственные, перемещения людей, как на территорию Абхазии, так и из страны.

Наиболее значимыми событиями, повлиявшими на изменение демографической ситуации, я бы назвал следующие:

- Кавказская война XIX в. и последовавшая за ней насильственная депортация коренного населения (мухаджирство).
- Начало ассимиляционной политики в период царского самодержавия после депортации абхазов и изменение этнической ситуации в Абхазии. Переселенческая политика, направленная на заселение опустошенных в результате насильственного перемещения земель Абхазии.
- Установление советской власти. Ущемление политического статуса Абхазии. Сталинские репрессии в условиях тоталитарного режима и переселенческая политика в эпоху культа личности.
- Переселенческая политика в последующий советский период. (строительство ИнгургЭС, развитие курортной инфраструктуры).
- Миграции и вынужденные переселения во время и после грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.
- Миграционные процессы в условиях экономической изоляции Абхазии с 1993 по настоящее время. Проблемы, связанные с репатриацией в послевоенной Абхазии.

ДЕПОРТАЦИЯ, РЕПАТРИАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И АССИМИЛЯЦИЯ

Во второй половине XIX столетия, в результате Кавказской и последней Русско-Турецкой войн, абхазо-адыгские народы, собственно как и другие народы Северного Кавказа, вынуждены были покинуть места своего обычного проживания, свою историческую Родину, и фактически были депортированы в страны Ближнего Востока. Большая часть из них, которые именуются в исторической литературе как мухаджиры, оказались беженцами. На мой взгляд, устоявшийся термин в исторической литературе – мухаджиры, звучит достаточно иронично, поскольку означает добровольность переселения. Нельзя

назвать «добровольным» переселение людей, обусловленное последствиями Кавказской войны, когда жители Абхазии оказались заложниками политики больших держав и были поставленные в невыносимые условия у себя на родине, в результате чего были вынуждены покинуть ее пределы. Результаты были трагические как для абхазов, так для многих народов Северного Кавказа. Депортация народов привела к опустошению северо-западной и центральной части Абхазии. Значительно пострадали бзыбские и абжуйские абхазы. Исчезли многие этнографические группы и территориальные общины: садзы, жившие на побережье, в районе современных Сочи, Хоста, Адлер (Российская Федерация), Гечрыпша, Цандрипша и Гагры (Республика Абхазия), а также горные общества ахчипсуйцев, цвиджев, айбговцев, чуа, хамыш, псхувцев, дальцев, цабальцев, гумцев и др., а также родственные абхазам – убыхи, населявшие территорию между реками Шахе и Сочи (Российская Федерация). Выселению вместе с адыгами подверглись также абазины, жившие на Северном Кавказе. Первоначально потоки депортированных людей перемещались в Турцию и страны ближнего Востока (Сирия, Иордания). Сегодня большая часть потомков тех переселенцев проживает на территории Турции и в других странах Ближнего Востока. В 60-70 годы XX века небольшие группы перемещенных лиц стали расселяться маленькими колониями в странах Западной Европы, Америки и Австралии. Практически все потомки депортированных абхазов и абазин считают своей исторической родиной Абхазию.

В Абхазии репатриантами называют тех потомков депортированных в означенный период, кто возвращается на свою историческую родину. На сегодняшний день трудно судить о количестве абхазов, проживающих в Турции, но цифры, по разным источникам, колеблются от 200 до 700 тысяч. Ясное дело, что переписи кавказских беженцев не осуществлялось, ибо по турецкой конституции все мусульманские граждане страны являются турками. В частности есть материалы, которые предоставил мне господин В.Чирикба. Он несколько лет работал в Турции как лингвист и историк и зафиксировал большое количество поселений, где компактно проживают абхазы. По данным Чирикба количество абхазо-абазинских сел достигает 200. По его наблюдениям жители этих сел говорят на близких

между собой диалектах и говорах абхазского языка и обладают общеабхазским самосознанием.

Изгнанных и оставшихся на родине абхазов российский царь необоснованно обвинил в «предательстве» и «измене». Оставшиеся в Абхазии были объявлены «виновным» и «временным» населением Абхазии. Их лишили права селиться в центральной и прибрежной Абхазии. Депортированным абхамам после окончания боевых действий было отказано в возвращении на родину.

Следующий этап миграционных процессов, который также имеет отношение к нашему сегодняшнему дню – это миграционные потоки, приводившие к ассимиляции в условиях депортации абхазского населения. Речь идет о заселении Абхазии русскими, грузинами, а потом уже греческим и армянским населением.

С установлением советской власти эти процессы не прекратились, а лишь приняли иные формы. Не останавливаясь подробно на перипетиях исторических спиралей по ущемлению прав абхазского народа, напомним вам, что вскоре после снижения политического статуса Абхазии в 1931 году, когда Абхазия была введена в состав Грузии на правах автономии, начался особый период сталинских репрессий. В этот период проходила насильственная миграция жителей из внутренних районов Грузии на территорию Абхазии. Создавались компактные поселения грузин в чисто абхазских селах, население которых еще не было ассимилировано и не перемешано с поселенцами конца XIX века.

Следующий этап переселенческой политики, которая опять же имеет отношение к сегодняшнему дню, относится к периоду «потепления» в 60-70-ых гг., когда огромное количество рабочей силы, также из внутренних районов Грузии, стали переселять в Абхазию. Поводом, как правило, служили различные проекты. Например, гигантское строительство ИнгурГЭС, благодаря которому огромное количество грузин было переселено в Абхазию. Другим поводом были различные инициативы, направленные на развитие инфраструктуры, к примеру, курортной.

Почему я фокусирую внимание на этой теме: депортации абхазского населения в конце XIX века и начале частичной репатриации в конце XX века. Потому что эта тема очень важна для нас и, на мой

взгляд, справедливое решение вопросов, связанных с процессом репатриации абхазского населения, имеет прямое отношение к обсуждению проблем беженцев в результате грузино-абхазской войны 1992-93 гг.

Риторическая тема справедливости, на которой многие участники переговорного процесса делают особенный акцент, когда поднимается вопрос возвращения грузинских беженцев, в нашем сознании напрямую увязывается со справедливостью решения проблемы репатриации потомков абхазов, выселенных с территории Абхазии в конце XIX в. Потому что исход абхазов с их исторической родины в первую очередь отразился на той демографической ситуации, которую мы имеем сегодня, и на проблемах безопасности. Прежде всего, я имею в виду сохранение идентичности абхазов, что является важной проблемой грузино-абхазского конфликта.

Вопрос возвращения депортированных абхазов на свою историческую родину ставился сразу после установления советской власти. 30 сентября 1925 г. македонские абхазы обратились с письмом к абхазскому руководству с просьбой вернуть их на родину. Решение вопроса затянулось до 1931 г., и затем следы этого дела затерялись. После присоединения в 1931 г. Абхазии к Грузии на правах автономии, без учета волеизъявления народа Абхазии, в условиях тоталитаризма, были созданы такие условия, когда потомки депортированных абхазов уже не могли ставить вопрос о возвращении на родину.

В период перестройки и смягчения железного занавеса открылись некоторые перспективы для общения диаспоры с кавказской родиной. Между Абхазией и Турцией стали осуществляться морские пассажирские перевозки. В этот же период, в 1991 году, был организован визит спикера Абхазского парламента Владислава Ардзинба в Турцию, где он был принят рядом министров и главами некоторых оппозиционных партий. Однако распоряжением Президента Грузии Э. Шеварднадзе от 31 января 1996 г., №140, морские и воздушные порты Абхазии были закрыты. После снятия экономических санкций, решение этого вопроса не рассматривалось. По сей день абхазо-российская граница по реке Псоу практически закрыта для абхазов – граждан дальнего зарубежья, что делает невозможным легальное возвращение в Абхазию как морем и воздухом, так и транзи-

том через территорию Российской Федерации. В таких условиях легальный процесс репатриации невозможен. Неоправданный режим санкций против Абхазии, который снят недавно руководством России в одностороннем порядке, способствовал не только изоляции и давлению на непризнанную республику и ее руководство, но создавал условия для двусмысленного понимания основополагающих принципов прав человека как в отношении граждан Абхазии, так и абхазской диаспоры.

Можно сказать, что одним из основных факторов, препятствующих принятию ООН и Группой Друзей Генерального Секретаря ООН решения относительно необходимости возобновления прямого морского сообщения между Абхазией и Турцией, стала перспектива возвращения потомков мухаджиров. Изначально абхазская сторона настаивала на том, чтобы у потомков депортированных абхазов было международно-закрепленное право на возвращение, но никто им это не может обеспечить. Создается парадоксальная гуманитарная ситуация, когда с одной стороны Абхазия в одностороннем порядке возвращает грузинских беженцев, а с другой стороны Грузия при поддержке международного сообщества препятствует возвращению абхазов на родину. При том, что репатриация является одним из основных жизненно важных вопросов для Абхазии

15 октября 1997 г. Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия принял специальное постановление «Об акте депортации – абхазов-абаза в XIX веке», в котором подтверждается, что массовое истребление и изгнание абхазов-абаза в XIX веке в Османскую Империю признается тягчайшим преступлением против человечества. Согласно Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 1951 г. депортированные абхазы-абаза могут быть признаны беженцами. По современному международному праву эти люди считаются беженцами и имеют право на возвращение на свою историческую родину. В свое время, 29 сентября 2004 г., исполком Международной ассоциации абхазо-абазинского народа обращался к Генеральному секретарю ООН Кофи Аннуну с просьбой способствовать тому, чтобы УВКБ ООН, ОБСЕ и Евросоюз дали четкое определение статуса депортированных абхазов-абаза для правового решения вопроса репатриации абхазских беженцев в Абхазию. Однако их обращение повисло в воздухе. На

нынешнем этапе данный вопрос обсуждается и с турецкими политиками. В частности, в интервью газете «Амцахара» в июне 2008 г. Шамба Сергей отметил: *«Пускай никто не говорит, что кроме России ни с кем не стоит вести диалог. Тогда мы должны сказать о том, что отказываемся от вопроса репатриации наших братьев. Большая часть нашего народа живет в Турции. Я недавно был в Турции, и у меня там были встречи с действующими турецкими политиками. Мы обсуждали вопрос, связанный с репатриацией, открытием морских коммуникаций. Мы просили их оказать воздействие на грузинскую сторону и проявить свой интерес. Без возвращения беженцев Кавказской войны, все остальные проблемы нашего общества и государства гораздо сложнее решать».*

Абхазская диаспора прекрасно организована, отделения абхазских культурных обществ или клубов (дернеков) имеются во многих крупных городах Турции. Характер деятельности северокавказских обществ в Турции, о чем писал в своей статье В. Чирикба, обуславливает, в целом, благожелательное отношение к ним нынешних турецких властей. Турция, стремясь стать членом Евросоюза, вынуждена была недавно пойти на некоторые уступки этническим и языковым меньшинствам в плане предоставления им ограниченных культурных прав. В частности, стало возможным публиковать издания на языках меньшинств, организовывать курсы родного языка, было предоставлено право на радио- и телевизионный эфир для вещания на родном языке. Все это является значительным прогрессом в общем поступательном процессе демократизации турецкого общества. Дальнейший шаг – признание права на репатриацию потомков абхазов и других кавказских народов.

Основные права на репатриацию потомков перемещенных абхазов заложены в Конституционном законе Республики Абхазия «О Репатриантах» от 5 июня 1998 года с последующими изменениями и в постановлении Народного Собрания – Парламента Республики – Абхазия «Об акте депортации абхазов-абаза в XIX веке» 1997 года. Институты, регулирующие процессы репатриации – это Фонд репатриации Абхазии, Комитет по репатриации и различные общественные организации в Абхазии и в странах проживания диаспоры. К сожалению, указанные документы носят характер внутреннего ис-

пользования и воспринимаются только абхазской стороной. Международные организации, международные институты игнорируют данное право на репатриацию абхазов.

Для успешного решения проблемы репатриации абхазов я считаю важным в рамках политических переговоров обсуждать вопросы, связанные с беженцами в комплексе с проблемой репатриации абхазов, депортированных в конце XIX века. Сегодня, когда на переговорном процессе ставится вопрос о возвращении грузинских беженцев, абхазская сторона должна выдвигать требование увязать данный вопрос с вопросом о справедливости в отношении права абхазов на репатриацию, и ссылка на давность событий здесь не может быть аргументом. На сегодняшний день для нас очень важно обсуждение вопроса с представителями международных структур о возможном решении проблемы беженцев в таком сбалансированном порядке. Поэтому в последние годы абхазская сторона выдвигает требование обсуждать в рамках переговорного процесса и проблемы, связанные с правом на репатриацию абхазов, живущих за пределами Абхазии. Переговорный процесс улучшился бы, и можно было бы конструктивно обсуждать и проблему возвращения грузинских беженцев, если бы действительно в международном сообществе было бы понимание исторических вызовов в отношении судьбы абхазского народа, и если бы не игнорировалось право абхазов на репатриацию. Одним из основных требований абхазов остается признание на международном уровне факта депортации абхазов и закрепление за представителями зарубежной абхазской диаспоры статуса беженцев. Данное признание может частично компенсировать потери коренного населения и способствовать процессу мирного урегулирования. Международные структуры могли бы способствовать изучению позитивного опыта других стран в области решения проблемы репатриации: модели и механизмы адаптации, интеграции и т.п.

Изменение демографической ситуации в Абхазии в историческом контексте последних двух веков, на мой взгляд, привело к тому, что после событий 1992-93 годов, вооруженного кровавого конфликта, дальнейшее ухудшение демографической ситуации привело бы к гибели и потере как идентичности абхазского этноса, так и государства абхазского.

БЕЖЕНЦЫ

Последний период миграционных потоков связан с военной стадией абхазо-грузинского конфликта 1992-93 годов, в результате чего огромное количество людей переместились в ту или иную сторону. Часть людей оказалась в Грузии, часть людей, негрузинское население, в результате боевых действий тоже были вынуждены покинуть территорию Абхазии. На сегодняшний день многие из них не могут вернуться. Постоянно взывают к справедливости и чуткости абхазов, говоря о судьбах людей, ставших беженцами. Конечно, люди могут говорить о том, что выселение абхазов в конце XIX века, а потом миграционные потоки в XX столетии, которые превратили абхазов в те злополучные 18 % процентов у себя на Родине – все это происходило в очень давние времена, и это не имеет отношения к сегодняшней ситуации. Но эти события очень взаимосвязаны. И если можно согласиться, что этого не понимают простые люди, то совершенно неприемлемо, когда тот же уровень понимания демонстрируют люди, обладающие официальными мандатами переговорщиков международного уровня.

Относительно проблемы беженцев, которая воспринимается населением особенно чувствительно и ведет диалог в деструктивное русло, существуют совершенно непримиримые точки зрения, которые я бы хотел озвучить. С одной стороны, Абхазия требует признания независимости, с другой, грузинская сторона требует полного возвращения беженцев, и лишь после этого – обсуждение политического статуса. Мне кажется, что стороны специально ставят вопросы таким образом, потому что не готовы к переговорам. Априори известно, что когда ты ставишь неразрешимые установочные вопросы, которые невозможно обсуждать, то это уводит от переговоров. По всей видимости, стороны ожидают, что со временем, все вопросы сами по себе разрешатся.

Проблемы, связанные с интеграцией грузинских беженцев и их возвращением нельзя рассматривать в отрыве от имеющегося положительного и отрицательного опыта в данной сфере. Прежде всего, хочу напомнить, что основным документом, на который ссылаются все участники переговорного процесса, является Московское «Че-

тырехстороннее Соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц» от 4 апреля 1994 года.

Как известно, международные организации, осуществляющие гуманитарные миссии по вопросам беженцев, сталкиваются с множеством проблем, связанных с возвращением, интеграцией, реабилитацией беженцев и внутренне перемещенных лиц. Как справедливо отметил Кожокин, трудности связаны не только с нежеланием возвращать вынужденных переселенцев или беженцев властями той или иной стороны. Возникают проблемы и иного характера, которые также создают препятствия в этом процессе. Главное из этих препятствий – меры по обеспечению безопасности как вернувшихся беженцев, так и местного населения. Предлагаемые гарантии безопасности должны носить симметричный характер и касаться обеих вышеназванных групп населения.

Мне часто приходилось говорить о том, насколько несправедливо утверждение, будто абхазы не понимают того, что существует международно признанное право на возвращение беженцев в места их обычного проживания. Абхазская сторона никогда этого права не отрицала. Если брать во внимание Сочинские соглашения 1994 года, то абхазская сторона признала право на возвращение грузинских беженцев. Другое дело, что общественность Абхазии данное соглашение воспринимает очень тяжело и очень болезненно. Вы знаете, что на сегодняшний день в Гальский район Абхазии вернулось около 55 тысяч, некоторые называют 60 тысяч, в принципе четкой переписи не велось. Вообще спекуляция количеством перемещенных лиц, беженцев всегда имеет место. Не буду давать тут динамику возрастания численности беженцев, озвученных грузинской стороной, просто напомним вам последнее выступление президента Грузии Михаила Саакашвили перед бухарестским саммитом НАТО, где он назвал цифру в 500 тысяч. То есть, ровно то количество населения, которое вообще проживало в Абхазии до боевых действий. Получается, что и меня в Абхазии нет, тень моя только здесь присутствует, если в Абхазии вообще никто не живет, тогда непонятно с кем, и во имя чего ведутся абхазо-грузинские переговоры. У абхазов есть претензии в отношении того, что на переговорах обсуждается вопрос возвращения только грузинских беженцев, а тот факт, что помимо

грузинских беженцев в результате боевых действий огромное количество людей других национальностей были вынуждены покинуть места обычного проживания, международное сообщество воспринимает с неохотой. Да, на сегодняшний день, может быть, многие из них уже не являются беженцами, потому что для их возвращения в Абхазию нет угрозы их личной жизни, безопасности, но многие так и не смогли вернуться. Это связано с гуманитарными аспектами, разрушенной инфраструктурой, что служит препятствием для их возвращения и интегрирования. И если бы политики не бросались цифрами по поводу количества перемещенных лиц – от 250 до 500 тысяч, судьбу которых надо решать, данный вопрос легче было бы обсуждать. Абхазская сторона готова к верификации количества беженцев для того, чтобы решать их проблемы. Каким образом мы будем решать обозначенные проблемы, это должно обсуждаться в рамках политических переговоров и дискуссий в различных комиссиях.

Коротко хотел бы напомнить динамику переговорного процесса и процесса возвращения беженцев. Процесс возвращения беженцев в Абхазию начался практически сразу после окончания военных действий. Естественно возникало множество проблем, связанных с их репатриацией. Одной из них было противодействие Грузии созданию механизма проверки возвращающихся лиц, принимавших участие в боевых действиях. Добровольная репатриация беженцев в Абхазию началась в середине октября 1994 года, что нашло отражение в докладах УВКБ и МООННГ, которые я не стану тут цитировать, поскольку они достаточно известны. Абхазская сторона предлагала провести их регистрацию, однако это предложение было проигнорировано УВКБ.

4 апреля 1994 года в Москве было подписано четырехстороннее соглашение «О добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц», по которому Абхазия имела право проверки возвращающихся по соображениям безопасности, что вызывало негативную реакцию как со стороны Грузии, так и со стороны ООН. Впоследствии был сформирован политический механизм для урегулирования военных, политических и экономических аспектов мирного процесса в соответствии с «заключительным заявлением по итогам возобновленной встречи грузинской и абхазской сторон» от 17-19 но-

ября 1997 года. В Женеве были учреждены Координационный совет и три рабочие группы. Одна из групп занималась проблемами беженцев и перемещенных лиц.

Для решения вопроса возвращения беженцев оказывали политическое давление на Абхазию. Еще 19 декабря 1994 года вышло постановление правительства России «О мерах по временному ограничению пересечения абхазского участка российско-грузинской границы». А 19 января 1996 года Совет глав государств СНГ принял решение «О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором осудил «деструктивную позицию абхазской стороны, препятствующую достижению взаимоприемлемых договоренностей по политическому разрешению конфликта, безопасному и достойному возвращению беженцев и перемещенных лиц в места их постоянного проживания». Все эти и последующие решения такого рода принимались, несмотря на выполнение абхазской стороной подписанных ею и Грузией документов от 4 апреля 1994 года. Тем не менее, начиная уже с 1995 г. шел процесс постепенного стихийного возвращения беженцев с согласия абхазской стороны.

К сожалению, вслед за возвращающимися беженцами шли диверсионно-террористические группы, совершавшие нападения как на личный состав Коллективных Сил по Поддержанию Мира (КСПМ), так и на представителей абхазской администрации, что подтверждалось в докладах Генерального Секретаря ООН. В мае 1998 года в зоне конфликта, в Гальском районе, произошли столкновения грузинских террористических групп с абхазской милицией. Все эти действия грузинской стороны еще более осложнили проблему беженцев, был нанесен тяжелый удар по миротворческому процессу. Спонтанно вернувшиеся беженцы вновь были вынуждены покинуть территорию Абхазии.

В декабре 1998 года в Женеве проходила очередная сессия Координационного Совета. На ней абхазская сторона заявила о том, что она приняла решение начать процесс возвращения беженцев в Гальский район в одностороннем порядке, и обратилась к ООН, Российской Федерации, ОБСЕ, государствам членам Группы Друзей Генерального секретаря, к грузинской стороне с призывом поддержать это решение. Грузинская делегация назвала это заявление со-

вершенно голословным, не создающим никакой основы для процесса возвращения беженцев, не предусматривающим активное участие грузинской стороны и международного сообщества. Грузинская сторона вопреки собственным предыдущим требованиям о безотлагательном возвращении грузинского населения в Абхазию, стала связывать безопасное возвращение беженцев с политическим урегулированием, понимая под последним установление своей юрисдикции на территории Абхазии.

Несмотря на противодействие не только со стороны Грузии и Запада, но также и со стороны абхазского общества, 1 марта 1999 года абхазские власти через комиссию, созданную для этой цели, начали в одностороннем порядке осуществлять программу возвращения беженцев, включая их регистрацию. Но в связи с тем, что ООН не проявила должной заинтересованности в этом вопросе, а также из-за многочисленных оговорок со стороны международного сообщества и с грузинской стороны по поводу отсутствия гарантий безопасности возвращающихся, не удалось достичь взаимопонимания в этом вопросе. Однако абхазская сторона, несмотря на различные коллизии, после длительного перерыва, которые возникли из-за известных Кодорских событий в октябре 2001 года, в 2004 году продолжила односторонний процесс возвращения беженцев в Гальский район республики. После событий 1998 г. руководство Абхазии вернуло в одностороннем порядке около 50 тысяч беженцев в Гальский район. Однако этот беспрецедентный акт доброй воли не встретил никакого одобрения и поддержки со стороны международного сообщества, которое до сих пор официально не зафиксировало факт возвращения этих людей. Как заявил министр иностранных дел Абхазии Сергей Шамба 1 мая 2004 года: «Абхазская сторона намерена продолжить односторонний процесс возвращения беженцев в Гальский район республики, начатый весной 1999 года». Однако грузинская сторона по-прежнему пытается рассматривать этот гуманитарный вопрос в политическом контексте.

В резолюциях, принятых Советом Безопасности ООН неоднократно обращалось особое внимание на вопрос возвращения беженцев. В резолюции 1781 от 15 октября 2007 г. появились новые положения относительно возвращения беженцев и их статуса. Так, в п.

14 резолюции говорится о «новом поколении, находящемся за пределами Абхазии, Грузия». Очевидно, что это является проявлением стремления сохранить статус беженцев за потомками лиц, покинувших территорию Абхазии в результате войны 1992-93 гг. Данное право более чем двусмысленно, поскольку то же международное сообщество не считает правомерным такое же признание статуса беженцев за потомками абхазов, вынужденных покинуть родину в результате Кавказской войны. Вместе с тем, международное сообщество не приняло никаких мер для защиты имущественных прав граждан, целенаправленно изгонявшихся грузинскими оккупационными войсками из мест постоянного проживания в период ведения активных боевых действий.

ПОЗИЦИЯ АБХАЗСКОЙ СТОРОНЫ

Абхазия заявляла не раз о своей готовности придерживаться перспективного плана, предложенного Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. В связи с этим, процесс верификации грузинских беженцев, проводимый в рамках УВКБ должен получить большую поддержку всех участников мирного процесса, так как только благодаря независимой оценке ситуации может сложиться реальная картина предстоящей гуманитарной акции. Абхазская сторона готова всячески развивать и укреплять процесс возвращения беженцев в Гальский район Абхазии, так как сама является инициатором данного процесса с марта 1999 г., в то же время, настаивая на том, что вопрос возвращения беженцев требует более внимательного и взвешенного подхода. Международные участники процесса урегулирования должны осознать негативные последствия полномасштабного возвращения беженцев в другие районы Абхазии.

По мнению абхазской стороны, именно Грузия постоянно мешает процессу верификации и затягивает его. По предположению абхазской стороны, большая часть беженцев может ориентироваться не на возвращение, а на другие формы решения проблем, поэтому необходимо, чтобы УВКБ провело верификацию всех беженцев. Причина отказа Грузии в том, что им не выгодно чтобы открылась

реальная цифра как общего числа беженцев, так и тех, кто ориентируется на интеграцию в Грузии.

Среди грузинских беженцев есть категория тех, кто принимал участие в войне. В Абхазии господствует представление о том, что они не могут считаться беженцами и значит, не имеют права на возвращение. В таком случае, с учетом тех беженцев, которые уже вернулись, и тех грузин, которые не покидали Абхазию, а также тех, кто принял иное гражданство, абхазская сторона предполагает, что число оставшихся беженцев не будет превышать 50 000 человек. По всем выше названным положениям, по нормам международного права лица, принявшие новое гражданство и приобретшие недвижимость, теряют статус беженцев. Однако представители международных организаций признают беженцами даже тех, кто уже вернулся на территорию Абхазии, т.е. жителей Гальского района.

В вопросе верификации беженцев наряду с грузинами, абхазская сторона также настаивает на учете граждан других национальностей, кто в период боевых действий вынужден был покинуть места своего обычного проживания, находившиеся под грузинской властью. А это около 100 тысяч человек (практически все греческое население, русские, армяне, эстонцы и представители некоторых других народов).

Абхазская сторона готова к паспортизации населения Гальского района, хотя данное решение имеет противодействие среди многих жителей Абхазии. Возможно, что многие вернувшиеся грузинские беженцы согласятся на приобретение абхазского гражданства. Однако, все же неизвестно, согласно ли большинство жителей Гальского района на получение абхазского паспорта и соответственно гражданства, поскольку согласно действующему закону о гражданстве они должны будут отказаться от грузинского гражданства.

Вопрос возвращения грузинских беженцев невозможно решать без параллельного процесса возвращения потомков махаджиров, проживающих в Турции и странах Ближнего Востока. Грузия, подерживая санкции, удерживающие Абхазию в изоляции, препятствует возвращению наших соотечественников. Грузия предлагает им приезжать в Абхазию через территорию Грузии, но для репатриантов такой путь неприемлем.

Есть еще один момент, касающийся возможного решения проблемы грузинских беженцев – это возмещение убытков. Абхазия – демократическая страна, и мы готовы учитывать право на частную собственность. Возможно рассмотрение и изучение вопроса возмещения стоимости недвижимости определенной категории беженцев по расценкам довоенного времени. Те же, кому будут возмещены убытки, должны будут отказаться от своих намерений вернуться в Абхазию. Такие модели уже использовались в Косово при поддержке Международного банка развития, такую же модель можно использовать в Абхазии при поддержке международного сообщества.

Многие эксперты считают, что проблема грузинских беженцев является одной из наиболее сложных и многоплановых проблем в контексте урегулирования грузино-абхазского конфликта, поэтому вопросы мирного урегулирования следует рассматривать отдельно от проблемы беженцев. С другой стороны, если рассматривать проблему грузинских беженцев в тесной связи с проблемами национальной безопасности и стабильности, то понятно, почему у граждан Абхазии возникает стойкое убеждение, что официальный Тбилиси не заинтересован в решении проблемы беженцев на основе гуманности, а лишь использует эту тему как главный козырь на грузино-абхазских переговорах. Причины тому – отсутствие достоверной статистики, связанной с грузинскими беженцами, наряду с манипуляцией официальным Тбилиси цифрами и использованием проблемы беженцев в политических целях, что крайне осложняет грузино-абхазские отношения и отдаляет перспективу их урегулирования.

Относительно возвращения беженцев в абхазском обществе сложились устойчивые представления о том, что возвращение тех, кто поднял оружие против граждан Абхазии вообще не подлежит обсуждению. Преобладает мнение, что признание независимости Абхазии Грузией, или, по крайней мере, подписание соглашения между Абхазией и Грузией о невозобновлении военных действий, будет способствовать решению вопроса беженцев.

ПОЗИЦИЯ ГРУЗИИ

Руководство Грузии считает, что возвращение насильственно перемещенных в результате конфликта лиц является основополагающим принципом полномасштабного урегулирования конфликта. Тбилиси настаивает на безоговорочном, организованном и достойном возвращении всех беженцев. Как не раз заявлял президент Грузии, правительство страны не намерено отказываться от политики возвращения всех беженцев в Абхазию.

ПОЗИЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

В интервью грузинской газете («Абхазский меридиан» №4 (72) апрель 2008 г.) руководитель Представительства УВКБ ООН по делам беженцев г-н Петер Николаус отметил, что возвращению беженцев мешает в первую очередь то, что до сих пор стороны конфликта не договорились об общих основах возвращения, и пока не будут созданы соответствующие условия, способствующие этому процессу, он не может осуществиться. Отметив, что есть два типа возвращения – организованное и спонтанное, он согласился, что на нынешнем этапе в Гальский район спонтанно вернулось порядка 45 тысяч человек. При этом он отметил, что до 1998 г. осуществлялся процесс организованного возвращения.

Суть разногласий между грузинской и абхазской сторонами в вопросе регистрации беженцев в Гальском районе заключается в разном представлении о том, на основании каких критериев будет проходить процесс регистрации. Грузинская сторона считает, что она должна играть активную роль в процессе перерегистрации, на такую же роль претендует и абхазская сторона. Согласия достичь не удалось, и камень преткновения, по мнению международных наблюдателей, состоит в разных представлениях относительно того, какую информацию необходимо фиксировать в процессе регистрации. Абхазскую сторону вполне удовлетворяет уточнение лишь количе-

ства вернувшихся людей. А грузинская сторона хочет выяснить не только количество, но и профильные данные этих людей, в которые входит ряд характеристик. Что касается ООН, то для них профильные данные, конечно, важная информация. УВКБ ООН самостоятельно не проводит данную процедуру, поскольку опасается, что одна или другая сторона может с ними не согласиться. А, возможно, что обе стороны отвергли бы результаты их работы.

Однако согласно международному праву, беженцы, вернувшиеся в родные места, являются гражданами Грузии и теоретически должны подчиняться грузинским законам. Но практически они зависят от правительства Абхазии. Из-за этого противоречия в жизни жителей Гальского района возникает множество проблем.

Следует отметить, что большинство случаев ущемления прав людей исходит от криминальных, бандитских элементов, которые все еще находятся в нижней зоне Гальского района. Однако УВКБ и другие агентства ООН, констатируют факт, что ситуация в Гальском районе за последние несколько лет значительно улучшилась. Очень жаль, что многие в Грузии об этом не знают и искренне думают, что в Гальском районе сборище криминалов, где нарушаются все возможные права человека.

По мнению УВКБ ООН возможно установление временного юридического статуса для тех, кто вернулся в Гальский район. Но для этого необходимо согласие сторон конфликта. Только на основании такого согласия УВКБ ООН готово выдавать какие-либо идентификационные документы.

В отношении выдачи абхазских паспортов УВКБ ООН приняло к сведению заявление абхазской стороны о том, что паспорта будут выдаваться исключительно на добровольной основе. Комментируя это заявление, Генеральный Секретарь ООН отметил, что в таком случае данный вопрос остается на усмотрение абхазской стороны, поскольку документ признается только на территории Абхазии.

Россия не раз озвучивала, что необходимо начать перерегистрацию грузинских беженцев в Гальском районе, однако грузинские власти выступают против этого, о чем представители России не раз она ставили в известность международное сообщество.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЕЖЕНЦЕВ

Хотелось более подробно остановиться на международном опыте. Абхазия является одной из немногих стран, которые достаточно успешно проводят политику, связанную с возвращением беженцев до полного политического урегулирования, чего нельзя сказать о ситуации, например, в Косово, в Израиле. В этом смысле нам вполне понятны позиции этих стран. К примеру, Израиль не готов до сих пор к возвращению перемещенных лиц на свою территорию. Бывают разные процессы. Мы не хотим, чтобы поспешное решение проблемы беженцев могло привести к эскалации конфликта, поскольку мы фактически еще не отошли от того вооруженного конфликта 1992-93 годов, который мы имели. Я не буду подробно цитировать Ивлиана Хаиндрава, но вчера он сказал очень интересную вещь: «Иногда нам просто непонятно, на чем базируются те или иные точки зрения европейских структур, когда они предлагают какие-то концепции разрешения конфликта и возвращения». То есть, есть конфликт, есть стороны конфликта, возникли проблемы, которые очень сложно преодолеть и понятно, что простых решений просто не существует. Вполне согласен с его мыслью, и на этом закончу, потому, что у меня закончилось время.

Вальтер Кауфман – Большое спасибо, Батал. Я думаю, что мы до перерыва выслушаем еще второй доклад Арчила Гегешидзе и, может быть, успеем задать Баталу и Арчилу короткие вопросы. И после перерыва будут выступать наши международные гости. Теперь я передаю слово Арчилу Гегешидзе.

Арчил Гегешидзе – Добрый день еще раз. Я начну свое выступление с того, что вкратце, в основном для наших нерегиональных гостей, расскажу о том, как в Грузии видится наш конфликт в контексте миграции, потом я перейду непосредственно на обсуждение вопроса относительно беженцев, возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц в Абхазию и какие в Грузии позиции. Я в основном

буду высказывать официальное видение Тбилиси этого вопроса. В то же время я постараюсь воспроизвести те ощущения, чувства и ожидания, которые присутствуют среди самих беженцев и ВПЛ, хотя статистики по этому поводу очень мало, сами беженцы не в достаточной степени участвуют в нашей политической, общественной жизни, их мало слышно. Но, к счастью, имеются исследования, в том числе финансируемые организациями, которые здесь представлены, и в результате этих исследований мы более или менее имеем понимание тех проблем, которые присущи вот этому вопросу и в том числе относительно вопроса возвращения беженцев в Абхазию.

Так сложилось, что сегодня в Грузии в силу исторических, геополитических и экономических факторов особо остро ощущается взаимосвязь и взаимозависимость между конфликтом и миграцией. Сотни тысяч человек подверглись насильственному переселению или перемещению. Так, по меньшей мере, 350 000 человек потеряли свое постоянное место жительства в родных краях в результате конфликта в Абхазии и в Южной Осетии в начале 90-х годов, а 50 годами ранее десятки тысяч турок-месхетинцев пострадали от депортации. Эти люди ждут, не дождутся репатриации или возвращения в родные места. Но к этой массе, к этому количеству нужно добавить с одной стороны добровольную, но в принципе вынужденную эмиграцию гораздо большего количества людей в поисках улучшения экономических условий жизни. С начала 90-х годов более одного миллиона человек покинуло страну. По данным на 2007 год чистая миграция, то есть разница между числом прибывших и выбывших составила 45 мигрантов на 1000 человек. Тем временем, согласно принятому пятилетнему плану по снижению бедности ожидается возвращение 150 000 из-за границы. По оценкам международной организации по миграции Грузия стоит перед серьезным вызовом. Она нуждается в срочном реформировании правовой базы и институциональной системы, чтобы избежать негативные явления, связанные с бесконтрольной миграцией в будущем. Сегодня Грузия – эмиграционная страна. В будущем, однако, не исключен рост транзитной эмиграции и приток людей, ищущих постоянное место жительства. С одной стороны, чересчур либеральная эмиграционная политика и отсутствие надлежащих административных инструментов контроля и монито-

ринга, а с другой стороны из-за близости к Евросоюзу, растущая привлекательность страны как перевалочного пункта в Болгарию и Румынию, еще не входящих в Шенгенскую зону, возможно вызовут рост нелегальной миграции, что в свою очередь отрицательно отразится на решении социальных проблем вообще и в том числе социальных проблем самих беженцев и ВПЛ, репатриантов в Грузии. Международные организации по миграции, в частности, рекомендуют в первую очередь четкое видение управления миграцией, которое различало бы миграцию и эмиграцию и вопросы беженцев ВПЛ. По каждому из этих аспектов необходимо разработать краткосрочные и долгосрочные планы действий, чтобы феномен миграции как таковой пошел на пользу населению страны, а не ложился тяжестью. Батал уже отметил здесь, что проблема возвращения беженцев – это центральная проблема урегулирования конфликта. Несмотря на то, что она в первую очередь действительно гуманитарная проблема, в отличие от упомянутых выше других аспектов миграции, эмиграции, репатриации, она сильно политизирована и связана с решением сложной политической проблемы. С одной стороны, она напрямую завязана на грузино-абхазском конфликте, с другой стороны она опирается в сложные российско-грузинские отношения, ибо грузино-абхазский конфликт есть главный камень преткновения на пути к нормализации отношений между Грузией и Россией. Тема беженцев всплывает на всех переговорах переговорного процесса в рамках урегулирования конфликта, будь то вопрос определения статуса, состоянии дел с обеспечением человеческой безопасности в Гальском районе, снятия экономических санкций, подписание соглашений о невозобновлении боевых действий, создание приграничных свободных экономических зон, борьбы с незаконной миграцией, контрабандой и т.д. Грузинская сторона отказывается рассмотреть какие-либо формы урегулирования конфликта без решения вопроса возвращения беженцев, а абхазская сторона отказывается рассмотреть в обозримом будущем вопрос возвращения беженцев по всей территории Абхазии. Процесс возвращения частично был осуществлен на примере Гальского района, как об этом здесь уже говорилось, но проблема остается нерешенной. ... Что касается абхазского гражданства, об этом тоже здесь говорилось, по действующим

законам Республики Абхазия гражданами Абхазии могут стать те, кто проживали в Абхазии за пять лет до 1999 года. Согласно этому подавляющее большинство населения Гальского района лишено возможности получения абхазского гражданства. И тем самым они лишены возможности полностью интегрироваться в абхазское общество.

Позиция сторон. В существующем переговорном формате по возвращению беженцев в Абхазию обе стороны в конфликте пытаются достичь своей цели. Эти цели в принципе весьма понятны, известны, прозрачны. Для грузинской стороны – это восстановление доконфликтного, довоенного демографического баланса, структуры и чтобы потом было гарантировано решение статуса в пользу территориальной целостности Грузии. Для абхазской стороны – это недопущение коррекции результатов, как мы считаем и как считается отдельными международными организациями, этнической чистки и гарантированное решение статуса в пользу независимости. Для достижения этих целей стороны используют следующую тактику. Грузинская сторона представляет вопрос как чисто гуманитарный, следовательно, не имеющий отношения к переговорам оп политическому статусу. Согласно этой позиции беженцы имеют безусловное право на возвращение в места постоянного проживания по всей территории Абхазии вне зависимости от решения других вопросов этой проблемы. Вместе с тем, грузинская сторона разделяет мнение о том, что возвращение могло бы начаться с Гали, однако оно должно, первое, проходить под эгидой ООН, второе, иметь массовый характер и в течение одного-двух лет охватить всю Абхазию, и третье, следует разработать совместные с сухумскими властями, международными организациями механизмы безопасности всех возвращенцев. Абхазская сторона считает, что таким правом беженцы, как сказал Батал, действительно обладают. Однако, и это тоже было уже сказано и это известно, тотальное и безусловное осуществление возвращения приведет к нарушению стабильности в абхазском обществе, что чревато возникновением очередной волны насилия на этнической почве. Что касается гарантий безопасности, абхазская сторона не считает целесообразным и не намерена призывать кого-либо для охраны своих

граждан, то есть, допустить в регион кого-то другого для обеспечения безопасности в регионе. И Батал еще говорил о том, что нужно будет вопрос возвращения рассмотреть вместе с вопросом репатриации абхазов из Ближнего Востока, в основном из Турции.

Правовые аспекты возвращения беженцев. Внутригрузинское законодательство регулирует права беженцев посредством двух типов правовых актов. Первое – это правовые акты, которые касаются только беженцев и вынужденно перемещенных лиц и не относятся к остальным гражданам страны. Эти акты регулируют вопросы, относящиеся к специфическому положению в этой области. И второе – это правовые акты, которые не ограничиваются только категорией ВПЛ, эти акты имеют отношение ко всему населению Грузии, включая самих ВПЛ. Правовая база по беженцам/ВПЛ, конечно, нуждается в совершенствовании и в первую очередь в направлении гармонизации с руководящими принципами по внутреннему перемещению. Право на возвращение ВПЛ уже защищено международным правом. Мы бы здесь упомянули декларацию будапештского и лиссабонского саммитов ОБСЕ, которые гласят, что перемещение беженцев (ВПЛ) произошло вследствие этнической чистки, несмотря на то, что Абхазия не является международно признанным государством, международное право обязывает ее защищать права беженцев. Резолюции Совета Безопасности ООН регулярно призывают абхазскую сторону к обеспечению условий достойного возвращения беженцев, включая условие их безопасности и защиты прав человека. А самой последней была резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 мая сего года, которая признает право на возвращение всех беженцев (ВПЛ) и подчеркивает важность сохранения их имущественных прав. С 2006 года грузинское правительство осуществляет программу «Мой дом», целью которой является инвентаризация и регистрация недвижимости беженцев (ВПЛ), которые были оставлены в Абхазии. На сегодняшний день около 50 тысяч недвижимого имущества было зарегистрировано. Правительство Грузии надеется, что по мере накопления документации можно будет подать иски в Страсбургский суд. Что касается двухсторонних документов по поводу обязательств возвращения беженцев (ВПЛ) следует отметить

меморандум о понимании между абхазской и грузинской сторонами от 1993 года и уже упомянутое четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев (ВПЛ) от 1994 года. И вот на этой основе была создана, как уже сказано, четырехсторонняя комиссия по имплементации. Но по известным причинам эти договоренности, эти соглашения не реализовываются.

В какой степени готова грузинская сторона к организованному возвращению беженцев, если оно состоится? После смены власти в 2003 году правительство Грузии стало постепенно менять подход к решению проблем, связанных с беженцами (ВПЛ). В частности, концептуальной основой вновь разработанной государственной стратегии ВПЛ стал отказ от принципа о временном характере интеграции. А именно, было решено разработать комплексную стратегию в полном соответствии с руководящими принципами ООН о вынужденном внутреннем перемещении, согласно которым ВПЛ должны пользоваться равными правами и свободами и не должны подвергаться какой-нибудь форме дискриминации. Иными словами, новая государственная стратегия в отличие от прежних подходов не рассматривает интеграцию как временное состояние ВПЛ и не считает ранее существовавшее противостояние между двумя конфликтующими тенденциями в правительственной политике по ВПЛ нерелевантными. Речь идет с одной стороны о желании правительства улучшить условия жизни ВПЛ и предоставлении им равных прав и возможностей для самореализации. С другой стороны, правительство опасается, что по мере улучшения жизненных условий ВПЛ утратят мотивацию для возвращения в Абхазию, что само по себе является высшим политическим приоритетом. Именно этими опасениями и обусловлена противоречивость временного характера интеграции, заложенная в прежних подходах и так называемом новом подходе, представляющем собой определенный компромисс перед этими опасениями. Соответственно, меры и мероприятия, направленные на полноценную интеграцию подменялись полумерами. Сейчас как будто считается, что повод для подобных опасений отпал, и новая государственная стратегия призвана всячески помочь ВПЛ в достойной интеграции в общество. На самом же деле, как показывает анализ результатов различных исследований, мало что изменилось в

лучшую сторону. Отмечено, что фактически политика полноценной интеграции ВПЛ малоэффективна и новая государственная стратегия вполне может разделить судьбу предшественников. Объяснением данной ситуации может быть то, что вышеуказанные опасения по поводу возможного снижения мотивации для возвращения у ВПЛ все еще присутствует и реальная интеграция как цель не ставится. Исследования также показывают, что власти не готовы к организованному возвращению и это выражается, в том числе, в отсутствии: первое – ясного видения четко сформулированных путей улаживания конфликта, второе – надлежащей правовой базы для организованного возвращения, третье – адекватных институциональных и административных ресурсов, четвертое – соответствующих финансовых ресурсов для социально-экономической реабилитации мест организованного возвращения ВПЛ, и последнее – отсутствие соответствующих предпроектных оценок надлежащих социальных, инфраструктурных и инвестиционных проектов. Один из обсуждаемых вопросов в Грузии является: есть ли связь между интеграцией и разрешением конфликта с одной стороны и возвращением? Вопрос в том, является ли интеграция препятствием для возвращения или напротив, может внести вклад в мирное разрешение конфликта, включая возвращение ВПЛ в родные места. Аргументы в пользу первого довода следующие. Первое – с интеграцией ВПЛ упраздняется источник социальной напряженности и давления на правительство по поводу обеспечения условий для возвращения. В результате это может оказаться хоть и не решающим, но все же фактором снижения политической воли властей и международного сообщества урегулировать конфликт. Второе – в результате интеграции многие из числа ВПЛ особенно молодое поколение потеряет желание вернуться в Абхазию. Работа, собственность, новый круг знакомых и друзей – все это может иметь значение. Те, кто не разделяет такое мнение, обосновывают свою позицию следующими аргументами. Во-первых, в обозримом будущем в пределах десятилетия фактически невозможно создать достаточно комфортные условия для ВПЛ, чтобы они передумали возвращаться. Во-вторых, опыт показывает, что экономически активные и благополучные группы населения являются более мобильными и при благоприятных обстоятельствах готовы к пере-

ездам. В-третьих, возвращение ведь означает возвращение в какой-то мере потерянного имущества и собственности и ни один экономически активный человек не откажется от такой возможности.

Следующее. Включение ВПЛ через интеграцию в политическую и экономическую жизнь повысит потенциал государства и его эффективность, что в свою очередь облегчит Грузии задачу разрешения конфликта.

Перед завершением я бы хотел коротко коснуться вопроса чувств ожидания в самом кругу беженцев. Желание вернуться особенно сильно среди людей старшего и среднего поколения, то есть, тех, кто жил в Абхазии. Как я уже сказал, у молодого поколения, по наблюдениям отдельных исследователей, такого желания не просматривается. Второе. Исследования показывают, что среди ВПЛ желание помириться с абхазами достаточно сильно. Отмечают, что с абхазами многих связывают узы родства, соседства, дружбы. Высказывается мнение, что за пройденные годы люди выросли внутренне, многое было пересмотрено, а потому желание восстановить отношения хотя бы на уровне человеческих сейчас сильно как никогда.

И в конце я бы хотел в качестве выводов завершить тем, что действительно, как сказал Батал, стороны ставят друг перед другом не решаемые вопросы. Несмотря на то, что возвращение беженцев никем не отрицается, в том числе абхазской стороной, в силу всей специфики существующей политической ситуации, этот вопрос одним махом не решается и, видимо, нужно будет этот вопрос начать решать в комплексе, синхронно, вкупе с другими вопросами. То есть, только в новых условиях, в условиях мирного процесса можно будет думать и надеяться решить эту проблему. А чтобы этот новый мирный процесс начался, надо очень многое делать сторонам конфликта, в первую очередь грузинской стороне. Нужно менять совершенно философию, подход к решению конфликта, парадигму если хотите, которая в первую очередь рассматривала бы абхазскую сторону в конфликте не как соперника, а как действительно партнера. Нужно будет вместе подумать о смене форматов в том числе и переговорного процесса и системы гарантий безопасности, потому что, как показали все эти прошедшие годы, существующая система не то что не решает вопросы, наоборот, ситуация все более отягощается и

ситуация становится все более и более опасной. То есть, ее нужно менять. В этом изменении, в этой смене у всех своя роль. И у грузинской стороны, и у абхазской стороны, и у международного сообщества. Видимо, нужны какие-то экстраординарные новаторские взгляды, подходы, чтобы эту проблему решить. Иначе вопрос возвращения беженцев и вообще урегулирования конфликта как проблема не решится. И нерешенность этой проблемы чревата дальнейшей эскалацией ситуации в регионе. Спасибо.

Вальтер Кауфман – Большое спасибо, Арчил, и большое спасибо Баталу. У нас осталось время, и я предлагаю использовать его для коротких вопросов и замечаний. Это недостаточное пространство для долгих дискуссий. Может быть, есть какие-то конкретные уточняющие вопросы к нашим докладчикам? После перерыва мы выслушаем презентации из Боснии и Герцеговины и Хорватии и потом будет время для обсуждения.

Нателла Акаба – Мне трудно определить жанр – это замечание или вопрос. Я могу в форме вопроса высказать свое замечание. Я бы хотела уточнить в отношении доклада Арчила, очень интересный доклад и насыщенный, но не со всем я могу согласиться. Например, насколько обосновано утверждение, что абхазские власти вообще отрицают право беженцев на возвращение? Я никогда не слышала о такой официальной позиции. Наоборот, право на возвращение зафиксировано в московском соглашении от 1994 года. Другое дело, что это возвращение может повлиять на безопасность не только самих возвращающихся, но и тех людей, которые уже проживают в Абхазии. Речь идет об этом. И второе. Насколько справедливо утверждение о том, что грузинские власти готовы на возвращение беженцев без восстановления юрисдикции Грузии? Насколько мне известно, как раз эта проблема и является главным препятствием для того, чтобы придать организованный характер возвращению беженцев в Гальский район Абхазии. И речь идет именно о том, что без восстановления юрисдикции Грузии над всей территорией Абхазии грузинская сторона категорически против такого возвращения. А в вашем выступлении прозвучало, что это, вроде бы, не является необ-

ходимым условием. Или, может быть, я не так поняла? И еще один момент. Мне очень странно слышать такой термин, как временная интеграция. Мне кажется, что в этом есть какое-то политическое лукавство. Как может быть интеграция временной? И насколько это вообще соответствует нормам в области прав человека, таким как свобода передвижения? Если человек хочет переехать в другую часть, как вы считаете, одной и той же страны, как в этом ему можно препятствовать? Спасибо.

Манана Гургулия – Насколько соответствует действительности ваше утверждение о том, что грузинская сторона рассматривает проблему возвращения беженцев как гуманитарную проблему? Часто возвращение беженцев представляется с грузинской точки зрения возможной гарантией или базой для восстановления территориальной целостности. Все-таки для вас это гуманитарная проблема или политическая? Далее, останавливаясь на проблеме возвращения беженцев, касаясь вопросов интеграции собственно в Грузию, вы говорили, что есть опасения, если беженцы интегрируются в Грузию, то не захотят возвращаться в Абхазию. Присутствует здесь политический момент или не присутствует? И маленькое дополнение. Я услышала в докладе о том, что беженцы в Абхазию стали возвращаться с 1999 года. 1999 год имеет отношение ко второй волне беженцев после майских событий 1998 года. А процесс возвращения беженцев в Абхазию, причем по линии УВКБ начался буквально с 1994 года.

Юлия Харашвили – Спасибо обоим докладчикам за содержательные доклады. У меня два вопроса, если можно к Баталу. Первый вопрос. Когда вы говорите, что абхазская сторона увязывает вопрос о возвращении вынужденно перемещенных лиц во время последнего конфликта с возвращением лиц, которые были депортированы в XIX веке, то в чем заключается это увязывание? Это финансовый вопрос? То есть, вы хотите, чтобы были программы финансирования? Или кто-то выступает против репатриации абхазов? Я, например, в Грузии никогда не слышала, чтобы кто-то выступал против этого естественного права людей вернуться. То есть, это вопрос, касающийся политического решения, потому что, как я понимаю, по-

литическое решение у вас уже принято двумя этими актами. Это касается финансовых вопросов? Или это касается каких-то специальных программ репатриации? И второй вопрос – я просто хотела уточнить. Когда вы говорили о верификации 2006 года... в принципе, верификация была проведена в 2005 году. В Грузии число внутренне перемещенных лиц было верифицировано. То есть, ты говоришь о том, что необходима верификация в Гали. Я правильно говорю? Потому что верификация на территории собственно Грузии была проведена в 2005 году, и в этом году опять была проведена регистрация. Об этом я буду говорить позже. Годовая регистрация в 2007 году, которая закончилась в марте, причем я должна сказать, что по закону о регистрации каждый человек, включая и грудного ребенка должен явиться лично, потому что снимается фотография. 219 000 826 человек на 31 марта. Включая тех людей, которые находятся сегодня на территории Гальского района, но зарегистрированы как внутренне перемещенные лица, поскольку нет оснований для снятия статуса беженцев, нет условий для безопасности. Могу сказать, что не все из Гальского района приходили регистрироваться. Потому что существуют определенные препятствия. Мобильная группа должна регистрировать людей, которые могут появиться лично. 300 тысяч – это были данные послевоенной регистрации. Я вам привожу те данные, которые я взяла в министерстве по беженцам и расселению. Еще одно маленькое допущение, что это число тех людей, которые зарегистрировались. Есть еще, наверное, большое количество людей, которые не прошли эту регистрацию, и поэтому они в это число не включаются. Это те, кто в течение 2007 года официально появились в министерстве или в мобильных группах и зарегистрировались.

Лиана Кварчелия – Спасибо, Юля, за эти цифры. Мой вопрос тоже связан с цифрами. Арчил, вы сказали, что из Грузии выехал один миллион человек. А известно, какова доля грузинских беженцев из Абхазии в числе этих мигрантов? Во-вторых, не знаю, правильно ли я вас поняла, что главный камень преткновения между Россией и Грузией – это Абхазия. Вы действительно считаете, что если бы была «восстановлена территориальная целостность» Грузии, то между

Россией и Грузией вообще исчезли бы противоречия? Грузия откажется вступить в НАТО? И все проблемы будут решены?

Вальтер Кауфман – Я должен сказать, что мы специально попросили обоих – и Батала, и Арчила – изложить нам официальные позиции сторон, так что не все, что было сказано со стороны Грузии или со стороны Абхазии должно автоматически соответствовать личным позициям докладчиков.

Арчил Гегешидзе – Спасибо за интерес и за все эти вопросы и замечания. Первый вопрос – насколько обоснованы утверждения о том, что власти Абхазии отрицают право беженцев на возвращение? Я этого не говорил, наоборот, власти признают это право, и об этом Батал сказал. Так что я этого не говорил. Насколько справедлива позиция Грузии о том, что до восстановления юрисдикции невозможно возвратиться в Гали? Я в своем докладе этого вопроса не касался. То есть, Грузия не считает возвращение в Гали завершенным процессом и проблему урегулированной, я говорил о других мотивах, но этого я не приводил. Я думаю, что в последнее время этот аргумент не слышится. Я лично не слышал, что грузинская сторона настаивает в первую очередь восстановить юрисдикцию и потом вернуть... мне кажется, что грузинская сторона сейчас акцент делает на том, чтобы в Абхазии были созданы условия, сам процесс проходил бы под какими-то международными гарантиями, процедура была бы гарантированной и чтобы там на месте были бы созданы условия для нормальной жизнедеятельности: и с точки зрения прав человека, и судопроизводства и все прочее. Я в последнее время такого аргумента не слышал, чтобы пока не восстановится юрисдикция Грузии, возвращение беженцев не будет считаться завершенной проблемой. Хотя, конечно, эти два вопроса взаимосвязаны. Это гуманитарная проблема, но она настолько политизирована, что в большей степени мне кажется, что это политическая проблема, чем на самом деле гуманитарная проблема. Хотя грузинская сторона иногда старается спекулировать гуманитарным аспектом этой проблемы, но добивается главной политической цели. И поэтому это логично, нормально. Любая страна так бы и поступила.

Что значит временная интеграция? Да, действительно временность интеграции – вот этот принцип был отвергнут, он был присущ предыдущему периоду так называемого нового подхода. Тогда считалось, что можно создать какими-то полумерами какие-то временные условия беженцам, потому что потом они все равно вернуться в Абхазию. То есть, государство не заботилось о создании настоящих человеческих нормальных условий для этих беженцев. Эта категория людей очень часто дискриминировалась. А вот новая стратегия официально, формально этот принцип отвергает, но все равно в психике, в ментальности, где-то в уме этот страх присутствует. Мне так кажется, потому что, во-первых, я думаю, об этом расскажет Юля в своем выступлении... об этом свидетельствует то, что не принят план действий, и я не думаю, что у министерства действительно в качестве высшего приоритета это дело лежит на столе – усовершенствовать саму стратегию. Что самое главное, что план осуществления этой стратегии не принят в целом, эта стратегия так и не осуществляется, потому что нет плана. И этот принцип, в том числе, тоже как бы не внедряется. Я с вами согласен, с пафосом вашего вопроса, что временность интеграции как таковая не должна существовать. Дальше Манана спросила о боязни снижения мотивации интеграции, я уже в принципе на это ответил. Действительно, когда такая связь есть значит, в принципе здесь есть политика, потому что высшим политическим приоритетом является возвращение максимально возможного количества беженцев в Абхазию. Когда я упомянул 1999 год, я имел в виду то, что после того, как бывший президент Абхазии предстал с инициативой о том, чтобы дать возможность вернуться всем желающим в Гальский район – после этого основная масса беженцев в Гальский района начали возвращаться. Может быть, я ошибаюсь, и в Гальский район начали возвращаться беженцы сразу же после окончания войны, но после 1999 года, когда президент Ардзинба выступил с этой инициативой, добровольно, спонтанно, но все-таки большее количество тех, кто проживает, начали возвращаться именно тогда. И Лиана спросила насчет одного миллиона мигрантов, которые покинули Грузию, какова там доля абхазских беженцев... очень маленькая в принципе. Потому что речь идет о нескольких десятках тысяч, которые сейчас находятся вне Грузии.

Например, у меня есть цифра, что 350 000 вместе с Южной Осетией были передислоцированы в результате этого конфликта, если убавить отсюда, допустим, 220 000, можно считать, что остальные живут за пределами Грузии. По отношению к одному миллиону это составляет маленькую долю. Получается, что 100 с лишним тысяч живут на Украине, в России и в других местах. Я считаю, что этот вопрос есть главный раздражитель в отношениях между Грузией и Россией. Я бы даже сказал, что этот вопрос воспринимается более остро, чем вопрос НАТО, я думаю, что это более важный и главный вопрос. Если спросить меня лично, если поставить на весы с одной стороны вступление в НАТО, а с другой – территориальную целостность, конечно же, если провести референдум или плебисцит, то народ проголосует за территориальную целостность за счет интеграции в НАТО.

Батал Кобахия – Честно говоря, времени было мало. И я поэтому не стал вдаваться в детали. Вопрос о репатриации... В Грузии уже решили, что беженцы вернутся в Абхазию. Чего же они не возвращаются? Потому что этот вопрос не имеет общего понимания всех сторон. Что касается вопроса репатриации, это наше внутреннее решение – их право на возвращение. Но извините, они должны иметь международно закрепленные права, многие из них сегодня являются гражданами Турции, гражданами других европейских государств. И они не могут нелегально и подпольно осуществлять процесс репатриации на историческую родину. За ними должен быть международно оформленный статус в соответствии с тем, что было выработано в рамках Женевского процесса с 1996 по 2000 годы. И мы хотим, чтобы этот вопрос в переговорном процессе стоял наряду с правом на возвращение беженцев. Я об этом сказал, но, наверное, даже абхазские участники меня немножко неправильно поняли... Перед тем, как переговорный процесс остановился, министр иностранных дел сообщил о том, что в копилку тем для обсуждения на переговорах был включен и вопрос о репатриации. Но это были устные разговоры. Он еще пока не стал языком протокольных дискуссий сторон в рамках переговоров. Мы считаем, что для того, чтобы сдвинуться с места, чтобы эти вопросы можно было решать, должен рас-

смагиваться и вопрос о беженцах с XIX века. Я сейчас не буду останавливаться на перемещенных лицах 50-60-ых XX века, вообще тема не очень приятная, непростая – все, что касается прав людей, но, тем не менее, почему-то считается, что кто-то может громко заявлять о проблемах одних граждан, а другие этого не могут.

Я тоже хотел бы задать вопрос Арчилу. Мне иногда трудно понять – где его позиция, а где позиция официальная. Особенно, что касается этнических чисток. Вот когда Ивлиан говорит, я точно знаю, что это его точка зрения. А вот тут я просто не понял.

Что касается верификации, то ее не было. 300 000 было в 1994 году ... Я имел в виду, что в 2006 году УВКБ официально еще раз подтвердило, что действительно необходима верификация. То, что вы сделали свою внутреннюю верификацию – это ваша внутренняя верификация.

Юлия Харашвили – Это была верификация, проведенная UNIFEM.

Батал Кобахия – Это ни о чем не говорит. Абхазская сторона настаивает на том, чтобы участвовать в этом процессе, этот вопрос обсуждался.

Арчил Гегешидзе – Отвечая на замечание Батала, я в самом начале своего выступления сказал, что я буду высказывать позицию официального Тбилиси. Мне так поручили, меня так попросили, чтобы я свое выступление построил так. А что касается этнической чистки, я могу иметь другое мнение. Будучи в правительстве, и я мог бы это в арсенале иметь, чтобы добиться своей политической цели. Но могу понять, почему это делается. Думаю, что само видение этой проблемы, как я сказал в заключении, нуждается в изменении. Пока весь этот подход, все видение не изменятся, если все останется по-прежнему, в том числе форматы, в том числе существующая расстановка сил тех, кто нам с вами помогают решить эту проблему, тогда в арсенале будут использоваться все возможные ресурсы, в том числе вот этот дипломатический ресурс, которым является запись вот этих документов. Поэтому я могу понять, почему это делается. Чтобы этого не делалось нужно в корне изменить всю существующую систему

урегулирования конфликта, нужно всем вместе более гибко и новаторски отнестись к этому вопросу.

Пола Гарб – Как вы знаете, есть отчет о нашей предыдущей прошлогодней конференции на английском языке, будет такой же отчет и об этой конференции. Теперь мы переходим к другому докладчику – Борису Никсичу. Он здесь читает доклад своего коллеги из Хорватии Эмиля Хершак, который не смог приехать на конференцию из-за того, что в эти дни потерял отца.

Эмиль Хершак, Борис Никшич

Институт миграции и этнических исследований.

Загреб, Хорватия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ

(На примере Хорватии)

Сказать, что тема “конфликт и миграция” является сложной, было бы преуменьшением. Эта тема обширна, и хотя ее можно несколько сузить, рассматривая в данном исследовании “конфликт”, в первую очередь, как военный или политический, а миграцию, как этническую миграцию, тем не менее, количество исторических примеров, относящихся к данной категории, все равно будет огромным. По сути, типичные примеры встречались еще на заре человеческой истории. Мы могли бы, конечно, произвольно ограничить картину и сосредоточиться только на событиях современной эпохи, или недавних событиях. Однако, несмотря на специфику современной эпохи, механизмы, лежащие в основе военных конфликтов и этнических миграций, зачастую архаичны. Точно также оборонительная и агрессивная символика, характерная для таких конфликтов, обычно наследуются из прошлых эпох, хотя современные социальные, экономические и политические концепты вплетаются в такой сюжет. Некоторые модернисты считают, что эти современные компоненты являются истинными или, возможно, единственными причинами возникновения современных конфликтов, и что старые исторические “слои” используются, для оправдания этих причин в долгосрочной перспективе. Существует также научное направление, которое утверждает, что этническая или национальная идентичность сама по себе оппортунистический конструкт, который выстраивается вновь и вновь, чтобы обеспечивать интересы нынешних социальных групп и политических лидеров. Недостаток этой теории заключается в том, что она не объясняет преемственности традиций и завышает роль субъективного руководства. Распад бывшей Югославии, похоже, говорит об обратном. Субъективные интересы отдельных групп или

лидеров (независимо от того, как мы оцениваем их в долгосрочной перспективе, позитивно или негативно) могут быть достигнуты, *если и только если* они сформулированы в соответствии с реальными или предполагаемыми потребностями уже существующих этнических или национальных идентичностей.

Важно учитывать это при попытке понять и решать этнические и национальные конфликты. Вместе с тем, преемственность также является сложным понятием, она часто парадоксальна, и по самой своей природе никогда не поверхностна. Югославия не распалась из-за “вековой ненависти”, конфликт не произошел по упрощенной схеме, как это иногда тиражируется в зарубежных СМИ. Югославия выжила постольку, поскольку входящие в ее состав южнославянские народы (и позже другие меньшинства) считали, что страна охраняла и защищала их различные индивидуальные ценности и самобытность, которые развивались и были приняты ими задолго до создания первого югославского государства. В самом деле, если бы сербы, хорваты и словенцы уже не консолидировали бы свои собственные специфические этнические или национальные идентичности, первое Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в Югославию в 1929 году, никогда не было бы создано. Именно по той причине каждый раз, когда югославское политическое руководство пыталось стереть эти идентичности и создать единую нацию “над всеми”, страна стала ослабевать, и это приводило к имманентным этно-национальным конфликтам. Политика так называемого интегрального югославизма, югославская по названию, но сербская по содержанию (благодаря структуре власти и относительному демографическому доминированию), была одной из главных причин, почему Королевство Югославия распалось через несколько дней после нападения гитлеровской коалиции в апреле 1941 года. Частичные изменения этой политики в 1939 году, когда было создано автономное образование Бановина Хорватии внутри Королевства, были приняты слишком поздно, чтобы предотвратить распад.

Независимое государство Хорватия, сокращенно по-хорватски НДХ (Независима Држава Хорватска), было создано 10 апреля 1941 года хорватскими националистами, усташами, при помощи нацистской Германии и фашистской Италии. Это политическое образова-

ние получило неоднородную поддержку. Большинство хорватов с энтузиазмом приняли основную концепцию хорватского государства, однако большие территориальные уступки фашистской Италии и характер режима усташей, который принял расовые законы и осуществил акты геноцида в отношении евреев и цыган, наряду с массовыми репрессиям и казнями этнических сербов и других, также быстро оттолкнуло многих хорватов. Кроме того, в некоторых районах НДХ (ныне Хорватия и Босния), сербская повстанческая милиция, четники, проводили массовые убийства хорватов и боснийских мусульман. Действительно, репрессии, убийства и насильственные перемещения членов различных этнических групп совершались практически всеми иностранными и местными силами после падения первой Югославии. И эта ситуация в конечном итоге привела большое количество людей разных национальностей в антифашистское движение, руководимое партизанами Тито, по сути коммунистической партией.

Тито и его сторонники хорошо понимали причины падения предыдущего югославского государства. Так, в ходе второй сессии Антифашистского Совета по национальному освобождению Югославии (в последнюю неделю ноября 1943), они провозгласили что новое югославское государство, будет федерацией национальных республик, созданной на основе принципа самоопределения южнославянских народов.

Победа партизан в 1945 году привела к созданию Социалистической Федеративной Республики Югославия, с шестью социалистическими республиками. Федеральная модель была явно скопирована с Советского Союза: в государстве доминировала коммунистическая партия, и в первые послевоенные годы проводимая ею “методология” была очень похожа на советскую практику времени сталинской эпохи. Кроме того, сразу после своей победы, партизаны предприняли меры против различных “врагов народа”. К их числу относятся проведение массовых казней и “маршей смерти” против отрядов усташей и солдат регулярной армии НДХ, многие из которых бежали в южную Австрию с членами своих семей.

Также имели место массовые убийства, т.н. foibe, сбрасывание людей в пропасти в карстовых местностях Истрии и на побережье

Словении после прибытия партизан.¹ Последние способствовали созданию атмосферы страха и общей нестабильности в Истрии и в других районах, объединенных с Югославией, которые ранее в период между войнами относились к Италии. Мирный договор, подписанный с Италией в 1947 году, позднее обеспечил жителей этих районов правовыми гарантиями, и они могли “выбирать” итальянское гражданство и эмигрировать в Италию. Большинство этнических итальянцев, как и многие местные хорваты, и словенцы эмигрировали. В то же время, практически все немецкое население, которому вменялась коллективная вина в сотрудничестве с нацистскими силами, бежало или было изгнано из тех районов государства, в которых они проживали по меньшей мере с XVIII-го века. Сербь и хорваты из бедных сельскохозяйственных горных районов были переселены на плодородные земли восточной части Хорватии (Славонии), и в Воеводину, из которых немцы были высланы.

Я еще не коснулся вопроса статистики в отношении жертв геноцида или насильственного изгнания и т.д., в основном потому, что эти цифры были предметом политики манипулирования с самого начала. Сразу после войны количество убитых было умышленно завышено до 1 700 000 человек для того, чтобы увеличить объем военных репараций, требуемых Югославией от Германии и других побежденных стран оси. Однако более точной представляется оценка эксперта по статистике Боголюбa Косовича, сербского боснийца, проживающего в Америке, который определил цифру в 1 014 000 человек, которая почти совпадала с данными, предоставленными хорватским экспертом ООН Владимиром Державичем (1 027 000 человек). Более того, Косович пришел к выводу, что 487 000 человек из этого числа составляли этнические сербы, 207 000 – хорваты, 86 000 – боснийские мусульмане. Державич дал более высокое количество по сербам – 530 000, немного меньше оказалось хорватов – 192 000 и больше мусульман – 103 000. Принимая во внимание только территорию НДХ, Богович дал цифру по убитым сербам – 370 000.² По Державичу убитых сербов насчитывалось до 335 000, т.е. 13 000

¹ Итальянский термин foibe означает пропасть в карстовой местности

² см. Горан Николич, Истина и примирение на просторах бывшей Югославии http://www.nspm.org.yu/Debate/2006_POM_nikolic_zrtve111.htm

убитых за рубежом и 322 000 в стране, из которых 125 000 были комбатантами и 197 000 мирным населением (78 000 убиты усташами, 45 000 убиты немцами, 15 000 убиты итальянцами, 25 000 заболевшие тифом и 34 000 убиты в столкновениях между усташами, четниками и партизанами.)³ Разумеется, также сильно преувеличено количество жертв партии (коммунистической) из-за действий в период после Второй мировой войны. В некоторых комментариях было указано 300 000 хорватов, боснийских мусульман и других членов разгромленных армий, совместно с не-комбатантами, убитыми на юге Австрии, в соседней Словении или в ходе “маршей смерти”. Державич, однако, указывает общее количество между 45 000 и 55 000 человек. Аналогичны цифры в отношении лиц, убитых партизанами во время массовых убийств, сбрасывания в пропасти и в других ситуациях, в областях, доставшихся от Италии. Они составляют от 2 000 до 10 000 и более. В 2000 году авторы совместного словенско-итальянского доклада, который был направлен на преодоление исторических противоречий, решили использовать формулировку “сотни казней” в связи с этим вопросом.⁴

Но каким бы точным не было число жертв, была создана атмосфера небезопасности, как я отмечал, наряду с другими факторами, мотивировавшими массовый исход населения в Италию. Цифры, приведенные итальянскими авторами, иногда говорят о 350 000 итальянских изгнанниках, в то время как хорватские, словенские и другие итальянские подсчеты показывают, что было около 250 000 “оптантов” за весь период до 1961 года. Примерно треть этого оттока состояла из этнических хорватов и словенцев.

К последним этническим репрессиям, которые проводились партизанскими и югославскими властями после Второй Мировой войны, относится выселение немецкого меньшинства. В данном случае статистика варьирует от 200 000 до 550 000. Данные о меньшем количестве предоставлены Центром против изгнания в Висбадене, и включают случаи, зарегистрированные в период с 1944 до 1948.⁵

³ см. Владимир Державич, “Югославия – манипуляции с количеством жертв Второй Мировой войны”, <http://www.hic.hr/books/manipulations/index.htm>

⁴ см. “словенско-итальянские отношения, 1880-1956”, <http://www.kozina.com/premik/poreng4.htm>

⁵ см. Zentrum Gegen Vertreibungen, <http://www.zgv.de/aktuelles/?id=59>

Однако, следует отметить, что большая часть этнических немцев была эвакуирована в Германию и Австрию до победы партизан, так что к концу 1944 года только 195 000 немцев оставалось в новом югославском государстве. 170 000 были помещены в концентрационные лагеря, в которых по болезни и из-за плохих условий жизни погибло около 60 000 человек. Кроме того, законы нового режима не только исключили возможность возвращения немцев, которые уже уехали, но также санкционировали конфискацию их земель. Таким образом, в общей сложности 97 720 хозяйств, охватывающих 637 939 га были конфискованы (5 703 хозяйств в Словении, 20 457 в Хорватии, 3 523 в Боснии и Герцеговине, 68 035 в Воеводине и одно в остальной части Сербии).⁶ В сочетании с другими факторами, такое уничтожение экономической основы немецкого меньшинства, которое ранее в основном было сельским, естественно, вынудило остальных немцев эмигрировать.⁷

* * * То, что я говорил выше релевантно для понимания последних этнических конфликтов и миграций, которые произошли во время окончательного распада Югославии, а точнее в период войны в Хорватии. Прежде всего, модели этнического терроризма и этнической чистки на южнославянской территории в значительной степени *осуществлялись* и даже находили политическое *оправдание* во время Второй Мировой войны и в послевоенные годы. Но это не было результатом “вековой ненависти”, и скорее является результатом создания государственных проектов, которые пытались отрицать существующие идентичности, и которые были смоделированы в соответствии с распространенными тоталитарными методами времени: нацистско-фашистскими и позднее сталинскими.

Еще в 1937 году Васа Кубрилович (1897-1990) ясно продемонстрировал эту логику, призвав к высылке албанцев из Королевства Югославия во время чтения лекции в сербском культурном клубе в Белграде. По его словам: “Если Германия может вынудить десятки

⁶ Владимир Гейгер, “Folksdojneri я nametanje kolektivne krivice”, Fenster – Poverenje, pomirenje, rolytenje, Sremski Carlovci, May 2003, p. 7. В качестве примера, число этнических немцев сократилось в сербской автономной области Воеводина

⁷ от 465 920 в 1941 до 31 821 по переписи населения 1948 года.

тысяч евреев эмигрировать, [и] Россия переместила миллионы людей с одного конца континента в другой, то вряд ли из-за нескольких сотен тысяч албанских эмигрантов начнется мировая война”.⁸ Следует отметить, что, Кубрилович был участником покушения на Франца Фердинанда в 1914 году, занимал пост министра в правительстве Тито, и был авторитетным ученым.

Позже, в начале войны (в декабре 1941), идеолог четников Стефан Молжевич (1883-1946) писал своему коллеге Драгишу Вашичу (1885-1945), обращая внимание на то, что необходимо занять как можно больше территории и “очистить” ее, пока никто не заметил. Стратегия этнической чистки не может быть более ясной, чем в этом заявлении, как и в идее Кубриловича о том, что никому не будет дела до этнической чистки, уже после того, как она будет осуществлена.

Второй важный момент состоит в том, что опыт Второй Мировой войны и манипуляций с количеством жертв широко использовался для мобилизации масс во время распада Югославии и в постюгославских войнах. До распада Югославии представители сербских националистических движений завышали цифры сербов, убитых усташами, говоря о более 700 000 человек, даже о количестве, превышавшем миллион. Хорватов представляли как народ, по своей природе склонный к осуществлению геноцида. Это делалось для того, чтобы посеять страх среди этнических сербов в отношении появления независимого хорватского государства.

Наконец, все народы, о которых идет речь, много раз оказывали сильное сопротивление этническому терроризму, который совершали их группы по отношению к представителям других этнических групп. Соседи активно защищали соседей, принадлежащих к другим национальностям. Это, наряду с провозглашенным постулатом равенства народов в будущем государстве, стимулировало рост партизанского движения Тито. Однако, как я уже отмечал, режим, одержавший победу в 1945 году, сам осуществлял акты терроризма и этнических чисток.

⁸ Bože Čović (ed). *Izvori velikosrpske agresije*. Zagreb: August Cesarec – Školska knjiga, 1991, p. 112

* * * Несмотря на то, что Социалистическая Федеративная Республика Югославии была создана как типичное коммунистическое государство, ее политическая система постепенно смещалась в сторону от сталинской модели. Хотя государство так и не стало демократическим, практически до кануна его распада казалось, что оно функционировало и обеспечивало более высокий уровень жизни для своих народов. Кроме того, помимо сербов, хорваты и словенцы, боснийские мусульмане (боснийцы), македонцы и черногорцы считались составными народами, населяющими государство. Большая автономия была предоставлена этническим меньшинствам, особенно албанцам в Косово и венграм в Воеводине. Тем не менее, если анализировать историю социалистической Югославии, то надо отметить, что серьезные кризисы происходили регулярно, примерно раз в пять лет или около этого. Объединению страны, в основном, способствовали два главных фактора: 1) гегемония коммунистической партии, переименованной в 1952 году в Союз коммунистов, и 2) конкретные обязательства, взятые Югославией перед международным сообществом после разрыва Тито со Сталиным в 1948. Вторым фактором имел два аспекта: на международной арене позиция Югославии постепенно привела ее в движение неприсоединения, что, возможно, было выгодно и Соединенным Штатам и Советскому Союзу в период холодной войны. В самой стране образ холодной войны и внешних врагов с Востока и Запада помогал сохранять представление о том, что Югославия как государство была необходима для защиты населяющих ее страну народов. Таким образом, как только произошел распад Союза югославских коммунистов в 1990 году, приведший к первым демократическим выборам в 1991 году, и как только завершилась холодная война, особых причин для существования Югославии больше не стало. Ситуация усугублялась тем, что после смерти Тито страна переживала экономический кризис в течение почти десяти лет. Распада следовало ожидать, и сам по себе он не должен был означать нечто негативное. Если бы мирное разделение было бы достигнуто, как в случае с Чехословакией, то можно было бы себе представить даже улучшение отношений между бывшими югославскими республиками, но не ужасные пост-югославские войны, которые произошли на самом деле.

Среди всех народов и этносов страны, можно определить различные причины, которые способствовали жестоким обстоятельствам распада Югославии. Тем не менее, главная причина, несомненно, крылась в интенсивном и агрессивном движении за Великую Сербию, спровоцированном Слободаном Милошевичем, который пришел к власти в тот момент, когда экономическая и политическая система в стране была очень близка к краху. По мере того, как темпы инфляции многократно росли, Милошевич укреплял свои позиции как лидера сербов, и прежде всего, он использовал вражду между сербами и албанцами Косово. В 1988 году, будучи президентом Сербии, он начал популистскую анти-бюрократическую революцию, которая стала причиной краха местных управлений Воеводины и Черногории. Вслед за этим, в 1989 году были приняты поправки к Конституции Сербии, которые значительно урезали права автономии Воеводины и Косово, и делали их представителей на федеральном уровне марионетками Сербии. В то же время, слабое, с растущей некомпетентностью, федеральное правительство не могло найти решения для ухудшавшегося состояния экономики.⁹ Следующие несколько лет, по стратегии Милошевича больше внимания уделялось централизации Югославии, и большей власти для Сербии, что на самом деле, означало возврат к тому типу системы, которая существовала в Королевстве Югославия, т.е. югославской по названию и сербской по содержанию. В дополнение к этому, Милошевич был поддержан не только националистами Большой Сербии, но и законными коммунистами, особенно в армии, которых, естественно, привлекал централизм, и которые противостояли перспективе введения многопартийной демократической системы в Югославии. Тот факт, что сербы и черногорцы не были пропорционально представлены в высших чинах Югославской народной армии, укрепил в дальнейшем союз между крайними националистами и коммунистами.

⁹ 16 марта 1989 года премьер-министр, Бранко Микулич подал в отставку со своего поста, и 28 июня, на Косово поле, Милошевич произнес свою знаменитую речь в ознаменование 600-летия Битвы в Косово. Хотя в своей речи он говорил о единстве, братстве и справедливости между народами Югославии, он в основном, подчеркивал роль Сербии и сербского единства. Поэтому, как правило, считают, что Косово поле стало поворотным пунктом в развитии современного движения к Великой Сербии.

Все эти изменения происходили постепенно. Милошевичу удалось завоевать национальные чувства сербов, хотя, был ли он когда-либо истинным сербом – националистом, довольно спорный вопрос. Вероятнее, что он сыграл на разочарованиях и претензиях сербов для того, чтобы добиться своей собственной цели. Однако это дало выход многим накопившимся чувствам. Начали появляться открытые группы четников, и несербское население почувствовало себя в небезопасности. В январе 1990 года во время 14-го съезда Союза коммунистов, Милошевич пытался провести свои решения во время продолжавшегося кризиса югославской федерации, что привело к выходу в начале словенских и затем хорватских коммунистов из Союза. Три месяца спустя, Словения провела первые многопартийные выборы в бывшей Югославии. В конце того же года (26.12.1990), в Словении прошел референдум, который подтвердил намерение страны выйти из состава Югославии. Через некоторое время, то же самое произошло в Хорватии. В мае 1990 года были проведены первые многопартийные выборы, закончившиеся победой Хорватского Демократического Союза Франьо Туджмана. 19 мая 1991 года был проведен референдум с теми же результатами, что и референдум в Словении. 25 июня 1991 года Словения и Хорватия провозгласили независимость от Югославии.

* * * На другой день мне пришлось поехать в университет Любляны для консультаций. На границе со Словенией уже развевался словенский флаг, и располагалась служба охраны. В Любляне югославские военные самолеты низко летали над городом, поэтому я решил поспешить вернуться в Загреб. По дороге домой, я увидел солдат словенской территориальной обороны, которые располагались почти во всех лесах вдоль дороги. На следующий день началась словенская война. Она закончилась всего лишь через десять дней победой словенских сил, поскольку режим в Белграде, очевидно, был готов отпустить Словению.

Тем не менее, эта война не была “опереточной войной”, как это часто насмешливо озвучивается, особенно в сравнении с войной в Хорватии и Боснии и Герцеговине, которые начались после нее. Пока она длилась, она была настоящей, и там были реальные жертвы.

Однако решение “Пусть Словения уходит”, говорило о другом. Стратегия сохранения всей титовской Югославии уступила место резервному плану. Словения была небольшой, она не имела протяженного морского побережья, и сербское меньшинство в этой стране не было существенным (сербская община в Словении состояла из недавних экономических мигрантов). Это была не Хорватия или Босния и Герцеговина. По резервному плану акцент был смещен на сербские меньшинства в Хорватии и в Боснии и Герцеговине.

Трудно с точностью определить, когда началась война в Хорватии. Некоторые лидеры сербского этнического меньшинства в Хорватии провозгласили “Сербскую Автономную Область Крайна” еще в октябре 1990 года, до проведения хорватского референдума о независимости. Это привело к конфликтам с регулярной полицейской армией Хорватии. Во время одного из таких инцидентов на Плитвицких озерах в Пасхальное воскресенье 1991 (28 марта 1991) был убит хорватский полицейский. Этот человек (Йосиф Йович, 1969-1991), считается первой жертвой хорватской войны за независимость. К тому времени боевики сербского меньшинства в Хорватии при поддержке югославской армии начали выступать против вновь избранного хорватского правительства. Случаи насилия между группами хорватской и югославской армий участились, особенно во время словенской войны. Правительство Хорватии, возглавляемое президентом Франьо Туджманом, не могло еще дать отпор в полную силу.

Воинствующие лидеры сербов начали все чаще отождествлять хорватов с усташами, и нагнетать атмосферу страха среди местных сербов в Хорватии. Преступления усташей в ходе Второй Мировой войны систематически упоминались и использовались в качестве оправдания для выступлений сербов и отказа принять идею независимой Хорватии. И как только была объявлена независимость Хорватии, повстанцы провозгласили свою собственную “Республику Сербская Крайна”. Это название само по себе является исторической фикцией, так как ничего никогда не существовало под именем “Сербская Крайна”. Крайна был общим термином, относящимся к военной границе между Королевством Хорватии, Славонии и Далмации (в рамках Габсбургской монархии) и Османской Турцией. Эта область никогда не была исключительно сербской ни этнически, ни

политически. В ходе событий югославская армия быстро становится чисто сербской, в виду того, что из нее бежали солдаты других национальностей, с ней часто видели отряды четников, которые открыто заявляли, что борются за Великую Сербию. “Сербская Крайна” занимала большую часть территории Хорватии, в том числе значительную часть земель далматинцев и районов Лики, Кордуна, Бановины, а также Западной и Восточной Славонии. Произошла серия спорадических массовых убийств хорватов в этой области, в результате чего начался массовый исход беженцев в ту часть Хорватии, которая находилась под управлением правительства. Город Вуковар на Дунае, выдерживавший осаду югославской армии и сербских нерегулярных сил более ста дней, в конце концов, пал в ноябре 1991 года. Рассказы беженцев из этих районов оказали неизгладимое впечатление на хорватскую общественность, особенно после того, как выяснилось, что югославская армия и сербские нерегулярные войска устроили жестокие убийства в Вуковаре. В то же время, югославская армия и черногорские территориальные силы начали массированное нападение на исторический город Дубровник на крайнем юге Хорватии.

Все это происходило тогда, когда Хорватия еще не была признана в качестве независимого государства. Однако в январе 1992 года Хорватия и Словения были признаны всеми государствами-членами Европейского Союза (Исландией, Ватиканом и Сан-Марино даже раньше). В феврале они были признаны Россией, а в апреле США. Между тем, Босния и Герцеговина также провела референдум о независимости (в октябре 1991 года), и была признана Соединенными Штатами в один день вместе с Хорватией.

* * * Сложно рассказать обо всех разочарованиях и опасениях большинства населения Хорватии во время Освободительной войны. Неважно было, националист ты или нет, но естественная реакция была определить, кто агрессор и выполнить свой гражданский долг, делая все возможное, чтобы остановить агрессию. В период со времени международного признания Хорватии в начале 1992 года и до победных операций 1995 года Хорватии удалось консолидировать свои силы и более или менее функционировать, но было все

еще трудно жить и “дышать” в обычном режиме. Страна была раздроблена, и в некоторых частях почти расколота надвое из-за потери контроля над районами, оккупированными сербами – повстанцами.

Миротворческие силы ООН (UNPROFOR), созданные в феврале 1992 года, только укрепили территориальные захваты сербов. В целом этот период характеризовался постоянными переговорами по прекращению огня и нарушениями его режима. Можно охарактеризовать эту ситуацию как продолжительную “траншейную войну”

Развитие событий начало меняться в 1995 году. Сперва 1 мая 1995 года хорватская армия провела операцию “Вспышка”, которая очень быстро, с минимальными жертвами, прекратила оккупацию сербскими повстанцами Западной Славонии. Вслед за этим в августе 1995 года состоялась более широкомасштабная операция “Буря”, в течение которой всего за несколько дней полностью были ликвидированы все сербские повстанческие формирования в Хорватии, кроме районов Восточной Славонии и Западного Срема. Эта область была мирно реинтегрирована в Хорватию с помощью ООН в 1998 году.

* * * Наконец, мы подошли к вопросу о военных мигрантах и, возможно, в этом заключается актуальность ситуации Хорватии для других стран.

Как показывают данные, в первые годы войны в Хорватии доминирующим типом миграции, спровоцированной вооруженным конфликтом, явились потоки беженцев, в основном этнических хорватов, которые бежали из зоны военных действий или были непосредственно изгнаны из районов, оккупированных сербами. В 1991 году около 550 000 человек бежали в районы, подконтрольные правительству Хорватии. Эти лица обозначались как *prognanići* (буквально высланные) по официальной хорватской терминологии. Мы будем обозначать их здесь как *внутренних* хорватских беженцев или перемещенных лиц. Кроме того, в этом же году около 148 000 граждан Хорватии, опять-таки, в основном этнических хорватов, бежавших из зон военных действий, или изгнанных из сербских оккупированных районов, нашли убежи-

ще в других странах Европы, в основном в Германии, Австрии, Словении и Венгрии. Эти лица могут быть обозначены как внешние хорватские беженцы.

В 1992 году официально 289 295 внутренних хорватских беженцев и перемещенных лиц вернулись в свои дома через программы по возвращению. Это довольно большая группа, которая большей частью состояла из лиц, бежавших из зон военных действий на начальном этапе войны, когда было трудно предвидеть, насколько сербская экспансия будет распространяться, или, другими словами, когда размеры потенциальной опасности еще были неизвестны. К 1992 году ситуация была более стабильной, поскольку хорватские правительственные силы к тому времени создали сильную линию обороны, и международное признание Хорватии также способствовало стабилизации положения. Однако в 1992 году внешние хорватские беженцы не возвращались в большом количестве. Сам факт того, что эти люди искали убежища в отдаленных местах, т.е. в других странах, показывает, что механизмов поддержки в Хорватии (в том числе родственников и друзей) в качестве внутренних беженцев они не имели, и в целом, их положение было более сложным.

Также в 1992 году, вместе с возвращением некоторых внутренних и внешних беженцев, Хорватия стала принимать большое число беженцев из Боснии и Герцеговины (БиГ) и Союзной Республики Югославии (СРЮ). Последними республиками, входившими в состав югославского государства, были только Сербия и Черногория. Большинство беженцев из Боснии и Герцеговины были хорватами и боснийскими мусульманами- босниаками, тогда как большинство беженцев из СРЮ были этническими хорватами из сербской провинции Воеводина и Косово, и в меньшей степени из Которской бухты в Черногории. Следует помнить, что война в Боснии и Герцеговине началась в том же году (1992), и что ситуация в Сербии и Черногории для этнических хорватов все более ухудшалась. Согласно оценкам, около 458 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и СРЮ нашли убежище в Хорватии в 1992 году (число беженцев, официально зарегистрированных в 1992, году составило 402 768). Большинство пришли из Боснии и Герцеговины. Общее число беженцев из Союзной Республики Югославия в период войны (1992-1998) было около

40 000, из которых 30 000 пришли из Воеводины, 6 500 из Косово, и 3 500 из Черногории.¹⁰

Если проанализировать динамику численности беженцев в период с 1991 по 1998 год, мы можем подсчитать, что в этот период 511 238 хорватских внутренних беженцев, или 82,8% от общего числа, в конечном итоге возвратились в свои дома. В этот же период около 106 000 внешних хорватских беженцев около 71,6% от их числа вернулись в свои дома, или 319 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и Сербии и Черногории то есть 79,3% также вернулись домой. Хорватские военные операции “Вспышка” и “Буря” в 1995 году, как представляется, имели более непосредственное влияние на возвращение хорватских внешних беженцев, вероятно потому, что возвращение хорватских внутренних беженцев превратилось в постоянный процесс. Наибольшее сокращение числа беженцев из Хорватии в соседние страны (БиГ и СРЮ) произошло в 1993 году. Этот год отличился конфликтом между бывшими союзниками в Боснии и Герцеговине, боснийскими хорватами и боснийскими мусульманами (босняками), который, несомненно, оказал влияние на количество беженцев.

Следующие таблицы иллюстрируют динамику в период с 1991 по 1998 год (т.е. с начала войны в Хорватии до окончательного освобождения / реинтеграции страны).

¹⁰ Хорваты в Косово были в основном представителями изолированных этнических меньшинств, известных как джанджевцы, которые жили в окрестностях города Джанджево с 14-го века. В 1991 году Джанджевцев насчитывалось 8 062 в Косово, к 1998 году их осталось лишь 1 300. Это оставшиеся население сокращалось еще во время войны в Косово (1996-1999), так что сегодня есть только около 350 джанджевцев в Косово. Исход из Черногории, из региона Которской бухты был менее очевиден, так как количество хорватов повсеместно уменьшалось в течение 20-го века. Хорваты (каголики) составляли около 70% населения региона Котора в 1910 году, а к 1991 году они составляли 8% населения, в 2003 году 7,6% (831 человек в Герцеговине, 1842 в городе Которе и 2761 в Тивате). В Воеводине количество хорватов уменьшилось всего лишь за два десятилетия от 119 157 или 5,4% в 1981 году до 56 546, или 2,8% в 2002 году, также 19 766 (0,97%) зарегистрированы как бундевцы. В 1948 году первой югославской переписи после Второй Мировой войны было зарегистрировано 134 232 хорватов в Воеводине, которые составляли 8,1% населения провинции, а в 1961 году эта цифра была выше, чем 145 341, хотя процент хорватов в населении края был несколько ниже (7,8 %).

Таблица 1**Количество внутренних беженцев в Республике Хорватии и их организованное возвращение**

Год	Количество внутренних беженцев в Республике Хорватия	Организованное возвращение беженцев (число)	Индекс 1991=100
1991	550 000	-	100.0
1992	260 705	289 295	47.4
1993	254 791	34 504	46.3
1994	196 870	57 921	35.8
1995	210 592	13 722	38.3
1996	167 609	42 938	30.5
1997	117 721	49 888	21.4
1998	94 796	22 925	17.2
<i>Итого</i>		511 238	

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Таблица 2**Количество внешних беженцев из Республики Хорватия и их возвращение**

Год	Внешние беженцы из Республики Хорватия	Вернувшиеся внешние беженцы из Республики Хорватия	Индекс 1991=100
1991	148 000	-	100.0
1992	136 000	12 000	91.9
1993	112 000	24 000	75.7
1994	98 000	14 000	66.2
1995	64 000	34 000	43.2
1996	58 000	6 000	39.2
1997	49 000	9 000	33.1
1998	42 000	7 000	28.4

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Таблица 3

**Беженцы из Боснии и Герцеговины и Союзной Республики
Югославии и их возвращение**

Год	Зарегистрированные беженцы из БиГ и СРЮ в Республике Хорватия	Зарегистрированное и приблизительное количество беженцев из БиГ и СРЮ в Республике Хорватия	Сокращение в количестве	Индекс 1991=100
1991	-	-	-	-
1992	402 768	458 000	-	100.0
1993	272 859	312 000	146 000	68.1
1994	212 056	272 000	40 000	59.4
1995	188 672	241 000	31 000	52.6
1996	184 545	205 000	36 000	44.8
1997	106 750	147 000	58 000	32.1
1998	37 400	139 000	8 000	30.3
<i>Total</i>			319 000	

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Переходя к проблеме беженцев с “сербской стороны” во время войны в Хорватии, рассмотрим динамику количества беженцев или перемещенных лиц, покинувших населенные ранее сербами части Хорватии. Можно сразу заметить резкое повышение числа беженцев в 1995 году после хорватских военных операций “Вспышка” и “Буря”. Согласно официальной статистике Хорватии, 130 000 человек, в основном этнические сербы, покинули Хорватию в 1995 году. Чуть более половины беженцев от их общего числа (283 000) покинули ранее населенные сербами районы Хорватии в другое время: некоторые в начале войны, некоторые в 1992 году (после международного признания Хорватии), и т.д. Это можно увидеть по данным, приведенным в таблице 4. Была также разница в исходе сербов, по сравнению с предыдущими потоками беженцев и перемещенных лиц. Исход сербов в 1995, по-видимому, был хорошо подготовлен заранее, как это можно видеть по тому, как он проводился. После падения Вуковара в ноябре 1991 года люди бежали в автомобилях, схватив необходимые вещи в чемоданах или в пластиковых мешках, во время исхода сербов в 1995 участвовали моторизованные колонны тракторов, вагонов и грузовых автомобилей.

Таблица 4

Динамика выехавших из Республики Хорватия лиц сербской национальности (по этнической принадлежности)

Год	Количество лиц, покинувших Республику Хорватия	Рост количества перемещенных лиц
1991	26 000	26 000
1992	93 000	67 000
1993	117 000	24 000
1994	127 000	10 000
1995	135 000	8 000
1996	265 000	130 000
1997	272 000	7 000
1998	283 000	11 000
<i>Итого</i>		283 000

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

В итоге, если посмотреть на общую ситуацию 1998 года, в конце войны, было: 1) 94 796 внутренних хорватских беженцев или перемещенных лиц, 2) 43 000 внешних хорватских беженцев (проживающих за рубежом), 3) 139 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и СРЮ, и, наконец, 4) 250 000 беженцев и перемещенных лиц из Хорватии в СРЮ и в сербском образовании Боснии и Герцеговины (т.е. Республика Сербская). К четвертой группе относятся главным образом этнические сербские беженцы и перемещенные лица, которые выехали из районов, ранее занимаемых сербскими силами.

Что касается политики возвращения, нет нужды объяснять усилия правительства Хорватии, которые поощряли возвращение хорватских беженцев в свои дома, а также других лиц, которые были “на хорватской стороне” во время войны. Эти усилия очевидны. Однако хорватское правительство также приняло общий принцип обеспечения права на возвращение всех перемещенных в результате военных действий лиц (если они того желают), независимо от их национальной / этнической или иной принадлежности, и не выд-

вигая в качестве предварительных условий ответные действия со стороны соседних государств (СРЮ, то есть Сербии и Черногории, и Боснии и Герцеговины). В конечном итоге эти страны все равно должны были начать сотрудничать между собой. В частности, 31 января 2005 года правительства Хорватии, Сербии и Черногории (бывшей ФРЮ)¹¹ и Боснии и Герцеговины в Сараево подписали декларацию, в которой эти три страны приняли решение рассмотреть все оставшиеся проблемы в отношении беженцев к концу 2006.

Последние статистические данные, опубликованные хорватским Министерством моря, транспорта, туризма и развития в январе 2007 года, показывают, что с 1995 года общее число беженцев и перемещенных лиц, которые вернулись в свои дома, составило 342 897. Из этого числа 219 255 являются внутренними беженцами, в основном, это этнические хорваты (64%) и 123 642 – этнические сербы (36%). Позднее, 90 909 лиц вернулись в Хорватию из Сербии и Черногории, 9 148 человек из Боснии и Герцеговины и 23 585 из региона Восточной Славонии и Западного Срема, которые были мирно реинтегрированы в состав Хорватии в 1998 году. Кроме того, беженцы из Сербии и Черногории подали 11 598 заявлений на возвращение.

Следует также добавить, что в некоторые районы, которые ранее обезлюдели из-за войны, были поселены иммигранты из Боснии и Герцеговины после отъезда этнических сербов, что позднее осложнило ситуацию как для хорватских, так и для сербских беженцев. Следующие данные, полученные из переписи населения 2001 года, свидетельствуют о ситуации в четырех районах Хорватии, которые контролировались сербскими повстанцами в ходе войны:

¹¹ Союзная Республика Югославия (или то, что осталось от Югославии) была реконструирована в государственный союз Сербии и Черногории в 2003 году. Этот союз продержался до середины 2006 года, когда Черногория (после референдума 21 мая 2006) заявила о своей независимости (3 июня 2006).

	<i>Западная Словения</i>	<i>Восточная Словения</i>
Вернувшиеся хорваты	10 737	83 445
Вернувшиеся сербы возвращенцы	8 198	7 081
Эмигранты из Б и Г	34 197	22 475
ВСЕГО	53 132	113 001
	<i>Бановина</i>	<i>Далмация</i>
Вернувшиеся хорваты	32 764	59 923
Вернувшиеся сербы	31 731	37 268
Эмигранты из Б и Г	14 845	17 466
ВСЕГО	79 340	114 657

* * * Несомненно, война изменила национальную / этническую структуру населения Хорватии за счет значительного сокращения сербского меньшинства и его доли в общей численности населения. По переписи населения 1991 года, незадолго до войны, хорваты составляли 78,1% населения Хорватии и сербы 12,2%.¹²

По переписи населения 2001 года, проведенной спустя несколько лет после окончания войны, хорваты составляли 89,6% населения, а сербы только 4,5% (ни одна другая из почти 20 национальных / этнических групп в Хорватии не составила более 0,5% населения страны). Большая часть этих изменений была результатом исхода сербов из Хорватии после падения самопровозглашенной “Сербской Краины”. Меньшую часть изменений следует отнести к иммиграции хорватов в Хорватию из Боснии и Герцего-

¹² В 20-м веке произошли изменения, но хорваты всегда составляли более 70% населения Хорватии. Наибольшие изменения, произошли между переписью населения в 1931 и в 1948 годах, несомненно из-за действий НДХ в отношении сербского меньшинства, которое уменьшилось с 18,5% населения до 14,38%, но также из-за оттока немцев, которые составляли 2,9% населения в 1931 году и лишь 0,3% в 1948 году. В 1948 году хорваты составляли 78,7% населения, и сербы 14,38%. Различные причины привели к постепенному сокращению сербского меньшинства: организованное расселение хорватских сербов на бывшие земли немцев в Воеводине, тенденция к более тесной связи с югославским государством и представлять себя как “югославов”, особенно в период между переписью в 1971г. и переписью в 1981 году (когда доля “югославов” выросла с 1,9% до 8,2%, и доля сербов сократилась с 14,2% до 11,6%, хотя эта тенденция также оказывала влияние на другие этнические группы), и т.д.

вины, а также из Союзной Республики Югославии (например, Сербия и Черногория).

Однако, следует отметить, что, хотя изменения в национальном / этническом составе Хорватии были значительными, хорваты всегда численно были в большинстве в течение последнего периода истории, и даже если гипотетически представить возвращение всех сербских беженцев, то это не привело бы к изменению ситуации.¹³ Важно учитывать этот момент, поскольку он означает, что возвращение сербских беженцев не угрожает общему национальному характеру Республики Хорватия.

Мы видим, что чуть более трети всех сербских беженцев и перемещенных лиц из Хорватии вернулись в свои дома, согласно официальной статистике. Было, однако, предположение, что значительная доля официально зарегистрированных вернувшихся сербских беженцев не планировала вернуться навсегда, но они зарегистрировались в качестве вернувшегося населения для того, чтобы решить определенные правовые и имущественные вопросы, получить новые документы, навестить родственников и т.д.¹⁴ На самом деле, недавнее исследование ООН по устойчивости возвращения приводит к выводу, что от 44% до 50% зарегистрированных репатриантов, не проживали в Хорватии на постоянной основе, а продолжали жить в странах, где они нашли убежище (как правило, в Сербии).¹⁵ Тем не менее, то же исследование показало, что почти каждый второй из них время от времени посещает свой дом.¹⁶

¹³ Хотя этот процесс активизировался во время различных пост-югославских войн, он представлялся долгосрочной тенденцией. Например, в Боснии и Герцеговине количество хорватов в процентном отношении снизилось в течение полувека с 23% (1953) до 14,3% (2000), (см. прим. 10 по Косово, Черногории и Воеводине). Миграция в Хорватию, по-видимому, является главной причиной подобного развития событий, хотя должны были браться в расчет изменения в национально-этнической идентификации, в методологии, использовавшейся во время переписи, а также уровень рождаемости и переезд в другие места.

¹⁴ Даже обладание хорватским паспортом считалось выгодным, так как с военных времен почти все европейские страны учредили безвизовый режим с Хорватией, в то время как виза требовалась для граждан БиГ и СРЮ (и позже Сербии и Черногории)»

¹⁵ Месич и Багич. Устойчивость процесса возвращения меньшинств в Хорватию. Загреб: Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), представительство в Республике Хорватия, 2007, р. 92.

¹⁶ Там же, 33

Кроме того, демографическая структура вернувшегося сербского населения была весьма специфичной. Средний возраст вернувшихся сербов составлял 51 год. Если сравнить этот возрастной порог с общей ситуацией, то в целом в Хорватии средний возраст возвратившегося населения был 39 лет. Каждый четвертый из вернувшихся сербов был в возрасте от 65 до 74 лет, и 12% в возрасте 75 лет. Хотя некоторые особенности методологии могли несколько исказить статистические данные (например, маленькие дети, родившиеся после возвращения, не были зарегистрированы в числе вернувшихся), тем не менее, создавалось впечатление, что возвращались люди пожилого возраста. Молодые и образованные беженцы, вероятно, имели больше возможностей найти работу и интегрироваться в социальную среду, в которой они нашли убежище. В то же время для пожилого населения было важно получение пенсии.¹⁷ Различные объективные или субъективные причины препятствовали обратной миграции или, точнее говоря, ее постоянному процессу. В этом отношении представляются наиболее важными две основные причины или группы причин.

Во-первых, за исключением районов в Славонии, многие места возвращения еще до войны считались слаборазвитыми в экономическом плане. Разрушения, вызванные войной, включая те, что произошли за несколько лет сомнительного управления повстанческой армии, а также разорение оставленного сербами имущества после исхода сербов в 1995 году, еще более усугубили ситуацию. Хорватское правительство оказало финансовую помощь для восстановления наиболее разрушенных домов в размере до 215 000 кун (около € 28 000-30 000), и сейчас большинство домов уже отремонтированы.¹⁸ Однако серьезной проблемой остается так называемое «социальное жилье» (преобразованная социалистическая жилищная система). Люди, которые жили на территории самопровозглашенной «Сербской Крайны» упустили возможность выкупить социальное жилье, в котором они проживали, на таких же благоприятных условиях, как в остальной Хорватии, где процесс приватизации был завершен за много лет до начала приватизации в Крайне.

¹⁷ Там же, 37, 38, 39, 65, 95.

¹⁸ Там же, 96.

Экономическая ситуация в районах возвращения в целом была далека от идеальной, и большинство вернувшегося населения однозначно видели в этом главную проблему. По статистике 11% всех возвратившихся семей сербской национальности не имеют регулярного дохода, в то время как в Хорватии в целом количество таких семей составляет 2%. У четвертой части вернувшегося сербского населения доход составляет менее 1000 кун (около 140 €), в то время, как в целом по Хорватии такие показатели только у 5% населения.

Многие из возвратившихся зарабатывают деньги, занимаясь сельскохозяйственной деятельностью. Размеры принадлежащих им сельскохозяйственных угодий достаточно большие в условиях Хорватии. Но при этом надо учитывать возрастную категорию вернувшегося населения, и довольно мрачные перспективы для развития сельского хозяйства в Хорватии, особенно в свете нынешних переговоров о вступлении Хорватии в ЕС. В виду этих причин представляется маловероятным, что сельское хозяйство могло бы стимулировать развитие территорий, на которые возвратилось население. .¹⁹

Таким образом, экономическая основа для возвращения населения оказалась далеко не оптимистичной. Тем не менее, авторы исследования по вопросам устойчивого возвращения отметили, что большинство из тех, кто возвратился, утверждают, что их экономическая ситуация все же лучше, чем в тот период, когда они жили в других странах как беженцы. Только возвратившиеся из стран за пределами бывшей югославской территории оценили ситуацию как ухудшившуюся по сравнению с ситуацией в странах, где они проживали как беженцы.²⁰ Это вполне логично, если принять во внимание тот факт, что страны, в которых нашло убежище подавляющее большинство (около 90%) сербских беженцев (Сербия-Черногория и Босния и Герцеговина, особенно сербское образование БиГ), были значительно менее развиты, чем Хорватия. В то же время, большинство других стран, в которых сербы нашли убежище (в основном Западная / Северная Европа) были более развитыми.

Второй основной ряд причин, препятствующих процессу возвращения, носит социально – психологический характер. Социаль-

¹⁹ Там же, 97, 98,99, 100.

²⁰ Там же, 66, 70, 88,

но-психологическая ситуация не совсем способствовала возвращению сербов, которые были “по другую сторону” во время войны, или которые воспринимались, как люди, которые были “по другую сторону”. В этом плане ситуация все еще далеко не благоприятная.

Хорватское правительство может объявить о праве на возвращение, но не может заставить людей забыть то, что они испытали во время войны (это относится, главным образом, к людям, которые испытали “на собственной шкуре” последствия мятежа сербов в Хорватии). Аналогичным образом, международное сообщество и ЕС может оказать давление на хорватское правительство, чтобы оно уважало права человека и ускорило процесс возвращения, но указом невозможно изменить чувства и мысли людей, и надеяться, что они будут вести себя так, как будто ничего не произошло. Раны войны по-прежнему глубоки.²¹ В определенных областях, тем не менее, появились признаки улучшения ситуации, о чем можно судить по тому, как восстанавливаются первичные социальные связи между сербами и хорватами в некоторых районах возвращения. Это, прежде всего, относится к возвратившимся коренным сербам и хорватам, проживавшим в этих районах до войны и ранее имевшим опыт сосуществования и взаимной помощи (в определенной степени сохранившийся со времен Второй Мировой войны). С другой стороны, ситуация осложнялась появлением новых иммигрантов во многих районах. Речь идет о переселении хорватских беженцев из Боснии и Герцеговины. Напряженность отмечалась между данной группой с одной стороны, и коренными сербами и коренными хорватами, с другой (в последнем случае, несмотря на общую этническую принадлежность, проявляются культурные и социальные различия).

²¹ Месич и Багич дали отличный комментарий о праве на возвращение: “... даже интеграция беженцев в первую очередь характеризуется как право. По крайней мере, это заявление можно понять так, что “не может быть никакой надежды на нормальное существование, пока большинство перемещенных лиц не интегрировались в свои сообщества (УВКБ, “Положение беженцев в мире, Женева, 1997 год: 162). В-первых, интеграция- это двусторонний (или многосторонний) процесс, и она не может быть навязана другому (большинству) этническому сообществу. Более того, если она навязывается “извне” как эксклюзивное право, то она не только остается формальным правом, но и будет причиной скорее для отторжения, чем для примирения

Большинство анализа и эмпирических исследований, проведенных учеными Института Миграции и Национальностей в Загребе, в частности, доктором Драго Бабичем (который в настоящее время возглавляет новый исследовательский проект по хорватско-сербским отношениям в районах возвращения) показывают, что уровень антагонизма между хорватами и сербами по-прежнему остается самым сильным в Восточной Славонии и Западном Среме. Это может *показаться* парадоксальным, поскольку этот регион является той частью Хорватии, которую ранее контролировали сербские повстанцы, но которая была реинтегрирована в страну мирным путем (при содействии ООН и международного сообщества). Однако мирная интеграция означала также, что, по крайней мере, часть структуры власти, которая существовала во время оккупации, была сохранена и воспроизведена в новых рамках. И наоборот, в тех областях, где реинтеграция была достигнута путем прямых военных действий, такие структуры власти были разрушены, и сербы, оставшиеся в этих регионах, или вернувшиеся позже, могли создавать новые формы сосуществования со своими хорватскими соседями, будучи менее обремененными воспоминаниями о прошлых событиях. Кроме того, сербы, возвращающиеся в такие области после войны, в силу самого факта своего возвращения демонстрировали принятие законного правительства, что дистанцировало их от образа мятежников и врагов.

Исследование устойчивости процесса возвращения сербских беженцев в Хорватию было сфокусировано также на изучении такого социально-психологического аспекта, как чувство безопасности и терпимости среди вернувшихся сербов. После проведения опроса среди вернувшихся сербов исследователи обнаружили, что большинство из них не говорили о своем собственном опыте и опасениях, о том, что их не принимают или подвергают дискриминации, хотя в то же время каждый четвертый респондент заявил, что он или она слышали, что такое случилось с другими вернувшимися беженцами. Исследователи пришли к выводу, что истина, “вероятно, находится” где-то посередине между этими заявлениями и различными “слухами”²². Инциденты дей-

²² Там же, 22.

ствительно имели место, но, по впечатлению авторов, они не носили острого характера.²³ Однако, со своей стороны, большинство вернувшихся сербов, не были согласны с нынешним статусом меньшинства, которое гарантировало им права меньшинств, считая, что это делает их гражданами второго сорта. Они желали быть составной частью в Хорватии (иметь конституционно закрепленное положение), но именно такой их статус в прошлом привел к восстанию сербов и к войне.²⁴

В заключение, оценивая перспективы возвращения, следует сказать об одной тенденции, которая, как представляется, всегда срабатывает: чем дольше беженцы и перемещенные лица остаются в тех местах, в которых им дали убежище, тем больше вероятность того, что они адаптируются к этим условиям и предпочитают не возвращаться. Причем эта тенденция может проявиться сильнее в ситуациях, в которых потоки беженцев направляются в страны или регионы, где местное население имеет ту же национальную или этническую принадлежность, что и беженцы. Однако, как показывает пример хорватов, хорватские беженцы из Боснии и Герцеговины или Косово (ранее хорватский анклав в Дзандзево, см. прим. 10) сталкиваются с определенными трудностями в адаптации к местной культуре в Хорватии. В то же время эти трудности легче переносятся благодаря общей хорватской самоидентификации. Если вспомнить массовый исход итальянцев и немцев из титовской Югославии после Второй Мировой войны, то можно вспомнить и о том, что этих людей по-разному встречали в Италии и Германии. Там были случаи столкновения с представителями коренного населения. Например, итальянцы, бежавшие до наступления партизан, рассматривались определенными антифашистскими группами в Италии как фашистские коллабо-

²³ Известны несколько серьезных инцидентов, в которых безопасность вернувшихся сербов оказалась под угрозой, небольшой ущерб был нанесен религиозным объектам и тому подобное. Однако эти инциденты, к счастью, были менее радикальными, чем другие ксенофобские инциденты, включая террористические нападения на иностранцев в некоторых странах Западной Европы, где происходит миграция.

²⁴ Там же, 84.

рационалисты.²⁵ Однако, итальянские “оптанты” в Италии и изгнанные немцы в Германии пользовались преимуществами, которыми не обладали другие группы беженцев. Это, вероятно, ускорило их интеграцию в социальный уклад принимающей страны и постепенно разрушило их желание вернуться.

Во всяком случае, несмотря на то, что очень важно было гарантировать военным мигрантам их основное право на возвращение в свои дома, психологические, социологические, экономические и другие факторы, зачастую затрудняют этот процесс. И история подтверждает, что многие военные мигранты никогда не возвращаются. Это не значит, что мы должны быть циниками в этом вопросе как, например, Васа Кубрилович, цитату из выступления которого мы приводили выше. Если люди были вынуждены покинуть свои дома не будучи виновными в каком-либо преступлении, и если это изгнание было насильственным, то в случае, если у них пропадет желание вернуться, должна быть какая-то форма компенсации.²⁶

Заканчивая свое выступление, я вновь обращаюсь к исследованию ООН по устойчивому возвращению, в котором авторы пришли к выводу: “Если можно предложить что-то полезное для под-

²⁵ Аналогичные ситуации происходили среди немецких беженцев, изгнанных из разных стран Восточной Европы. Например, одна из судетских немок, депортированная чешскими войсками из города Новый Ичин (Neutitschein) Моравско-Силезского района в июле 1945 года, рассказала, как относились к беженцам после их прибытия в Германию: “Мы расположились на лугах и во рвах как бедные жалкие существа, которых сделали бездомными и нищими немцы из Германии, и на нас смотрели как на прокаженных. Даже стакан воды не давали, не задав вопроса: “Зачем вы пришли сюда? Почему не остались там, с чехами?” (см. “По вопросу высылки немцев из Neutitschein”, <http://www.conklinhouse.com/genealogy/maternal/heliletter.html>).

²⁶ В случае с итальянскими “оптантами”, единственный нерешенный вопрос касается вопроса компенсации за конфискованное имущество. 18 февраля 1983, бывшая Югославия и Италия подписали соглашение, по которому Югославия согласилась выплатить 110 миллионов долларов США в качестве компенсации за потери. К моменту распада Югославии в 1991 году было выплачено всего лишь 18 миллионов долларов США. Словения и Хорватия взяли на себя обязательство разделить оставшуюся часть задолженности, 62% должна была выплатить Словения и 38% – Хорватия. Словения выплатила всю сумму на возмещение ущерба в 2002 году, в то время как Хорватия еще не начала выплачивать свою долю.

держания устойчивого возвращения, то это могут быть программы по развитию для районов более массового возвращения, каковыми главным образом являются экономически слаборазвитые районы Хорватии. Программы, однако, должны быть направлены не только на вернувшихся жителей и на создание рабочих мест для них, но и на большинство населения, чтобы у обеих общин была заинтересованность в ускорении интеграции одной общины и в доброй воле другой...²⁷

²⁷ Там же, 107.

Срджан Диздаревич,

президент Хельсинкского комитета по правам человека в Боснии и Герцеговине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ И ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ: ОПЫТ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

I

Развал бывшей Югославии в начале девяностых сопровождался кровавыми вооруженными конфликтами, повлекшими за собой гибель более чем ста тысяч человек, а еще несколько миллионов человек были вынуждены покинуть свои дома. Только в Боснии и Герцеговине, в которой до войны проживало 4.4 миллиона человек, 2.25 миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома, и примерно 53% довоенного населения получили статус беженцев или перемещенных лиц.

Население предвоенной Боснии и Герцеговины было этнически смешанным и состояло из 17.4% хорватов, 31.2% сербов, 43.5% боснийцев и 7.9% представителей национальных меньшинств или тех, кто по-другому определяет свою идентичность. Все города в Боснии и Герцеговине были многонациональными, в то время как в большом количестве деревень жили представители исключительно одной этнической группы. В предвоенной Боснии и Герцеговине только в 20% муниципальных образований абсолютное большинство состояло из представителей какой-то одной этнической группы, в то время как в 80% муниципальных образований ни одна из этнических групп не имела численного превосходства.

Во время вооруженного конфликта, в котором принимали участие военные и полувоенные формирования соседних государств, перемещение людей было результатом так называемых этнических чисток, которые привели к исходу более, чем половины населения страны. Предполагается, что половина из них искала убежища в третьих странах, в то время как другая половина ушла в районы, находившиеся под контролем их этнической группы.

Вооруженные конфликты начались в апреле 1992 г. и продолжались до подписания мирного соглашения в декабре 1995 г. Мирный договор обуславливал создание двух государственных образований внутри Боснии и Герцеговины: Республики Сербской, в которую вошло 49% территории, и Федерации, в которую входил оставшийся 51% территории. Такое разделение привело к новому перемещению населения, а именно: районы, завоеванные или защищенные с помощью оружия, после заключения мирного договора не обязательно должны были оставаться под контролем тех же самых властей. Это означало, что части населения вновь пришлось перемещаться в районы, где их этнос имел численное или политическое превосходство.

Важно отметить, что во время войны и сразу же после нее многонациональный состав был сохранен в некоторых частях страны, в частности, в таких больших городах, как Тузла и Сараево, поскольку в них продолжали проживать представители всех трех этнических групп. В этих населенных пунктах тоже происходило перемещение людей, но не было случаев, когда все представители одной из трех этнических групп покинули места своего проживания.

II

Мирный договор, который положил конец боевым действиям, содержал также пункт, имеющий отношение к беженцам и перемещенным лицам. В частности, Приложение 7 мирного договора называлось Соглашение по Беженцам и Перемещенным Лицам. Это приложение гарантирует право всех беженцев и перемещенных лиц на возвращение в свои дома. Стороны, подписавшие Соглашение, обязались обеспечить условия для безопасного возвращения, когда вернувшиеся не будут подвергаться риску, преследованиям, запугиваниям, высылке или дискриминации. Было также гарантировано право на возвращение собственности, конфискованной во время боевых действий. Предполагалось, что будут предприняты все меры по защите прав беженцев. В этих рамках было принято решение о том, что на законодательном и административном уровнях не будут предприниматься действия, ведущие к дискриминации. Было специально оговорено условие, что будет предотвращаться любое письмен-

ное или устное подстрекательство к этнической или религиозной вражде в средствах массовой информации. Были запрещены любые формы мести и гарантирована защита, в том числе международная, национальных меньшинств.

Соглашение обеспечивает свободу выбора места проживания и подчеркивает важность принципа сохранения семей. Предусматривалось создание благоприятных условий для возвращения, включая политические, экономические и социальные условия. Определяющая роль по координации возвращения беженцев возлагалась на УВКБ ООН.

Важно отметить то, что Соглашение объявляло амнистию всем лицам, принявшим решение вернуться, за исключением тех лиц, которые совершили преступления против человечности, военные преступления или геноцид.

В Приложении 7 Мирного Договора по Боснии и Герцеговине оговаривается создание Комиссии по беженцам и перемещенным лицам, первоочередной задачей которой является решение вопросов возвращения собственности. Согласно данному приложению решения этой комиссии должны быть окончательными и обязательными.

III

С 1996 года, когда началось применение Приложения 7, процесс возвращения столкнулся с множеством трудностей и препятствий. По данным Министерства по Правам Человека и Беженцам в период с 1992 по 1995 год полностью или частично было уничтожено 451 901 домовладений. Из этого числа примерно 80% зданий или квартир были уничтожены полностью.

Было подсчитано, что прямой и косвенный урон достигает 115 миллиардов американских долларов. К концу вооруженного конфликта экономика Боснии и Герцеговины была разрушена, что означало, что уровень экономического развития страны в 1996 году был на 100% ниже, чем ее довоенный уровень.

Разрушения, принесенные войной, повлияли на инфраструктуру, в результате чего многие населенные пункты остались без электричества, воды и телефонных линий. Автомобильные и железные

дороги также были серьезно повреждены в ходе войны. Помимо объективных причин, мешавших возвращению, препятствия создавались и властями тоже. Так, например, на большей части территории страны власть была в руках тех, кто был заинтересован в сохранении результатов этнических чисток. Это приводило к тому, что власти на местах пытались препятствовать возвращению беженцев и перемещенных лиц из числа тех, кто, не принадлежал к их этнической группе. Противодействие возвращению проявлялись различным образом. В первые послевоенные годы, в особенности в 1996-1997 и даже в 1998 годах, возвращающиеся становились жертвами физических нападений. Нападению также подвергалась их собственность. Подрывались восстановленные здания, собственность возвращающихся поджигалась и т.д. В большинстве случаев виновные оставались безнаказанными. Полиция часто была не в состоянии выявить таких преступников, в других же случаях местные суды оправдывали преступников ввиду «недостатка доказательств». Конечно же, власти публично не поддерживали преступные акты, но на деле поощряли их. Помимо непосредственных результатов таких нападений потенциальные репатрианты получали своего рода сигнал о том, что их возвращение не желательно.

Во второй фазе, после 1998 года, стали использоваться еще более изощренные методы для того, чтобы отбить у перемещенных лиц желание вернуться и сделать невозможным их проживание в местах прежнего жительства.

Возвращающиеся прежде всего испытывали сложности при возвращении помещений, которые до войны они использовали для своего бизнеса. Это лишало их возможности обеспечивать себя. После того, как люди вернулись и восстановили свои дома, они не могли вернуть себе землю, коровники, заводы, рестораны, и все это лишало их возможности жить нормальной жизнью.

Одним из препятствий являлась невозможность вернуть себе довоенное место работы, как и вообще, найти любую работу. В стране с официальным уровнем безработицы, достигающим 40 %, только представители этнического большинства и сторонники доминирующих в конкретной местности политических групп могли найти работу.

Также следует упомянуть о том, что в это же время шел процесс приватизации в рамках перехода к рыночной экономике. Он также приобретал значительную этническую окраску, поскольку те, кто принадлежали к большинству на определенной территории, практически обладали монополией на приватизацию.

Репатрианты, которые были в состоянии начать свое дело, не могли оформить документы и разрешение на ведение бизнеса.

Особое внимание следует обратить на образование детей. Система образования базировалась на программах, которые соответствовали лингвистическим, культурным и историческим критериям конкретной этнической группы, но при этом не принимались во внимание интересы других групп. Это приводило к тому, что дети вернувшихся должны были учиться по учебникам, в которых их этническая группа считалась виновной в геноциде, в совершении преступлений, в то время как другая сторона описывалась как защищавшаяся от нападения и боровшаяся за правое дело. Таким образом, система образования не поощряла возвращение семей с детьми школьного возраста вне зависимости от того, в какую часть Боснии и Герцеговины они хотели вернуться.

Необходимо добавить, что доступ к системе здравоохранения для возвращающихся был организован таким образом, что им было необходимо ездить за несколько сот километров от дома, так как они не имели права на получение бесплатной медицинской помощи в медицинских центрах в местах своего проживания.

Прошедший период ознаменовался, с одной стороны, правом на возвращение, провозглашенным в соответствии с Приложением 7 Дейтонских Мирных Соглашений, а с другой – проблемами, возникшими в результате военных разрушений, а также отсутствием политической воли для организации реального возвращения.

IV

Прошло почти 13 лет с момента окончания войны, но некоторые ее последствия до сих пор очень заметны. Из общего числа разрушенных домовстроений 261 000 из них были восстановлены, из чего следует, что предстоит восстановить еще 200 000 квартир и домов.

По оценкам Министерства по Правам Человека и Беженцев необходимо полмиллиарда евро на процесс возвращения. Половину из этой суммы необходимо направить на реконструкцию мест проживания, в то время как другая половина необходима для создания других условий, необходимых для возвращения, включая и восстановление инфраструктуры.

Процесс возвращения собственности, несомненно, следует считать успешным. Установлено, что 99,2% домов и квартир были возвращены довоенным владельцам, включая восстановление права на разрушенную собственность. Оставшиеся 0,8% представляют сложные случаи, требующие судебных решений.

С 1991 года в Боснии и Герцеговине не проводилась перепись населения, поэтому существующие данные опираются на иные подсчеты. УВКБ ООН предполагает, что общее число вернувшихся к началу 2007 года составляет 1 023 965 человек, из которых 446 215 составляют беженцы и 577 750 – перемещенные лица. Эта информация основывается на количестве людей, получивших идентификационные документы по довоенным адресам. Люди, де факто проживающие в других местах, и те, кто продал свою собственность (что является частым случаем), не учтены в этих цифрах. По данным Хельсинского Комитета по Правам Человека в Боснии и Герцеговине и на основании данных, полученных на местах, реально вернулся каждый третий беженец и ВПЛ. Из этого следует, что количество реально вернувшихся может достигать 650 000 человек. На этом основании легко придти к выводу, что люди вернулись в основном в места, где их этническая группа находится в большинстве, в то время как возвращения «меньшинств» практически не происходит. Тот факт, что в довоенной Боснии и Герцеговине было только 20% муниципальных образований, в которых одна этническая группа составляла абсолютное большинство населения, и то, что сейчас всего 7 муниципальных образований из 164, в которых одна этническая группа составит менее 90% населения, красноречиво говорит о том, что этнические чистки достигли своей цели, а также о том, что националистические элиты не были готовы изменить данную ситуацию в соответствии с международными стандартами и договоренностями.

Также необходимо отметить, что так называемое возвращение «меньшинства» происходило там, где присутствовало сильное желание людей вернуться, и где лидеры возвращающегося населения были способны противостоять давлению и преодолевали препятствия.

Необходимо отметить, что только 0.8% из вернувшихся представителей меньшинств имеют работу. Данные исследований говорят о том, что нарушаются права меньшинств в плане занятости, образования, доступа к системе здравоохранения, доступа к социальной защите и пенсии. Это значит, что, несмотря на успехи в возвращении собственности, процесс реального возвращения беженцев и перемещенных лиц в Боснии и Герцеговине является неудовлетворительным с точки зрения уважения прав беженцев и перемещенных лиц, а также с точки зрения соблюдения прав человека в целом.

V

Опыт Боснии и Герцеговины свидетельствует о том, что успех процесса возвращения должен основываться на следующих условиях:

1. Политическая воля правительств в плане поддержки возвращения;
2. Гарантии безопасности для возвращающихся и их собственности;
3. Признание международных стандартов в области прав человека как законных оснований для возвращения; уважение прав собственности, свободы передвижения, свободы выбора места проживания, право на не дискриминацию, право на соответствующее образование, социальная помощь, занятость и здравоохранение;
4. Предоставление средств на реконструкцию мест проживания как условие для возвращения;
5. Обеспечение ресурсов и законных условий для устойчивого процесса возвращения путем создания рабочих мест для возвращающихся; обеспечение кредитами тех, кто ведет свой бизнес; ремонт инфраструктуры, включая открытие школ и медицинских

центров в местах проживания беженцев и перемещенных лиц, решивших вернуться;

- б. Существование единой стратегии возвращения, единой ресурсной базы, а также квалифицированной команды специалистов для реализации всего вышесказанного.

Пола Гарб – Отлично, спасибо большое докладчикам. Теперь приступим к вопросам. Пожалуйста, Лиана.

Лиана Кварчелия – В своей презентации, г-н Диздаревич, вы несколько раз использовали термин “этнические чистки”. Вы сказали, что люди не должны поощрять этнические чистки тем, что не позволяют беженцам возвращаться в свои дома. Вполне понятно, что нельзя поощрять этнические чистки, и что у беженцев есть право на возвращение. Однако, мне кажется, более справедливо и логично было бы сказать, что “этнические чистки” поощряются тогда, когда не останавливают тех, кто планирует или начинает войны. Другими словами, лучший способ не поощрять «этнические чистки» – это предотвращать войны и осуждать тех, кто их развязывает. Я не могу судить о том, что произошло в Боснии и Герцеговине, поскольку я недостаточно хорошо знаю этот контекст. Но если посмотреть на грузино-абхазский конфликт, то в нашем контексте этот термин явно инструментализируется для политических целей. Вопрос у меня такой: считаете ли вы, что любое передвижение населения во время войны должно квалифицироваться как “этнические чистки”, и каково ваше определение “этнических чисток”?

Серджан Диздаревич – Моя терминология связана и относится исключительно к тому, что происходило в моей стране. Таким образом, я не имею намерения вести речь о каком-либо другом конфликте. Мое второе замечание заключается в том, что ни одна из трех этнических групп моей страны не являлась полностью невинной в том, что называется этнической чисткой. Это не является монополией ни одной из этнических групп, армии или руководства. Это то, что происходило на местах, и это делалось всеми тремя сторонами. Это делалось различными методами, и применялись различные стра-

тегии, но изначально присутствовало намерение пометить территорию и очистить ее от тех, кто не принадлежит твоей этнической группе. Иногда эти преступления идентичны преступлениям геноцида. Но тут возникают некоторые проблемы, потому что геноцид имеет более четкое определение. Этническая чистка это то, что мы выбрали и стали применять в качестве термина, имеющего отношение к Боснии и Герцеговине. Все три армии пытались на определенном этапе отграничивать свои территории и избавляться либо от всего населения, либо от большинства населения, принадлежащего к другим этническим группам. Вы можете контролировать контролируемое меньшинство – извините за то, что это звучит цинично. Вы не выдворяете все меньшинство, но вы выдворяете их до того уровня, когда они не смогут рассматриваться как политический, демографический, экономический фактор. В нашем случае эта этническая чистка доходила до того, что наблюдалась тенденция уничтожения всех доказательств присутствия одной этнической группы, включая их церкви, мечети, культурные и исторические памятники – всего того, что могло подтверждать, что кто-либо еще жил когда-то на этой части территории. Это то, что мы пережили и то, что в большей степени действительно происходило в Боснии и Герцеговине в период с апреля 1992 года до момента подписания Дейтонских мирных соглашений в декабре 1995 года.

Пола Гарб – Вопрос Серджану. Как вы можете обозначить людей, которые виновны в такого рода преступлениях и которые именно поэтому не могут вернуться? Вопрос Арчилу и Баталу. Включали ли грузины и абхазы в категорию беженцев не грузин и не абхазов, то есть, представителей других этнических групп, которые по различным причинам уехали на всех этапах войны. Есть ли в речах официальных или неофициальных лиц упоминание о тех людях, которые тоже уезжали, когда грузины были в Сухуми/е, то есть не только грузинские беженцы, но и русские, эстонцы и другие? Как эти вопросы обсуждаются? Они тоже беженцы или не беженцы? И каковы условия для их возвращения? Интересен и абхазский взгляд, и грузинский взгляд на это.

Вальтер Кауфман – Вопрос г-ну Диздаревичу. В грузино-абхазском случае мы наблюдаем подход, который соответствует политическому реализму, то есть, это то, что возвращение беженцев представляет собой угрозу стабильности, угрозу статусу-кво, что может привести к новой эскалации. Среди оппонентов возвращению беженцев есть националисты, желавшие получить вознаграждение за этнические чистки. Были ли другие оппоненты, которые использовали те же аргументы, согласно которым во имя стабильности возвращение не должно быть полным?

Арда Инал-Ипа – Я хотела бы узнать, есть ли какие-то общепринятые нормы или подход к тому, чтобы определять ответственность сторон по поводу вынужденного перемещения, по поводу того, как люди стали беженцами и т.д. Потому что, например, что касается войны в Абхазии, то там потоки беженцев возникали неоднократно, у нас была не одна волна беженцев. Первая волна возникла, когда вторглись грузинские войска в Абхазию, и очень многие люди именно тогда бежали из Абхазии от бомбежек и грабежей – и грузины, и абхазы. Очень многие грузинские семьи убежали от войны, когда в Абхазию вошли грузинские войска, и с тех пор очень многие не вернулись. Ну, и конечно в конце войны была большая волна беженцев-грузин. Это первое.

И второе. Вообще при определении правовых аспектов ответственности конфликтующих сторон имеет ли значение то, кто первым начал военный конфликт, кто организовал военное вторжение, кто фактически развязал войну? Кто первым начал расстреливать памятники, сжигать архивы, сжигать культурные ценности и собственно говоря, устраивать геноцид? Имеет это значение или при решении и обсуждении вопроса беженцев все это не имеет значения?

Вячеслав Чирикба – У меня вопрос по хорватской ситуации. Я думаю, что я что-то пропустил, когда вы говорили о Крайне. Как проходит процесс возвращения сербов в этот анклав? Существуют ли какие-либо проблемы? Каковы цифры?

Борис Никшич – Многие люди вернулись в период с 1998 по 2003/2004 гг., примерно половина довоенного населения. Между тем, абсолютное большинство вернулось лишь формально. Это происходило по причине того, что они хотят, чтобы их собственность была восстановлена правительством. Это было сделано. Но я также отмечаю в своем докладе, что чем дольше беженцы отсутствуют на территории, откуда они были изгнаны, и чем больше времени они проводят вне этой территории в местах нового проживания, тем меньше вероятность того, что они захотят вернуться. Только 30 % из формально вернувшихся, вернулись на самом деле. Большинство сербов из Хорватии возвращались для того, чтобы принять участие в выборах или продать свою собственность.

Серджан Диздаревич – Основным вопросом было то, кто займется расследованием преступлений. В нашем случае все было просто. Этим занимался специальный Международный трибунал по преступлениям в бывшей Югославии. Он единолично принимал решения по всем делам. Местные суды не разбирали дела, касающиеся трех самых серьезных нарушений международного гуманитарного права. Сейчас некоторые дела из Гаагского трибунала также передаются на рассмотрение Суду Боснии и Герцеговины и Палате по расследованию военных преступлений. Это единственные две инстанции, занимающиеся подобными делами. Это относительно простая ситуация. Что же касается противников репатриации, то есть лица среди местного населения, полевые командиры, которые захватывают территории, наживаются за счет войны и обеспечивают себе политическую власть. Они-то и являются основными противниками репатриации. Существует еще один подход, который говорит о том, что если мы разделим эти группы населения, то шансы возобновления конфликта уменьшатся. Что касается моей страны, то я против такого подхода, потому что если бы такого конфликта не было еще пятьсот лет, то вряд ли это был бы чисто религиозный и этнический конфликт. Это был конфликт, в котором понятия религии и этнической принадлежности были извращены. Для того, чтобы залечить все раны и стабилизировать ситуацию в Боснии, я считаю, нужно пытаться восстановить многонациональный состав населения, а не наоборот

препятствовать этому. В заключении хочу сказать, что когда дело касается военных преступлений, то это преступления конкретных людей, а не целого народа. Подход должен быть личностный. Это конкретные люди совершали преступления, давали распоряжение убить семью, сжечь церковь и т. д. В случае с Югославией таких преступлений приблизительно 10.000, совершенных в разных частях бывшей Югославии, от Словении до Македонии. В этих делах фигурируют 10 000 имен, и этих людей будут судить. А в бывшей Югославии проживало 24 миллиона человек. Так что это преступления совершенные отдельными людьми, нельзя обвинять в них весь народ.

Арчил Гегешидзе – Мы в целом говорили о беженцах и внутренне перемещенных лицах. Вкратце коснулись тех, которые живут за пределами Грузии, уточнили во время комментариев, сколько человек все же живут вне Грузии и мы здесь быстро посчитали, что таких приблизительно 120-130 тысяч человек и среди них большинство людей грузинской национальности. Остальные – греки, евреи, русские и другие, которые тоже уехали из Абхазии. Что же касается прав, то они обладают теми же самыми правами возвращения, в том числе и в отношении собственности, как и те, которые проживают на территории Грузии.

Сейчас относительно этнической чистки. Я все-таки дополню комментарий своей позиции, потому что Батал тоже об этом спросил. Мы должны здесь все-таки различать, что же все-таки произошло, когда эта масса людей переместилась. Это было добровольное перемещение – тогда это просто мигранты, это было массовое бегство или это было все-таки вынужденное перемещение? Если это было вынужденное перемещение, то это была этническая чистка, а так вынужденно перемещается в основном одна этническая группа. Поэтому в части оценки того, что случилось, я придерживаюсь мнения что все-таки этническая чистка состоялась. Но я не разделяю политику, стратегию нашего правительства, тот подход, который за все эти годы и предыдущим и новым правительством реализовался. Власти подходят к абхазской стороне как к сопернику в этом вопросе и по правилам игры с нулевой суммой стараются достичь макси-

му за счет ущемления интересов другой стороны. В рамках этой стратегии, наряду с другими инструментами и ресурсами используется понятие этнической чистки в своих политических целях. Если был бы другой подход, тогда в другой стороне грузинское правительство видело бы партнера и считало бы, что с ним нужно примириться и построить долгосрочный мир. А сейчас не только этническая чистка, но и та же программа “Мой дом” используется ради того, чтобы потом судиться в Страсбургском суде и представить другую сторону как криминальную сторону и обвинить ее во всех грехах. Есть еще другие элементы, другие инструменты, в том числе эти беспилотные дроны, усиление военной мощи – все это производится не для того, чтобы убедить другую сторону, что это делается для общей безопасности, а для устрашения, для психологического воздействия. Вот это все есть элементы той неправильной, на мой взгляд, стратегии, которая применяется грузинским правительством и которая не приводит к решению проблемы и не приведет. Поэтому мне кажется, что нужно в корне менять весь этот подход. И здесь дело не только за грузинским правительством, я думаю, что здесь нужно всем вместе подумать об этой глобальной смене подхода к решению проблемы, чтобы у всех была своя ниша, своя роль, своя ответственность, в том числе и у международного сообщества, чтобы сдвинуть с мертвой точки эту проблему. Что касается случившегося, это другой вопрос – по чьей вине вообще этот конфликт начался. Но сам факт перемещения этих людей, это было принудительным перемещением, поэтому я придерживаюсь мнения, что оценка этнической чистки в принципе правильная.

Батал Кобахия – Я бы тоже начал со сложного вопроса, потому что тут было сказано, что этническая чистка – это ситуация, при которой сжигаются памятники культуры, истории, всего того, что могло бы стереть память о народе, который проживает на этой территории. В связи с этим, Арчил, тогда у меня тоже возник бы к тебе вопрос – какие памятники грузинской культуры на территории Абхазии, где собственно и была война, сжигались абхазами для того, чтобы стереть память о грузинском этносе, народе? Какие сжигались, я вам скажу, это наши абхазские архивы, наши музеи, школы, дома. Я сей-

час не хочу Папу Римского вспоминать, но не надо иногда представлять ситуацию иным образом, употребляя такие европейские, очень модные слова “сбалансированный подход”, иной подход... Я все понимаю, надо сбалансированно подходить к ответственности, но в данной ситуации все-таки признать тот факт, что война была на территории Абхазии, я думаю, не очень сложно. Не надо столько думать об этом. Я понимаю, что сейчас подкидываются новые версии о том, что война в Абхазии началась из-за того, что русские генералы хотели защищать свои дачи... тогда они не знали о скважинах... Война была на территории Абхазии, и был момент этнических чисток, массовые переселения этнических абхазов и не только, но и русскоязычного населения, я не буду сейчас перечислять национальности, они были лишены своего крова, угроза безопасности их жизни была очень актуальной. Паата, который здесь сидит и я... мы занимались во время боевых действий перевозом людей с одной стороны на другую. Я не говорю, что только со стороны Грузии были проблемы... и если, как предыдущий оратор, употреблять термин этнических чисток, тогда нужно дать четкое определение, что подразумевается под этим. Что касается вопроса, который поставила Пола в отношении людей, покинувших территорию Абхазии и находящихся в Грузии... Есть определенные правовые акты в Абхазии, которые имеют отношение к перемещенным лицам. Некоторые пока окончательно не приняты... Но в 1999 году было постановление Парламента Республики Абхазия... о факте агрессии, развязанной Грузией, о факте этнических чисток на территории Абхазии и о тех, кто считается беженцами. В соответствии с этим постановлением было принято решение, что люди, покинувшие территорию Абхазию, но не приобретшие гражданство другой страны в соответствии с конвенцией 1951 года являются гражданами Республики Абхазия. Если же в течение этого времени они приобрели гражданство другой страны, то в соответствии с нашим законом о гражданстве они на сегодняшний день не являются гражданами РА. Но, тем не менее, те, кто имеют собственность, они могут восстановить свое право на гражданство через получение вида на жительство и иные способы. Конечно, нельзя сказать, что процесс возвращения всех, кто уехал в период, когда часть территории Абхазии была занята войсками госсвета, идет интенсивно. Из

огромного количества населения, армяне, русские, греки и другие этнические группы, которые выехали – практически мало, кто вернулся, поскольку в условиях экономической и политической блокады трудно было предполагать, что эти люди из благополучных стран ... у них был более или менее благополучный уровень жизни в Греции, в Эстонии или в России, вернутся в Абхазию, изолированную от всех, где вообще трудно было выжить. Но сегодня эти процессы начинаются и достаточно большое количество людей заявляют о своем праве на собственность, о праве возвращаться. И эти вопросы регламентируются соответствующими законами о гражданстве, процедурой по прописке и другими законами. Что касается грузинских беженцев, то поскольку этот вопрос поставлен как политический вопрос, он представляет большую проблему. Арчил в докладе сказал, что в соответствии с законом о гражданстве Республики Абхазия, жители Гальского района не являются гражданами Абхазии в силу пятилетнего ценза оседлости, они пять лет до 1999 года должны были прожить в Гальском районе. Да, это так. Но в Абхазии никто не отрицает, что это вопрос в общем-то политической воли. И поскольку был специальный указ 1999 года, который позволял вернуться грузинским беженцам в Абхазию, а именно в Гальский район, в Абхазии не отрицают права гальцев на гражданство, и они участвовали во всех выборах, между прочим. А в соответствии с Конституцией Республики Абхазия все, кто участвует в выборах, имеет право выбора и быть избранными, являются гражданами Абхазии. Так что я не стал бы тот факт упоминать, что они не имеют права... они эти права имеют и в принципе использовали эти права. Другое дело, в какой степени и в какой форме.

Ивлиан Хаиндрава – Как я сказал у меня нет вопроса, но я хотел бы высказаться по вопросу, который затронул в своем выступлении Батал Кобахия, а именно о репатриации потомков махаджиров в Абхазию. Вопрос поставлен так – если говорить о возвращении беженцев и перемещенных лиц, то почему не говорить о них? Действительно, почему не говорить о них, так как с моей точки зрения вопрос не имеет срока давности и то, что было совершено в отношении абхазов, черкесов, других северокавказских народов Российс-

ким государством в разной его модификации – будь то царская империя или большевистская империя – остается преступлением. И последствия его по возможности, конечно, желательно как-то искупить и восстановить справедливость и прочее. Но когда становится вопрос об этом, то вопрос надо ставить именно об этом. Вопрос надо ставить о совершенном преступлении, об ответственном за это преступлении, о принятии соответствующих мер и соответствующих решений. То есть, я думаю, что это не тот вопрос, где грузин можно в этом обвинить; известно, кто это совершал и как это совершал. Оттуда, именно в том периоде лежит, ну, может быть, не корень проблем в грузино-абхазских взаимоотношениях, но один из серьезных компонентов, который повлиял на все дальнейшее развитие этих взаимоотношений. И в числе прочих факторов был не последним, который привел к тому, чем все это завершилось. Потому что депопуляция Абхазии естественным образом вызывала переселение туда из различных регионов российской империи, тем более, что по сроку это совпало с отменой крепостного права и освобождением крестьян. И естественно и из Грузии, и из России был процесс заселения искусственно опустошенных абхазских земель. При этом часто не упоминается тот факт, что где-то за 30 лет грузинское население Абхазии возросло в два раза, а российский компонент абхазского населения возрос в 26 раз. Такое тоже имело место. Так что давайте ставить вопросы. Я думаю, что в Грузии... во всяком случае мне не довелось слышать, чтобы кто-то активно выступал против возвращения махаджиров на историческую родину. Более того, в свое время видные грузинские общественные деятели возвысили свой голос против того, что творилось в Абхазии в отношении абхазов, но естественно в тех условиях добиться многого они не могли. В связи с этим возникает и такой вопрос – почему, допустим, если абхазы так хотят, чтобы эти люди вернулись в Абхазию, то почему тогда такой странный закон о гражданстве? Что гражданам Абхазии можно быть гражданами России и наоборот, а почему это не распространено в направлении граждан Турции, где большинство...

Реплика – Любой абхазец, где бы он ни находился, является гражданином Абхазии...

Ивлиан Хаиндрава – Но в связи с этим я думаю, что опять же, если искренне вы считаете, что надо открыть такую возможность и прочее, опять же вектор вашего движения не вызывает особого оптимизма в этом направлении, потому что вряд ли можно полагать, что фактически аннексированная Россией Абхазия широко откроет двери для абхазско-турецкого, скажем так, элемента, исходя из истории взаимоотношений, которые существуют. Так что, мне представляется, что в адрес грузинской стороны есть обвинения, что она в политико-спекулятивных целях использует элемент перемещенных лиц грузинской национальности и беженцев... да, использует. В любой стране любая политика этот компонент использует. Но у меня возникает впечатление, что и вами в спекулятивных целях используется этот вопрос махаджиров и их потомков, потому что реально, повторю, движение в сторону России, как оно там будет – ассоциированное членство или какая-нибудь иная форма – это фактически отказ от возвращения этих людей. Так что, все используют свои козыри как могут. Но я повторяю, что когда мне доводилось говорить на эту тему с грузинами, которые знают историю и трагедию, связанную с махаджирством для абхазского народа, я никакого неприятия с грузинской стороны не слышал. Наоборот, как народ, пострадавший тоже, они сочувствуют этой идее репатриации и восстановления в своих правах наследников махаджиров. При этом у меня все-таки возникает такой не политический, а скорее моральный вопрос... по моему, я его один раз задавал, но так и не получил на него ответа. Видимо, этого ответа нет. Как народ, который пережил такую трагедию, какой является махаджирство для абхазов, может в общем-то так равнодушно взирать на те муки и те тяготы, которые испытывают изгнанные из Абхазии грузины?

Ираклий Хинтба – Хотел по другому поводу задать вопрос, но сейчас послушал господина Хаиндрава, когда он сказал о том, что и абхазы, и грузины спекулируют на проблемах внутренне перемещенных лиц или беженцев, а абхазы на махаджирах, на репатриации. Дело в том, что здесь разные ситуации. Грузия действительно спекулирует на проблемах внутренне перемещенных лиц, сознательно нарушая их права, социально-экономические права. То есть, они ока-

зались в плену заведомо нереализуемых целей грузинского руководства. Они практически не интегрируются. Те программы, которые принимались, оканчивались ничем, тем, что они продолжают жить практически в нищете. Это грубейшее нарушение прав человека. И почему-то это не нашло внятного осуждения на Западе. Я не понимаю, почему. То есть, беженцы удерживаются все время в таком напряженном состоянии, как будто завтра они должны вернуться в Абхазию, то ли у них воинственный дух сохраняется таким образом, я не понимаю.

Юля Харашвили – Прежде всего, очень короткая справка. В программе “Мой дом”, которая была принята, одним из компонентов было возвращение собственности лицам негрузинской национальности, которые находятся в других странах. Этот циркуляр был разослан во все посольства и наряду с тем, что эти заявления о собственности поступают от грузинских перемещенных лиц, они поступают и из-за границы. Я видела там греческие заявления, я видела заявления из Москвы. Я не знаю, из каких стран еще есть. Об этом идет дискуссия, идет дискуссия о том, что делать с людьми грузинской национальности, которые, скажем, во время войны выехали на учебу и в тот момент не находились на территории конфликта, но не могут вернуться, исходя из своей национальности?

Теперь вопрос к Баталу. У меня сегодня все вопросы к тебе. Вот это постановление, которое ты процитировал 1999 года, которое дает возможность восстановления прав на собственность кроме грузинских... эту оговорку ты сделал... то есть, явно нарушаются права человека. Были ли попытки от неправительственного сектора Абхазии, хотя я понимаю, как это трудно, мне просто интересно, была ли сделана хоть одна попытка разделить политический компонент от компонента прав человека? Или это все-таки не делалось? И есть ли надежда, что это когда-то будет?

Сабина Фрейзер – Я бы хотела продолжить разговор о махаджирах и их возвращении и провести параллель с бывшей Югославией. Извлекли ли Вы какие-либо уроки, были ли у вас подобные ситуации, когда люди, которые были насильно переселены либо по окончании

Второй мировой войны или при распаде Австро-Венгерской империи, пытались вернуться в наши дни? Например, боснийские мусульмане, которые последние 50, 60 или даже 100 лет проживают в Турции и которые хотели бы вернуться на территорию либо Хорватии, либо Боснии и Герцеговины? Возникли ли какие-либо сложности с их возвращением в связи с последней войной?

Каупо Канд – У меня вопрос к Баталу. Что в настоящий момент препятствует возвращению в Абхазию этнических абхазов, живущих в Турции? Насколько я знаю, де-факто власти контролируют территорию. Насколько я понимаю, число этнических армян в Абхазии растет. Кажется, что армяне как-то нашли пути возвращения в Абхазию. Мой вопрос Ивлиану, как Вы считаете, какова позиция России касательно возвращения этнических абхазов из Турции? Поощряет ли она это возвращение или препятствует ему?

Ответы:

Серджан Диздаревич – О вопросе переселения перед войной. Что касается Боснии, у нас было две волны массового переселения боснийских мусульман в Турцию. Первая была в промежуток между двумя мировыми войнами, когда Сербская монархия притесняла мусульманскую религиозную общину. Вторая волна была после Второй мировой войны. Из тех, кто покинул Боснию в то время, никто не вернулся. Они прекрасно прижились в Турции. Новое поколение говорит на архаичном сербском языке. У них уже нет стремления вернуться в Боснию. Это мое личное мнение. В Косово также проживало турецкое меньшинство, которое играло важную и позитивную роль в истории Косово, они были своего рода буфером между враждующими албанцами и сербами. Уход турецкого населения действительно дестабилизировал ситуацию в Косово и создал биполярную ситуацию, при которой стал возможен конфликт между этническими группами. Такого не было, пока там проживало турецкое меньшинство. Они переселились в Турцию и не стремятся вернуться. Турецкое меньшинство в Косово малочисленно. Очень маленькое количество немцев, проживавших в основном в

Воеводино и покинувших территорию в начале Второй мировой войны, вернулись назад.

Арчил Гегешидзе – Я не знаю, ко мне ли был вопрос о спекуляции грузинского правительства вопросом... я действительно подтверждаю, и в моем докладе тоже это зафиксировал, что грузинская сторона политизирует эту проблему и в своих политических целях старается использовать фактор беженцев, хотя он конечно больше относится к гуманитарной проблеме, чем политической. Но правительство так делает в своих политических целях. Но не потому, что ущемлены социально-экономические права и иные права беженцев, не потому, что правительство и власти Грузии просто преднамеренно это делают или презирают эту группу людей, а потому что они действительно в политических целях считают это оправданным. Кстати, они не думают, что это заведомо нереализуемая задача, как раз наоборот, они думают, что это вполне реализуемая задача, поэтому они в принципе как к временной категории относятся к их интеграции. Поэтому они полумерами, недофинансированием отдельных программ с этой проблемой расправляются. Но это не преднамеренный процесс. Это так получается, что, к сожалению, эта категория людей является заложниками большой политической игры и в политических целях это делается. И еще немаловажное значение имеет то, что их сотни тысяч и чтобы на корню решить все их социально-экономические проблемы, для этого действительно нужны очень большие финансы, а таких ресурсов пока у Грузии нет. Но опять-таки я подтверждаю, что здесь присутствует политический компонент.

Батал Кобахия – Юля, я тебе просто дам этот документ. Это постановление 2007 года. Там масса категорий... это было первое постановление. Что касается вопроса в отношении репатриантов. Что мешает этому процессу? Дело в том, что речь идет о гражданах Турции и других стран. Они должны иметь международно закрепленные права. В 1994 году Ельцин издал указ, в соответствии с которым Россия признала факт депортации, который был осуществлен в результате политических событий конца XIX века – Кавказской войны. В

соответствии с этим указом на территорию России могут вернуться потомки депортированного населения. Но так случилось, что после развала Советского Союза, мы уже не входим в этот ареал... Только абхазы, оказавшиеся за рубежом, из числа кавказских народов на сегодняшний день лишены этого права – получения статуса репатриантов. Почему мы его не можем получить? Потому что Абхазия сегодня не является субъектом международного права и не может подписывать соответствующие документы. А люди не могут вот так нелегально пересекать границу... Как они могут приезжать в Абхазию, если с 1996 года действовали санкции в отношении Абхазии, когда никто из иностранцев не мог пересекать российско-абхазскую границу?... Из Турции они даже нелегально не могли приехать... Единственный шанс у них был приехать через Грузию, что уже само по себе для многих неприемлемо..., и вопрос этот естественно надо обсуждать. Ивлиан, я все понимаю, уже не первый раз такая интервенция по поводу цинизма и нецинизма. Я согласен с вами обсуждать... Россия не отрицает того, что она совершила факт депортации по отношению к кавказским народам. Если вы тоже не будете отрицать того, что происходило в советское время... Я не говорю, что это делали грузины, но в условиях тоталитарного режима за счет массовых перемещений из внутренних районов Грузии собственно и изменилась демографическая ситуация в Абхазии. Почему абхазы в первую очередь пошли на то, чтобы вернуть жителей Гальского района? Потому что грузинское население достаточно компактно там проживало, а грузинское население на остальной территории Абхазии – это, в принципе, в подавляющем большинстве те, кто с 30-х по 70-е годы туда переселились. И все вы прекрасно это знаете.

ЗАСЕДАНИЕ II. ИНТЕГРАЦИЯ: СТРАТЕГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ, ОПЫТ

Петер Лоизос

ВПЛ НА КИПРЕ. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Греческие киприоты [КГ]: могут быть поделены на группы националистов и социалистов.

Турецкие киприоты [КТ]: могут быть также поделены на несколько групп националистов и социалистов.

Их не следует рассматривать как однородные этнические общины.

Кипрский конфликт не относится к “религиозным” конфликтам. Это конфликт этно-национальный, касающийся вопросов политической идентичности, государственности и правительства.

Мы также должны различать:

Политические позиции в официальном переговорном процессе и реальную ситуацию на местах.

Основные этапы:

1955-59 – колониальный Кипр: жестокая борьба за будущее государство

1963-64 – насильственный распад независимого государства.

1974 – переворот, совершенный Грецией и вторжение Турции, этническое разделение на два самоуправляющихся образования. Греки киприоты проживают в дипломатически признанной Республике Кипр, турки-киприоты – в непризнанном Северном Кипре.

Предпосылки.

Предки греков-киприотов жили на Кипре тысячелетиями. В школах их учили тому, что “Кипр – это греческий остров”. Предки турецких киприотов появились на острове во времена Османского завоевания в 1571-73. На протяжении нескольких столетий они являлись Османскими подданными “первого класса”. Однако после того, как в 1878 году британцы завоевали остров, они утратили юридические или политические преимущества над греческими христианами [и другими меньшинствами] и стали британскими колониальными подданными.

В 1955-59 гг., во время позднего английского колониального господства, между греческими и турецкими киприотами вспыхнул сильный конфликт, когда их лидеры националисты не смогли договориться о будущем острова.

Греки-киприоты стремились к политическому союзу с Грецией. В численном соотношении они составляли 78% населения. Число турецких киприотов достигало примерно 18%. Их националисты опасались союза Кипра с Грецией и выступали против него, они стремились к политическому / административному контролю над той частью острова, который в основном был населен турками-киприотами. Позже они поставили вопрос о полном отделении этой территории.

И в Турции, и на Кипре, турецкие националисты мечтали о присоединении по крайней мере этой части Кипра к Турции. К 1956 году Турция сообщила англичанам о желании присоединения этой части Кипра. В 1958 году это послужило причиной насильственной высылки греческих семей из Лимассола и Никосии, и города Лефка, территории, населенных турками-киприотами. Семьи турецких киприотов также бежали из районов, в которых преобладали греки и где они чувствовали себя незащищенными [Маркидес 2001: стр. 11-42]

В 1963-64 большое количество вспышек насилия произошло в нескольких районах острова, в результате чего многие турецкие киприоты были вытеснены из правительства и мест смешанного проживания. Они проживали в защищенных анклавах, которые затем блокировались греческим ополчением. Обе общины брали заложников и убивали как комбатантов, так и мирных жителей, но на тот момент турецкие киприоты понесли большие численные потери. Взаимное доверие утрачивалось ввиду того, что опасения, связанные с вопросом безопасности усилились. Когда военные действия прекратились, некоторые турецкие киприоты вернулись в бывшие дома, в то время как солдаты ООН по поддержанию мира делали все возможное для создания гарантий их безопасности, а также безопасности греческого меньшинства в районах проживания большинства турецких киприотов. С 1964 по 1974 большое число турок-киприотов не вернулось в районы, контролировавшиеся греками-киприотами. Они испытывали большие материальные трудности из-за ограничения движения и экономического эмбарго, объявленного греками.

Они проживали на небольшой части острова – около 3% от общей территории. [Стронг, 1999:138, прим. 49, ссылка на Ричарда Патрика, 1976 и интервью с Президентами Макариос и Рауфом Денкташ]. Но многие турецкие киприоты продолжали жить за пределами этих анклавов, в смешанных общинах, хотя и не без опасений. Греки-киприоты боялись появляться в турецких анклавах.

1974 год считается периодом последнего этапа насильственного конфликта. Военная диктатура в Греции оказала помощь киприотам-грекам крайнего националистического толка для того, чтобы свергнуть президента [и Архиепископа Макариоса III]. В то же время турецкие войска вторглись на север острова, взяв под контроль 36% его площади.

В ходе двух этапов турецкого вторжения, значительное большинство киприотов- греков бежали из своих домов, и укрылись у представителей своего этноса в южной части острова. В последующие месяцы киприоты-турки, проживавшие на юге, переселились на север. Результатом явилось почти полное, за редким исключением, разделение бывших смешанных общин на всем острове. Этническое разделение привело к большому количеству ВПЛ в каждой зоне:

примерно каждый четвертый грек-киприот и аналогичная доля турок-киприотов стали ВПЛ. Некоторые из них, особенно среди ТК, переезжали несколько раз до своего окончательного поселения.

ВПЛ среди греков-киприотов: политические и практические аспекты.

Для большинства населения потеря контроля над 36% территории острова воспринималась как массовое коллективное унижение, и также как социально-экономическая катастрофа. Политические требования греческих лидеров и обещание, данное греческим ВПЛ, заключалось в том, что “все беженцы должны вернуться в свои дома”. Но президент Макариос добавил, что для этого потребуются “долгосрочная борьба” – имея в виду дипломатическую борьбу, поскольку греки-киприоты не могли решить проблемы военным путем в связи с превосходящими турецкими военными силами и их высокотехнологичным оружием.

Социально-экономические проблемы заключались в том, как помочь населению, в котором примерно каждый четвертый был вынужден переселиться, и стал обездоленным.

Официальной позицией руководства греков-киприотов было то, что турки-киприоты могут вернуться в свои дома, но возвращение не было реально обеспечено. Правительство признало право собственности турок-киприотов на оставленное ими имущество, но при этом позволило внутренне перемещенным грекам-киприотам временно воспользоваться им. Домов, оставленных турками-киприотами не хватало для удовлетворения нужд более многочисленных греков-киприотов, а многие перемещенные греки-киприоты не хотели жить в изолированных опустевших деревнях турок-киприотов.

Греко-кипрское Бюро по планированию [Республики Кипр] разработало ряд чрезвычайных планов, которые рассматривали ГК ВПЛ не в качестве пассивного зависимого населения, а как «ресурс для развития» (профессионально обученный человеческий капитал). Эти люди, согласно Кейнсианскому / Рузвельтовскому “новому курсу” экономических инвестиций, могли быть переселены для строительства новых домов и создания новой инфраструктуры, которая заме-

нила бы разрушенную в результате войны. Это были дороги, и два новых аэропорта. Бизнес-сообщества взяли на себя значительную часть в реализации этой инициативы.

Несколько внешних факторов способствовали привлечению ГК-ВПЛ к активной экономической деятельности. Это рост массового туризма из Англии и Германии, гражданская война в Ливане, в результате которой богатые ливанские беженцы нашли на ближайшем Кипре безопасное пристанище, а также экономический рост в странах Персидского залива, создавший новый потребительский рынок, наводненный нефтедолларами ОПЕК. Кипрские экспортеры могли обеспечить этот рынок низко оплачиваемым трудом беженцев. Их труд был изначально дешевым, но качественным и мотивированным. Кроме того, у Кипра было географическое преимущество, так как он находился ближе к Персидскому заливу, чем конкуренты из Европы.

В течение пяти лет самые бедные из беженцев были переселены в простые, но пригодные для жилья дома. Замысел заключался в том, чтобы построить дома для беженцев в городских или пригородных районах, с тем, чтобы облегчить им поиск работы в новых развивающихся отраслях легкой промышленности.

Остальные получили финансовые пакеты и планы в области разработки и строительства собственного жилья по различным схемам. Многие из них построили дома, которые ничем не отличались от домов тех, кто не являлся вынужденным переселенцем.

Лидеры греков-киприотов выдвигали политические требования в течение следующих 25 лет. Эти требования заключались в том, чтобы все греческие и турецкие киприоты ВПЛ должны были иметь возможность свободно вернуться в свои родные дома. Но некоторые лидеры политических партий провели негласные исследования, которые показали, что большинство греков-киприотов, не были готовы вернуться в свои бывшие дома и жить под руководством администрации турок-киприотов, тем более в государстве, где доминировала армия Турции.

Ясно было, что занятые турками районы, возможно, могли бы послужить предметом переговоров [области Морфу и город Фамагуста], несмотря на то, что и другие города были важными по мнению турок-киприотов. Различные группы греков-киприотов ВПЛ

имели довольно разные взгляды на свое будущее и будущее политическое соглашение. Те, у кого было меньше всего шансов вернуться в свои дома в условиях, когда они находились бы под греческой администрацией [жители области Кирения, Карпассии, Китреи и Лефка], как правило, относились негативно к предлагаемым переговорам, и очень враждебно к Турции и туркам-киприотам.

Большинство наблюдателей отмечали сильное противоречие между пропагандой позиции “все ВПЛ будут / должны вернуться домой” и практических аспектов программы восстановления жилья.

В этом в значительной степени была заслуга руководства греков-киприотов, которые не старались держать ВПЛ в какой-то неопределенности, но признавали законность их прав на социальные и экономические выгоды и их права на гражданство первого класса. Было бы, пожалуй, политически нереально применять политику, принятую в Египте, Иордании и Ливане в отношении палестинских беженцев, которые всегда страдали от ограничений их прав. Но это еще одно существенное различие между правовым статусом вынужденных переселенцев и статусом беженцев, как в международном праве, так и в конкретной государственной политике.

Греко-кипрские ВПЛ никогда не теряли свои гражданские права граждан Республики Кипр. И потому в начале своего переселения и обнищания, они были объектом особого сочувствия, выражаемого их согражданами, греками-киприотами, не испытавших перемещения. Они получали льготы от государства – построенные государством или субсидируемое государством жилье, бесплатное медицинское обслуживание, образование и субсидии для детей, государственные кредиты для создания нового бизнеса. Большинство этих льгот продолжают существовать и сейчас, и политики не спешат их сокращать.

Хотя дети ВПЛ рассказывали о том, что они подвергались дискриминации в школе, объективная социологическая картина говорит в целом об их интегрированности, стабильности, о том, что перемещенное население их приняло. Хотя состояние жилья, построенного для вынужденных переселенцев, было беднее и заметно отличалось от нормального жилья, во всех других отношениях ВПЛ влились в общее греко-кипрское население Кипра. Они несут в себе

эмоциональные шрамы, будучи переселенными, и испытывают сильное чувство враждебности и обиды по отношению к Турции.

Они также настаивают на своих теоретических и юридических правах на возвращение в соответствии с международным правом. Но в обычной жизни они ориентированы на то, где они живут сейчас, на настоящее и будущее. Воспитав детей на юге страны, и видя, как здесь родились их внуки, они теперь больше заинтересованы в социальных контактах со своими детьми, чем в возвращении в деревни, в которых они когда-то жили до 1974. Многие в частных разговорах совершенно открыто говорили об этом.

Реакция турок-киприотов на перемещение

Реакция турок-киприотов и руководства ТК на перемещение заметно отличалась от реакции ГК. Во-первых, для большинства серьезные проблемы начались 10 годами ранее: между 1964 и 1974 годами многие турки-киприоты чувствовали себя в политическом, и иногда и физическом отношении небезопасно в нестабильном “кризисном государстве”, в котором преобладали греки-киприоты. Их жизнь в замкнутых анклавах [чуть более 2% или 3% территории острова] [Стронг, 1999:138, цитируя Макариоса, и Патрика], где они постоянно ощущали присутствие враждебных и агрессивных националистов греческого ополчения, контролировавших передвижение в пределах охраняемых пространств, заставило их задуматься о будущей безопасности. Хотя многие, возможно, никогда не испытывали личной неприязни по отношению к соседям грекам, и многие из них имели тесные дружеские отношения с греческими киприотами, национальная политическая среда была опасной и непредсказуемой. Аргументами турок-киприотов, как говорил Денкташ и другие лидеры, выступавшие за разделение, было то, что греки-киприоты как народ, ненавидели турецких киприотов, и всегда будут стремиться к доминированию над ними. Группа Денкташа утверждала, что не может быть никакой безопасности для проживания турок-киприотов в той части Кипра, в которой доминируют греки-киприоты. Они начали озвучивать эти аргументы в 1950 г., возобновили их в кризисные 1963-64 гг. и развивали их в течение следующих десяти лет, ког-

да они проживали в анклавах. Когда в 1974 году произошло турецкое вторжение, продвижение турецкой армии сопровождалось расправой над мирными киприотами – турками со стороны экстремистки настроенных греков-киприотов, боевиков ЭОКА Вита. [Были убиты заключенные в тюрьмах греки, женщин насильовали турецкие солдаты, что усиливало опасения греков-киприотов.]

Когда эти массовые убийства стали известны, то турецкие киприоты, проживавшие среди греческих киприотов, получили дополнительные основания для сомнений в перспективах своего будущего проживания в смешанных общинах. Соответственно, они отправились в турецкую военную зону как ВПЛ или как беженцы, в зависимости от того, как вы толкуете законы ведения войны и распада государства.

Они прибыли в северную часть Кипра с юга в 1974 и 1975 обездоленными и растерянными, но их личные опасения за собственную безопасность исчезли. Руководство Денкташа сделало все возможное, чтобы определить новоприбывших в качестве постоянных жителей нового образования. Если Турция считалась “матерью-государством”, то Северный Кипр “ребенком-государством”, связанными узами любви, пролитой кровью и экономической поддержкой. Такая позиция не имела поддержки в международном праве, поскольку оккупация Турцией данной территории явилась нарушением Устава ООН, и С. Кипр не может добиться международного дипломатического признания как государство. Однако политическая и психологическая поддержка ему оказывалась в течение многих лет после 1974 года.

Администрация турак-киприотов направляла прибывавших ВПЛ в конкретные районы, покинутые греками-киприотами, и они нашли там много брошенных домов и свободных земель, ранее принадлежавших грекам-киприотам. В 1976 году было создано Министерство по переселению. Турецкие киприоты содействовали переселению в сельские местности для развития сельского хозяйства, этот процесс происходил под жестким управлением государства. Министерство по переселению направляло беженцев целыми деревнями в места нового проживания на севере страны, чтобы сохранить некоторые элементы социальной сплоченности.

Оно также позволило бывшим городским жителям поселиться в городские дома.

На самом деле, некоторыми лучшими домами и участками, ранее принадлежавшими грекам-киприотам, овладели турки-киприоты, не являющиеся ВПЛ. Государство создало сложную систему “баллов”, чтобы позволить лицам, которые ранее имели дома определенного размера и определенный земельный участок, получить на севере имущество, пропорциональное тому, что они имели на юге. На практике в управлении такой системой были трудности, и к 1993 году, почти через 20 лет после массовых перемещений населения, одна треть турок-киприотов все еще не получила сертификаты на дома, которые им были выделены.

Обсуждение Джулией Скотт сложностей выделения земельных участков, подсчета баллов и рыночной ситуации показывает на примере истории одного случая, что вынужденные переселенцы получили лишь треть той площади, которую они имели раньше. Скотт также отмечает, что из восьми греческих отелей в районе Кирении, ни один не был передан для ТК-ВПЛ. Турецкие генералы получили несколько из них. Позднее по этому поводу были созданы судебные дела.

Когда руководство Денкташа начало строить государство в 1974 году, оно столкнулось с нехваткой сельской рабочей силы для восстановления заброшенных хозяйств греков-киприотов. Турция оказала им помощь в восстановлении экономики, поощряя переезд бедных поселенцев из Турции на Кипр, предлагая им свободные земли, жилье и финансовую помощь.

Появление поселенцев из Турции стало основной политической темой для греков-киприотов, которые восприняли это как очередное оскорбление в политике “изменения демографического состава Кипра”. Вполне вероятно, что многие турецкие киприоты решили эмигрировать еще в 1964 году и в последующие годы, и видели мало причин в 1974 году и далее для проживания в Турецкой Республике Северного Кипра [ТРСК], именно так она стала называться. Диаспора турок-киприотов, возможно, уже пустила корни в новых странах, как обычно происходит с мигрантами.

Следует отметить, что экономика ТРСК в определенных аспектах воспроизводит экономику Турции: большая доля управления эко-

номикой приходится на государство, существуют скорее полугосударственные организации, нежели свободный капиталистический рынок. [Стронг: 1999] Отмечают также, что партия Денкташа “Национальное единство” использовала политическую власть для экономического поощрения своих сторонников, в то время как левых оппонентов наказывали. Турецкие генералы смогли приобрести греческую недвижимость так же, как “боевики” турки-киприоты, хотя они и не были ВПЛ [Скотт 1998]. Однако эти формы поддержки постепенно способствовали возникновению народного недовольства руководством партии НЕ. Когда в 2000 году все шесть крупнейших банков потерпели крах в Турецкой Республике Северного Кипра, турецкие киприоты начали выступать против режима и поддержали план Аннана, по которому им обещали освободить их от дипломатической изоляции.

Выводы

Межобщинные этно-национальные конфликты, которые послужили основной причиной возникновения нынешнего статус-кво на Кипре, привели к крупномасштабным перемещениям местного населения.

Однако, на мой взгляд, не наличие вынужденных переселенцев сделало проблему Кипра такой неразрешимой. Это более связано с коллективным национальным унижением, в случае с греческим Кипром, и также с отказом турок-киприотов от конституционных механизмов, которые обеспечивали им статус демографического меньшинства в государстве, в котором преобладает греческое население.

На самом деле, после первого потрясения от перемещения, обе этнические общины успешно интегрировали своих ВПЛ в тех государствах, где они чувствовали себя защищенными и обладали гражданскими правами.

Хотя ВПЛ, особенно те, которым было по 25 лет или более во время перемещения, которые имели семьи и личное имущество, в которое они вложили свой труд, продолжают чувствовать ностальгию по потерянным домам, и обиду на тех, кого считают ответственными за свои потери, ни одна, ни другая община не вела себя так,

чтобы дестабилизировать политическое согласие своего национального руководства.

В каждом случае они распределяли свои голоса в существующих политических партиях, чтобы в некотором роде, распространить свое потенциальное влияние. Они не создали “партию ВПЛ”.

Единственный важнейший урок, который я извлек из моего внимательного наблюдения за одним сообществом в период с 1968 по 2003, является то, что греко-кипрские ВПЛ смогли перестроить свою жизнь, и самый тяжелый период в их жизни они прошли в течение приблизительно 10 лет перемещения. Поворотный момент наступил тогда, когда они поняли, что они могут воспитывать своих детей с разумными ожиданиями. Я считаю, что это также относится и к туркам-киприотам. Обе перемещенные группы будут нести свои эмоциональные шрамы до конца своей жизни, но их ориентация на детей и внуков, поддерживаемая решимостью их государств помогать им и интегрировать их, создала для них некое подобие “нормальной жизни”.

Четыре вопроса к организаторам конференции:

1. Какое место проблема вынужденных переселенцев занимала в мирном процессе?

Для греков-киприотов, она была всегда актуальной, но никогда первичной или доминирующей. Лидерам всегда было ясно, что примерно половина вынужденных переселенцев имеет реальные надежды на возвращение, другая половина нет. Это редко признавалось публично. Это было частью плана Аннана, но избиратели не были готовы к историческому компромиссу.

Для турок-киприотов: политическое руководство [Турция, олицетворявшая собой армию] и ТК националисты рассматривали вопрос ВПЛ как “закрытый”. Не было никакого желания вернуться, и процесс распределения недвижимости ГК для вынужденных переселенцев и появление поселенцев из Турции были использованы для укрепления турецкого государства. Когда критики говорили Денкташу: “Кипрские турки разочарованы и покидают Кипр”, он ответил: “Ну и что? Один турок уезжает, но два приедут!”

2. Рассматривался ли процесс интеграции как препятствующий к стремлению вернуться?

В отношении турок-киприотов нет, потому что не все хотели вернуться.

Очень немногие турецкие киприоты выразили желание вернуться для того, чтобы жить в меньшинстве в общине, в которой большинство составляли греческие киприоты. Есть много турок-киприотов, которые хотели бы получить стоимость имущества, которое они оставили на юге. Некоторые обратились в суд, чтобы их восстановили в правах, и они выиграли дело.

Многие ТК испытывают ностальгию по своей прошлой жизни и имуществу, но их стремление к личной безопасности уменьшило желание вернуться на юг в качестве постоянных жителей. Но они готовы приезжать как посетители.

В случае с греками-киприотами, на раннем этапе после 1974 года шла оживленная дискуссия о том, насколько политически целесообразно оказание помощи внутренне перемещенным лицам и предоставление им достойного жилья. Но этот вопрос был частично урегулирован благодаря финансовой помощи США для переселения [этот факт никогда не акцентировался в дискуссиях], и отчасти потому, что для всех мыслящих руководителей было очевидно, что не было никакой возможности устранить оккупацию Турции, поэтому “возвращение” считалось маловероятным, по крайней мере, для половины вынужденных переселенцев. Единственным возможным путем могли бы стать переговоры по мирному соглашению, которые привели бы к сокращению области турецкого доминирования с 36% территории на 28% или 30%. Это не позволило бы вернуться всем беженцам.

3. Имел ли место факт манипулирования ВПЛ со стороны политических лидеров?

Что касается греков-киприотов, то некоторые ВПЛ сами стали политическими лидерами, во-вторых, поскольку внутренне перемещенные лица были полноценными гражданами с правом голоса, они могли бы озвучить свои нужды всем политическим партиям. Можно было бы поставить вопрос по-другому: насколько ВПЛ манипулируют политическими процессами на Юге?

Во-первых, ни один политик не пытался сократить субсидии для ВПЛ. Поскольку разница в количестве голосов за конкурирующих кандидатов маленькая, никто не рискует вызвать недовольство ВПЛ.

Во-вторых, любой лидер, думающий о заключении соглашения с другой стороной, должен учитывать возможную реакцию ВПЛ. Но, так как вынужденные переселенцы разделены на региональные группы по интересам, и их число известно, политические риски могут быть просчитаны и предсказуемы.

Что касается Турции, то в течение 25 лет сила коалиции турецкой армии и националистического руководства Денкташа предотвращала любые конфронтации и манипуляции вынужденными переселенцами. Это доминирование прекратилось за два года до проведения референдума по плану Аннана, когда впервые с 1974 года имели место массовые демонстрации турок-киприотов, последовавшие в начале за банковским крахом, а затем направленные против неуступчивой политики Денкташа.

В основном, ТК были разочарованы Денкташем и другими националистическими политиками, которые убеждали их забыть о вступлении в ЕС, в то время как ГК уже вступили в этот союз, они также убеждали население подождать, пока Турция сама не вступит в ЕС в далеком и непредсказуемом будущем.

4. Насколько настойчиво ВПЛ озвучивали свои интересы? Насколько конструктивно они выступали?

Вскоре после того, как греческие ВПЛ были перемещены, они сформировали региональные объединения и одно на национальном уровне. Наличие этих лоббистских групп способствовало тому, чтобы политический класс не забывал о краткосрочных нуждах вынужденных переселенцев в жилье и других социальных благах. Но они никогда не имели политического веса, которым обладали четыре основные политические партии, являющиеся основными участниками политических дискуссий и консультаций с президентом и его советниками через Национальный совет.

Как отмечалось ранее, ВПЛ, которые меньше всего надеялись на возвращение, как правило, относились с наибольшей враждебностью к Турции, и говорили о том, что их “предали”. Но эти группы не имеют сильного влияния.

ТК ВПЛ никогда не имели особенно сильных рычагов влияния на руководство северной части Кипра. Их голоса распределяются и разбавляются по всему партийному спектру. До недавнего времени их основные аргументы были в пользу либо отдельного государства, [возможно, в качестве новой провинции Турции,] или самоуправляющейся составной части государства, предусмотренного планом Аннана.

Ни греческие, ни турецкие ВПЛ сами по себе не являются основными препятствиями на пути к соглашению. Основными препятствиями являются более общие причины и взаимное коллективное недоверие, взаимные опасения по вопросам безопасности, и также принципиально различные концепты будущего государства.

Цитируемая литература:

1. Kjetil Fosshagen 1999 "We don't exist": Negotiations of history and identity in a Turkish Cypriot town. [Unpublished Cand.Polit thesis, Department of Social Anthropology, University of Bergen]
2. Diana Weston Markides 2001 Cyprus 1957-1963 from colonial conflict to constitutional crisis: the Key Role of the Municipal Issue. Minneapolis: University of Minnesota.
3. Julie Scott 1998 'Property Values: ownership, legitimacy and land markets in Northern Cyprus' pp142-159 in C.M.Hann [ed.] Property Relations: renewing the anthropological tradition. Cambridge: Cambridge University Press.
4. P.N. Strong 1999 The Economic Consequences of Ethno-National Conflict in Cyprus: the development of two siege economies after 1963 and 1974 [Unpublished doctoral thesis, Economic History, the London School of Economics, University of London]
5. Peter Loizos 2008 Iron in the Soul: displacement, livelihood and health in Cyprus Oxford and New York: Berghahn Books, [Studies in Forced Migration no 23.]
6. www.cyprus-conflict.net, лучший интернет-источник на английском языке для изучения истории Кипрского конфликта с выдержками из многих оригинальных документов.

Д-р Оливер Воллей

Берхгофский Фонд в поддержку мира, Берлин

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ: ВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ ПРОЦЕССОВ НА КИПРЕ

Нерешенная проблема на Кипре все еще ждет всеобъемлющего урегулирования на основе согласованной федеративной структуры, двубщинной и двузональной. Существенными составляющими такого урегулирования являются: разделение полномочий внутри федеративной структуры, регулирование вопроса территорий, выведение войск и роль сторон, предоставляющих гарантии.

Собственность

Другой важный элемент-вызов, которым предстоит заняться – это вопрос собственности; попытка найти баланс между правами первоначальных собственников, которые лишились собственности за годы конфликта, и теми, кто пользовался этой собственностью и совершенствовал ее многие годы.

Обзор вопроса о собственности

Исходя из соглашений, принятых на переговорах на высшем уровне в 1977-79 годы, обе стороны согласились, что за основу будущего урегулирования будет принято федеративное устройство Кипра, состоящего из двух общин и двух территорий.

Но за время переходного периода **каждая сторона создала свой “режим собственности”** для управления “бесхозной” собственностью в своих регионах. Владельцы с обеих сторон подают жалобы властным структурам в связи с потерями, которые они понесли в результате нарушения прав собственности.

Исходная позиция турок-киприотов

Администрацией турок-киприотов был создан режим управления собственностью, который по существу экспроприировал всю собственность, оставленную греками-киприотами в 1974-75 гг. Она была распределена между беженцами турками-киприотами и иммигрантами из Турции на основании «Закона о распределении земель и эквивалентной собственности» (утверждая, что все было сделано в соответствии с законодательством и конституцией Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК).

Сторона турок-киприотов поддерживала концепцию всеобщего обмена. Поскольку турки-киприоты оставили свою собственность на юге, они предполагали/предлагали глобальный обмен.

Это означало, что не будет никакой схемы выплаты компенсаций грекам-киприотам (может быть, только в качестве компромисса) и, самое главное, не будет возвращения ГК на север, и не будет возвращения ТК на юг. Перемещенные лица ни с одной, ни с другой стороны не получили бы вновь свою собственность.

Концепция глобального обмена означала, что психологически ТК будут готовы забыть о Юге.

В этом смысле, исходя из позиции Денкташа, ничьи индивидуальные права не рассматривались. Я бы сказал, что в плане политической динамики поддерживались коллективные права, и глобальный подход подавлял индивидуальные права и правовую динамику.

Никаких законных средств защиты на местах для ГК в ТРСК не предусматривались (если предусматривался глобальный обмен, то в этом не было необходимости). Но это значило, что ТК также не могли воспользоваться своими индивидуальными правами и претендовать на собственность на юге.

Исходная позиция греков-киприотов

На юге действует «Закон о попечительстве», на основании которого «контролируется» или управляется «бесхозная» собственность турок-киприотов. Институт попечительства контролирует «бывшую» собственность ТК на юге. Фактически ТК лишены своих прав, так как они:

не могут вернуться в свои дома и пользоваться ими;
не могут продать их;
не могут получить от них доход.

Они имеют на это право только в том случае, если они зарегистрированы на юге в течение 6 месяцев.

Более того, после того как в апреле 2003 г. появилась возможность пересекать Зеленую линию, многие турки-киприоты вернулись в места своего бывшего проживания и обнаружили, что их собственность была либо уничтожена, либо использовалась на нужды инфраструктуры – дорог, мостов, дамб, электростанций, лагерей военных, промышленных зон, воздушных и морских портов, домов для беженцев, парковок и футбольных стадионов.

*Законодательная динамика до появления плана Аннана: дело Лоизиду против Турции*²⁸

Дело Лоизиду против Турции вписало свою страницу в историю юриспруденции. В нем утверждалось, что администрация ТРСК подчиняется Турции.

Сумма выплаты г-же Лоизиду была назначена в связи с «утратой возможности пользования собственностью».

В 1996 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), перед которым Турция имеет обязательства, постановил, что власти Турции нарушили права г-жи Лоизиду.

В 1998 г. ЕСПЧ вынес дальнейшее постановление о выплате Турцией г-же Лоизиду 1,2 миллиона евро в качестве компенсации за невозможность законного доступа к своей собственности в Кирении. Турция произвела выплату в ноябре 2003 г. (Ей также пришлось выплатить истнице проценты за задержку выплаты).

Греческая сторона увидела в этом огромную победу, вследствие чего ЕСПЧ был заполнен еще 1500 жалобами, ожидающими решения.

Этот случай был воспринят Турцией и ТРСК как серьезная угроза. Он отразился на действиях ТК в отношении вопроса собственности после референдума по плану Аннана.

²⁸ Лоизиду против Турции, ЕСПЧ, Решение от 28 июля 1998 г.

***Развитие ситуации после плана Аннана
Турецко-кипрская сторона после плана Аннана.***

Ситуация после создания турками-киприотами Комиссии по делам собственности, в которую могли обращаться греки-киприоты.

Первым тестом для работы Комиссии по делам собственности ТРСК стало дело Арестис, которое слушалось в ЕСПЧ в апреле 2005 г. Это дело схоже с делом г-жи Лоизиду. Г-жа Мира Ксенидис-Арестис не могла пользоваться своей собственностью в Фамагусте из-за разделения острова и присутствия турецкой армии.

Однако ЕСПЧ посчитал, что Комиссия по делам собственности не является соответствующим местным органом для ведения данного дела по следующим причинам:

- Во-первых, несколько членов Комиссии жили в домах, построенных на «греческом» земельном участке и
- Во-вторых, не существовало возможности реституции.

В результате, власти турок-киприотов приняли радикальные для них меры для исправления работы *«Комиссии по делам собственности»* и наделения ее дополнительными полномочиями для проведения:

- обмена;
- выплаты компенсаций истцам грекам-киприотам (Из расчета стоимости собственности в 1974 г., плюс компенсация за утрату владения);
- реституции («возвращение собственности»).

Против этого закона в Конституционном Суде выступили политические партии турок-киприотов, но закон был поддержан судом, который заявил, что он связан обязательствами в рамках Европейской Конвенции, а также решениями ЕСПЧ.

(Это был самый противоречивый законопроект, вызвавший серьезный протест на Северном Кипре, поскольку мог быть истолкован как оспаривающий правомерность деяний ТРСК в вопросах, касающихся прав собственности. Однако законопроект стал законом в декабре 2005 г.)

Дело Арестис было впоследствии пересмотрено ЕСПЧ.

Благодаря усилиям ТРСК по улучшению работы Комиссии по делам собственности как эффективного местного арбитра, было решено направить дело Арестис в этот орган, и Комиссия по делам собственности получила 6 месяцев на рассмотрение данного дела и на принятие соответствующих мер.

ЕСПЧ своим решением также постановил, что все жалобы со стороны греков-киприотов, ожидающие своего решения в ЕСПЧ, должны быть направлены в Комиссию по делам собственности.

Данный факт явился значительным достижением.

Турцию не обязали выплатить компенсацию г-же Арестис.

Сторона греков-киприотов после плана Аннана

Старый институт попечительства остался.

Но ТК начали этому противиться.

Интересная динамика

Свидетельствует о том, насколько качество и возможности работы такой усовершенствованной Комиссии по делам собственности находятся в соответствии с международным правом.

Свидетельствует о том, что признание Европейским судом по правам человека Комиссии по делам собственности ТРСК является шагом в нормализации отношений между Северным Кипром и международным сообществом.

Свидетельствует о том, что внешняя сила, воспринимаемая как «оккупационная сила» (военное присутствие) и как «доминирующая сила» (политическое, экономическое доминирование) подвергается риску понести (финансовую) ответственность.

Джонатан Коэн – Я благодарю обоих выступавших, которые представили интересные доклады. Очевидно, сегодня очень прибыльно быть юристом на Кипре. Оливер, я хотел бы задать Вам вопрос для того, чтобы стимулировать последующее обсуждение. Ваши последние высказывания меня очень заинтересовали. Исходя из этих высказываний, можно сделать предположения касательно ситуации в Гру-

зии и Абхазии. Можете ли Вы представить себе ситуацию, при которой подобный комитет мог бы быть создан в Абхазии? Можете ли Вы представить себе ситуацию, при которой какой-либо грузинский ВПЛ пришел к власти либо в Абхазии или в России, если уж проводить параллель между отношениями между Россией и Абхазией и между Турцией и турецкой частью Кипра, как это делают некоторые. Можете ли вы представить себе, что Россия предстанет перед европейским судом по правам человека? Если я правильно понял, подобный прецедент уже был в Молдове. Я бы хотел развить тему ваших предположений касательно грузино-абхазского вопроса.

Оливер Воллей – Я много чего могу себе представить. У меня хорошее воображение. Но мне бы не хотелось слишком много говорить о том, что могло бы быть. Разрешите мне немного переформулировать. Насколько я понимаю, абхазская политическая элита и абхазское гражданское общество (пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь) стремятся к международному признанию, и в абхазском дискурсе говорится о том, что они могут достичь этой цели путем соответствия международным требованиям, путем демократизации, путем проведения внутренних реформ, и я считаю это правомерным. Но в какой-то степени они также должны учитывать и права ВПЛ, и с моей точки зрения, я не услышал ничего такого, чтобы они не могли сделать для этого. Потому что, как мы сегодня слышали, они открыты к всестороннему обсуждению процесса возвращения, который уже идет, и также должны быть открыты к поиску иных форм решения этой проблемы. Так что в этом отношении, я думаю рано или поздно, а также с юридической точки зрения, эти вопросы надо будет решать, не ограничиваясь процессом возвращения в Гальский район. Что касается того, что кто-то будет привлечен к ответственности, как, например, Россия в данном случае, я не юрист, но насколько лично я понимаю ситуацию, я был бы крайне удивлен, если бы такое случилось. В случае с Турцией это было возможно, так как Организация Объединенных Наций признала Турцию оккупационной силой. Присутствие на Кипре 35-ти тысячного военного контингента – это уже военное присутствие. Турция во многом контролировала ТРСК – полицию, денежные поступления. Как в военном

отношении, так и экономически и политически Турция играет господствующую роль. Поэтому, приняв во внимание все эти факты, суд признал Турцию ответственной стороной. Я сомневаюсь, что в данный момент это применимо к Абхазии, хотя, конечно, грузинская сторона воспринимает это так. Они в основном считают абхазов марионетками в руках России, считают их зависимыми в военном, экономическом и даже психологическом отношении. Есть достаточно людей, которые даже сомневаются в том, что абхазское руководство представляет интересы своих граждан. Сейчас, когда Россия сняла экономические санкции СНГ с Абхазии, можно предположить, что через 10-15 лет ситуация станет похожей на ситуации на Северном Кипре. Все зависит от действий России в Абхазии. Если они отправят туда еще 20 000 войск, тогда, я уверен, через 2-4 года мы получим аналогичную ситуацию. Это очень интересная динамика. Я думаю, что стороны в той или иной степени осознают риски, на которые идут.

Ирис Кемпе – Я благодарю вас за эти два интересных и ярких выступления, в связи с которыми у меня возникло два вопроса. Первый вопрос к выступавшим. Повлияет ли процесс обсуждения членства Турции в Евросоюзе на решение проблем, которые вы затронули? Второй вопрос я адресую нашим друзьям из Абхазии и Грузии. Арчил и Батал, в какой степени кипрский опыт может помочь в решении абхазского вопроса? Какие вы видите в нем недостатки, и что конкретно для вас представляет интерес?

Петер Лойзос – Я считаю, что стремление Турции вступить в Евросоюз, несомненно, является одним из факторов. Поведение Турции в прошлом осложняет весь процесс. Вопрос в том, в какой степени она готова изменить свой политический курс для того, чтобы соответствовать нормам международного права и требованиям Евросоюза. Однако я считаю, что проблема Кипра не единственная, которую нужно решить Турции. Но если посмотреть на все это с точки зрения Анкары, если это такая проблема, которую можно решить относительно безболезненно с точки зрения турецких политиков, то лучше решить ее, когда представится такая возможность. Я пола-

гаю, что пока партия СР (Справедливости и Развития) находится у власти, что под вопросом даже сейчас, я считаю, они будут пытаться решить проблему Кипра путем переговоров.

Оливер Воллей – Европейский Союз сыграл огромную роль в изменении ситуации на Кипре на всех уровнях. Когда Турция выплатила компенсацию г-же Лоизиду, это было сделано как раз для того, чтобы проложить путь к Европе, дать им понять свои намерения, потому что ни у одной страны нет шанса начать процесс вступления в ЕС, если они не соответствуют даже тем обязательствам, которые они на себя взяли. Эти обязательства относятся к Совету Европы и Европейскому суду по правам человека. Ни один политический деятель Западной Европы не будет закрывать на эти вопросы глаза. Точно так же можно сказать, что членство в Евросоюзе действительно помогло населению и политической элите Севера (северной части Кипра) обрести силу и преодолеть все внутренние проблемы, признав, что членство в Евросоюзе и признание через Евросоюз является стимулом, и они должны соответствовать международным стандартам. Евросоюз изменил также и ситуацию в южной части Кипра, потому что, как показывает пример, власти Юга всячески препятствовали креативному подходу или частным попыткам беженцев найти выход из сложившейся ситуации. Многие хотели бы продать или обменять жилье. Но властям Юга это было не выгодно. Люди стали их заложниками, их использовали для того, чтобы оказать давление на Север. В некотором смысле люди взяли будущее в свои руки. Там происходило еще много чего малоприятного, но в какой-то степени Евросоюз заложил крепкую основу, на которую люди могут опереться. И, как сказал Петер, Греция уже в Евросоюзе, Северный и Южный Кипр также в Евросоюзе, Турция стремится стать членом Евросоюза. Поэтому, мы имеем очень позитивный механизм, по которому все люди и страны хотят быть частью одной системы.

Арчил Гегешидзе – Прежде всего я хотел бы поблагодарить присутствующих за блестящие выступления. Несмотря на то, что грузинские и абхазские участники в той или иной степени знакомы с этой проблемой, мы все-таки многое почерпнули, и у нас действи-

тельно есть возможность все обдумать и сделать правильные выводы о том, как целесообразнее использовать опыт миротворческого процесса на Кипре.

Я хотел бы коротко поговорить о том, что больше всего произвело на меня впечатление и привлекло мое внимание. Прежде всего, мне показалось очень интересным то, как властям греческой части Кипра удалось превратить проблему огромного числа ВПЛ из социального бремени в ресурс развития, и в какой степени этот ресурс был использован для того, чтобы создать то, что называется кипрским чудом, что, кстати сказать, и стало основной причиной перемещения гравитационного центра с Севера на ЮГ. Этот процесс, проводимый по плану Аннана, доказал, что в конечном счете экономическое развитие Южного Кипра стало одной из причин, побудивших турецкий Кипр пересмотреть свою позицию по поводу сосуществования с греческими киприотами. Это один из самых основных моментов, который я отметил в докладе.

Что касается выступления Оливера, то это общеизвестный факт, что вопрос с частной собственностью решается на Кипре, и как бы то ни было, процесс идет. Основным моментом является то, что стороны понимают всю важность этой проблемы, что ее нельзя снимать с повестки дня, и что рано или поздно ее нужно решить. Я считаю, что мы на пути к этому пониманию. Возможно, это понимание пока находится на начальной стадии, но, тем не менее, мы осознаем, что это будет иметь благотворное влияние на миротворческий процесс. Чем раньше мы сделаем выводы, исходя из кипрского опыта, тем лучше будет для нас. Конечно, нужно принять во внимание все особенности нашей ситуации.

Арда Инал-Ипа – На вопрос Ирис о том, что можно было воспринять, прослушав выступления. Я очень коротко отвечу о том, что в докладах мы увидели совершенно четкую картину – количество беженцев, их расселение и т.д. Мне кажется, что точная информация – это очень важно. И когда мы пытаемся уточнить количество грузинских беженцев, это не просто каприз абхазской стороны, это на самом деле необходимость – понять каков объем проблемы, которая существует, только так можно что-то решать или планировать. То,

что пока нет точных цифр и то, что грузинская сторона продолжает называть цифры вплоть до 600 тысяч, да, и такая цифра тоже иногда звучит, никак не помогает решению проблемы. С абхазской же точки зрения более реальны совершенно другие цифры. Поэтому возникает вопрос – как предлагать решение, когда нет ясной картины. Мне кажется, это просто невозможно. Если мы хотим действительно решать эту проблему, мы должны обязательно знать реальные цифры и реальное положение дел, что в примере с Кипром совершенно четко обозначено.

И второе, что я хотела сказать. Мне кажется, очень полезен подход, когда отказываются от такой неконструктивной позиции, когда требуют срочного и одномоментного возвращения всех, говоря, что все должны вернуться. Вот эта совершенно невозможная задача, которая просто парализует обе стороны, а мне кажется, что подход на Кипре, когда стороны согласились, что это настолько сложный процесс, что он не может быть одномоментным, что он требует длительного решения и разных форм удовлетворения потребностей этих людей. Мне кажется, что этот подход был бы очень полезен и в нашем случае. Спасибо.

Эрин Муни – Хочу поблагодарить обоих докладчиков за их выступления, которые заставляют задуматься. В особенности интерес представляет то, что решение проблемы интеграции ВПЛ и проблема их возвращения не поставлены как две взаимоисключающие задачи, по крайней мере, неформально это так. Политическая риторика может быть другой. Создается впечатление, поправьте меня, если я ошибаюсь, что одним из благоприятных факторов стало то, что весь этот процесс прошел относительно тихо, я говорю о греческих киприотах на Юге, без помпы, и вероятно это был единственно возможный путь решения, так как он шел в разрез с политической позицией.

У меня вопрос к обоим выступавшим. Говоря о ВПЛ на Юге, вы упомянули жилищную программу, и это было основной формой поддержки. Дает ли решение жилищной проблемы стабильность. Являются ли ВПЛ владельцами жилья, и таким образом перестают ли они быть зависимыми от своего статуса ВПЛ и по-настоящему решают ли свою проблему? Их по-прежнему будут считать ВПЛ? Если

да, то почему, если они решили жилищную проблему на Юге? Это вопрос Петеру.

Вопрос Оливеру. В качестве вступления хочу еще раз отметить, что это очень интересный подход, при котором проблема возвращения и жилищная проблема фактически рассматриваются отдельно, что права на собственность рассматриваются отдельно от права на возвращение, и те, кто получает право на собственность, могут свободно распоряжаться своим имуществом. Вы отметили, что все это в большей степени касалось тех ВПЛ, кто являлся собственником. В связи с этим у меня возник вопрос. Есть ли люди, которые не попадают под эту категорию, кто не обязательно является собственником, а возможно имеет съемное или социальное жилье? Как они могут получить равные права? Необходимы ли еще какие-либо меры по их поддержке?

Каупо Канд – У меня вопрос к Оливеру. Я хотел бы узнать, какой процент греческих киприотов проживал на севере до конфликта. Как мы слышали, только 33% греческих киприотов смогут вернуться, как только Турция вступит в Евросоюз. Насколько я понимаю, это значительно меньше того числа греческих киприотов, которые проживали на севере до войны. Не кажется ли Вам, что план Аннана полностью противоречит основным принципам прав человека, ведь все ВПЛ имеют право на возвращение? Я считаю, что основной недостаток плана Аннана в том, что он противоречит принципам ООН. Основным принципом является то, что все ВПЛ имеют право на возвращение, когда бы это не случилось через 5, 10 или 20 лет. Я считаю, что тот факт, что не все греческие киприоты имеют право на возвращение, должен послужить уроком для грузинских ВПЛ. Если нечто, подобное плану Аннана, будет представлено для Грузии – это означает, что не все грузинские ВПЛ получают право вернуться.

Юлия Харашвили – Хочу поблагодарить Вас за интересное выступление. Возможно, мой вопрос покажется наивным и даже неправильным. У меня создалось впечатление, что очень часто проводят поверхностное сравнение грузино-абхазского конфликта с конфликтом на Кипре, и очень часто грузинскую сторону в большей степени

сравнивают с греческой. Я считаю, что ситуация с грузинскими ВПЛ больше схоже с ситуацией турецких киприотов. Возможно, что иногда это возникает из-за недопонимания со стороны международных экспертов, которые в большей степени знакомы с ситуацией на Кипре, чем с нашей. Это мой первый вопрос.

Во-вторых, я хотела бы прокомментировать слова Арды, потому что я считаю, что для обеих сторон очень важно знать реальные цифры. Может это даст основания для дальнейшего обсуждения.

Сабина Фишер – Спасибо за интересные выступления. Мой вопрос адресован как выступавшим, так и абхазским и грузинским участникам. Я бы хотела вернуться к тому, что говорил Оливер о позитивной роли Евросоюза в изменении ситуации на Кипре. Мне интересно, может ли Евросоюз также позитивно повлиять на решение грузино-абхазского конфликта, принимая во внимание то, что ситуация там в корне отличается от кипрской. Это то, на что нужно обратить внимание, говоря о роли Евросоюза в грузино-абхазском конфликте, поскольку как нам известно, Грузия сегодня в большей степени стремится к евроатлантической интеграции, к вступлению в НАТО, что является крайне важным фактором в данном контексте. Абхазская сторона очень заинтересована в налаживании отношений с Евросоюзом, но все же прислушивается к мнению России. В то же время отношения между Россией и Евросоюзом все больше осложняются. Так что мы видим, что ситуация абсолютно отличается, и я считаю, что этот вопрос очень важный, и его нужно принять во внимание при оценке роли Евросоюза в данном конфликте.

Итак, вопрос, который я адресую всем вам, может ли Евросоюз оказать позитивное влияние на изменение ситуации? Что необходимо сделать для того, чтобы его роль была позитивной, принимая во внимание сложную ситуацию с ВПЛ, и какие меры необходимо предпринять для решения проблемы ВПЛ?

Оливер Воллей – Я разделяю ваше замешательство, Юлия, в вопросе о том, с кем мы сравниваем грузинских ВПЛ с турецкими или с греческими киприотами. Если посмотреть на этот вопрос с точки зрения признанности государства, то Кипр – это признанное государство, и

международное сообщество поддерживает его территориальную целостность. С другой стороны мы имеем де-факто власти, которые уже несколько десятилетий стремятся к признанию своей независимости. Здесь все понятно. Но если посмотреть на ситуацию по-другому, то здесь уже не понятно кто есть кто. Если рассматривать интеграцию грузинских ВПЛ и то, как люди потеряли свою собственность на абхазской стороне, и как они теперь интегрируются в общество, то можно заметить очевидные различия. Кто сильный, а кто слабый? Кто прав и кто не прав? Кто больше признан, а кто меньше? Все зависит от того, с какой точки зрения на это смотреть, и зачастую это вопрос времени. Я привел пример на основе правовой динамики, который оказался достаточно пугающим сценарием развития для турецких киприотов, но они отнеслись к этому вопросу как к возможности соответствовать международным стандартам и получения признания.

Что касается вопроса Сабини и роли Евросоюза, то здесь требуется комплексный подход. Я отметил моменты, в которых Евросоюз сыграл позитивную роль. Но можно привести и ряд примеров, когда Евросоюз создал асимметрию между северным и южным Кипром. Если рассмотреть переговорный процесс на Кипре, то он был очень стабильным, стороны в нем были представлены на равных основаниях. В переговорном процессе у них был один и тот же статус, двусторонний. Несмотря на все эти правовые различия между сторонами в переговорах, они были на равных. Когда же подключился Евросоюз и начался процесс вступления в ЕС, турецкие киприоты были исключены из всех процессов, так как ТРСК не была признанным государством, а Европейская Комиссия ничего не хочет слышать, когда дело касается того, что юридически не существует. Таким образом, Евросоюз деформировал весь процесс на Кипре, когда стал проводить различия и исключать из разных процесса одну из сторон, т.е. делать то, что ООН удалось избежать. С другой стороны, как я уже говорил, было много моментов, когда ЕС смог обеспечить равенство между сторонами, в то время как ООН действовала в интересах политики и не в состоянии была преодолеть политические и правовые нестыковки.

Что касается вопроса о плане Аннана, и да и нет. Скорее нет, чем да. В плане Аннана была попытка сбалансировать некоторые

принципы, создать политическое равенство, и также признать тот факт, что существует численный разрыв между общинами, от 80 до 20 процентов, и они старались сбалансировать его. Это действительно было проблемой, и они нашли золотую середину. В то же время они хотели гарантий против доминирования, доминирования наиболее малочисленной группы, и в то же время создать условия, удовлетворяющие международным правовым нормам и создать дееспособное правительство. В определенном смысле киприоты реально имеют право на возвращение. Если бы был принят план Аннана, свыше 50% смогли бы вернуться на свою землю, оставшаяся часть получила бы компенсацию. Это процесс. Я не юрист, некоторые ставят под вопрос правомерность плана Аннана, но в конечном итоге можно сказать, что он был разработан в рамках ООН, и это было приемлемо для Евросоюза и для жителей турецкого Кипра. То есть это можно считать достижением. Я считаю, что в будущем придумают что-то лучшее, чем план Аннана. Но в настоящий момент ситуация остается крайне запутанной.

Петер Лоизос – Сначала о вопросе касательно плана Аннана. Я брал интервью у Де Сото²⁹ приблизительно за месяц до референдума и спросил его, поможет ли план Аннана достичь полной справедливости. Он четко ответил, что нет. Но, насколько я понимаю закон/право, хотя, конечно, мое мнение не является мнением специалиста, закон никогда не претендует на то, чтобы быть совершенно справедливым. Кто-то, по возможности, получит право на возвращение, кто-то компенсацию, чтобы право на возвращение, как сказал Оливер, не противоречило потребности турецких киприотов создать жизнеспособную часть составного государства, в котором они будут по-прежнему составлять культурное и демографическое большинство. Кто-то сказал, я думаю, это был Де Сото: «Когда я нахожусь в Брюсселе, слово *компромисс* является положительным, и все это понимают, но когда я приезжаю в Никосию, слово *компромисс* воспринимается как предательство». То есть мысль заключается в том, что при создании нового государства или нового конституционного статуса-кво необходимо идти на компромиссы. Это не значит, что будет дос-

²⁹ Альваро де Сото – Специальный посланник Аннана на Кипре.

тигнута справедливость, и что обе стороны будут полностью удовлетворены. Обязательно будут проигравшие. Это вопрос баланса и справедливости такого баланса между людьми, которые не могут получить все, что хотят, в пределах их понимания закона. И последнее, что я хотел бы здесь добавить, это то, что любое государство сохраняет за собой право приостановить право собственности в связи с реализацией крупного национального проекта, например такого, как строительство плотины для обеспечения города водой или даже в связи с оборонными нуждами государства. Людей выселяют и выплачивают им компенсацию, все это в рамках национального закона. Все государства находят правовой компромисс по отношению к тому, что считается основными правами человека.

Касательно вопроса Северного Кипра до 1974 года. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения всей территории, я думаю, что греческие киприоты составляли демографическое большинство. Если рассматривать вопрос с точки зрения состава населения конкретных деревень или районов, то были старые турецкие деревни, в которых греческого населения не было вообще. Были также деревни, населенные преимущественно турецкими киприотами, но в которых проживало небольшое число греков. Некоторые кварталы в таких городах как Кирения, Никосия и Фамагуста были полностью турецкими. Таким образом, если говорить обо всем регионе, то большинство населения – это греки, но если брать отдельные территории, то там превалирует турецкое население.

Что касается вопроса о Евросоюзе. Я не могу ответить на третий вопрос потому, что я плохо знаком с проблемой Абхазии и Грузии. Но что касается Евросоюза и его роли в разрешении конфликта, я бы разделил такие понятия как *дипломатия* Евросоюза и *право* Евросоюза. Как сказал Оливер, *дипломатия* Евросоюза иногда очень помогает, а иногда оставляет желать лучшего. *Право* Евросоюза в основе своей схоже с международным правом, и мне кажется, что в целом оно помогает нам идти правильным курсом.

Рэйчел Клогг – По поводу Европы хочет ли кто-нибудь из Грузии и Абхазии выступить?

Арда Инал-Ипа – Конечно, что касается возможного участия Евросоюза, то сразу возникают идеи о специальных программах. Например, создание фонда по возможной компенсации для тех, кто для себя выбрал, допустим, невозвращение; или реабилитация жилых домов в нижней зоне Гальского района и в других наиболее пострадавших районах восточной Абхазии. Но, может быть, более реалистичное предложение – это провести исследования в этой области. Те из наших гостей, кому это было бы интересно, например, выступившие в предыдущей сессии – Петер Лойзос и Оливер Воллей, на основе анализа сложившейся ситуации могли бы разработать предложения, какие-то конкретные шаги, которые могли бы приблизить решение проблемы. Думаю, было бы очень полезно обсудить подобные предложения.

Рэйчел Клогг – У меня вопрос о праве собственности

Оливер Воллей – Я не совсем понял вопрос. Вы спрашивали о том, как это будет финансироваться?

Пола Гарб – Вы сказали, что ВПЛ становятся собственниками. А как быть с теми, кто не являлся собственником, кто был арендатором?

Оливер Воллей – Теперь я понял. Прежде всего, хочу сказать, что вопрос, связанный с этой группой людей особо не обсуждался, так как в 60-х годах на Кипре все они в основном были сельскими жителями. У каждого где-нибудь был дом или небольшой участок земли. Мое понимание этого вопроса следующее. Если вы ВПЛ и у вас нет притязаний на собственность, то для вас вопрос звучит так: «Могу ли я вернуться на север или на юг, имею ли я право на свободу перемещения и проживания?» На сегодняшний день граждане Кипра имеют право на свободу перемещения. Даже в условиях конфликта границы открыты с 2003 года, и люди могут свободно их переходить в ту и в другую сторону. Согласно плану Аннана, даже если у вас нет права на постоянное проживание, каждый человек имеет право оставаться на противоположной территории, по крайней мере, 200 дней в году. Это

означает, что если у вас есть небольшой дом, который вы на сегодняшний день используете как дачу, то вы можете проживать в нем 200 дней в году, при этом, не являясь гражданином и жителем северного Кипра. Вот такие условия обсуждались в связи с планом Аннана.

Манана Гургулия – Спасибо большое. Я постараюсь насколько я смогу быть краткой. Спасибо за то, что у вас еще есть силы, чтобы к вечеру слушать очередное выступление. Я не буду утомлять вас какими-то длинными теоретическими выкладками по поводу важности проблемы репатриации, проблемы возвращения беженцев. Тем более я не являюсь специалистом в этой области, хотя навряд ли в Абхазии найдется человек, который совершенно индифферентен к этой проблеме, потому что и проблема репатриации, и проблема возвращения беженцев все-таки напрямую связаны с вопросами безопасности в Абхазии, поэтому интерес есть и я постараюсь вас проинформировать о том, что делается в такой совершенно конкретной области, поскольку передо мной была поставлена задача дать некую информацию о том, какой конкретный опыт есть у Абхазии по интеграции репатриантов, то есть людей потомков махаджиров, возвращающихся в Абхазию и по возвращению беженцев. Хотела бы все-таки отметить, что на мой взгляд, Абхазия все-таки является ну пусть не уникальным, но знаковым примером того, что беженцы все-таки возвращаются в республику, в зону конфликта, в то место, где конфликт еще не отрегулирован, где не подписано никаких соглашений, типа соглашения о невозобновлении военных действий и т.д. Причем, по разным данным, по данным разных международных организаций от 50 до 60 тысяч. Что же касается репатриации, то это тоже вопрос, который поднимался неоднократно, как ни странно даже в условиях советского тоталитаризма. Не буду вас мучить всякими цифрами и историческими экскурсами. Скажу буквально одно предложение – где-то с 20 по 31 годы неоднократно руководство Абхазии обращалось с письмами в Тбилиси и в Москву с просьбой помочь с возвращением какой-то части абхазской диаспоры – потомков махаджиров, в частности тех, кто из Турции переселился в Македонию. Переписка была длинной, но вопрос, в конце концов, оказался нерешенным.

Манана Гургулия

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ И РЕПАТРИАНТОВ В АБХАЗИИ

Проблема возвращения грузинских беженцев, как и проблема репатриации в Абхазию потомков абхазских махаджиров (*махаджирами называли кавказцев, вынужденных переселиться в страны Ближнего Востока в XIX веке во время Русско-Кавказской войны*) из Турции и стран Ближнего Востока связаны с безопасностью республики.

Все пятнадцать послевоенных лет на Абхазию оказывается жесткое давление со стороны международного сообщества с целью вернуть грузинских беженцев. Судьба же негрузинского населения (греков, евреев, армян, русских, эстонцев и др.), вынужденного покинуть Абхазию из-за войны, мало кого беспокоит. Официальный Тбилиси настаивает на безоговорочном, организованном и достойном возвращении всех грузинских беженцев, рассчитывая, тем самым, на изменение этно-демографического баланса в Абхазии и восстановление территориальной целостности Грузии.

Не отрицая права грузинских беженцев на возвращение, свидетельством чему является подписание базового «Четырехстороннего соглашения о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц» 4 апреля 1994 г., Абхазия выступает за поэтапное решение этой проблемы.

Первые беженцы стали возвращаться в Гальский район практически сразу после окончания военных действий в конце 1993 года. Процесс организованного возвращения начался в 1994 г. В начале 1998 г. по оценкам УВКБ ООН в Гальском районе проживало 50 000 человек.

Майские события 1998 г., когда незаконные грузинские вооруженные формирования вторглись на территорию района, повлекли за собой вторую волну беженцев. Переговоры под эгидой ООН в 1998-1999 гг. по подготовке документа о возвращении беженцев в Гальский район и экономической реабилитации не увенчались успехом. 1 марта 1999 г. абхазская сторона, несмотря на противодействие

Грузии и отсутствие международной поддержки в одностороннем порядке приступила к осуществлению программы возвращения беженцев в Гальский район и их регистрации.

Следует отметить, что на протяжении нескольких лет после окончания открытых военных действий вооруженные группы, состоявшие из грузин, проводили целенаправленные атаки в Гальском районе. В публичных заявлениях лидеров так называемых партизанских отрядов, таких как «Белый легион» и «Лесные братья» отмечалось, что их основной задачей является, силой вернуть Абхазию. Их ближайшей задачей было создание атмосферы страха и нестабильности среди возвратившихся в Гальский район с тем, чтобы показать, что нахождение на территории, контролируемой абхазской стороной, невозможно. Для этого они использовали всякого рода диверсии, теракты, засады, похищения людей, целенаправленное минирование. Кстати, все это нашло отражение в резолюциях СБ ООН №1150 от 30.01.1998 г. и №1187 от 30.07.1998 г., а также в докладе Миссии ООН по оценке ситуации в Гальском районе 20-24 ноября 2000 г.

В отличие от Гальского района, грузинское население которого в большинстве своем не принимало участия в войне, возвращение беженцев в остальные районы Абхазии в условиях неурегулированного конфликта и непризнанности Абхазии чревато негативными последствиями, эскалацией военного конфликта, угрозой независимости республики.

Процесс возвращения беженцев в другие регионы страны, по мнению президента Сергея Багапш, в настоящее время нереален. «В данных политических условиях есть возможность возвращения грузинских беженцев только в Гальский район. Что касается других районов, то этот разговор будет уместен только после признания независимости Абхазии и, соответственно, урегулирования грузино-абхазского конфликта. Форсировать этот процесс — значит начать новую войну», — заявил Багапш. (www.abkhaziagov.org *Архив новостей, 29 ноября, 2006 г., 17.45.*)

Если судьба грузинских беженцев беспокоит всех международных участников переговорного процесса, то, проблемы репатриации Абхазия вынуждена поднимать в одностороннем порядке. Власти и гражданское общество Абхазии постоянно обращают внимание ми-

рового сообщества, посредников в переговорном процессе на необходимость восстановления исторической справедливости и решения этой проблемы. Президент и МИД Абхазии неоднократно заявляли о том, что вопрос возвращения грузинских беженцев невозможно решать без параллельного решения вопросов возвращения потомков махаджиров, проживающих в Турции и странах Ближнего Востока.

Даже в условиях советского тоталитаризма Абхазия пыталась привлечь внимание к этой проблеме и вернуть потомков махаджиров на историческую Родину. Неоднократные обращения руководства Абхазии с 1920 по 1931 годы о возвращении махаджиров, в том числе и тех, кто проживал в Македонии, оставались без ответа со стороны Тбилиси и Москвы.

Складывается парадоксальная ситуация, при которой Абхазия в одностороннем порядке возвращает грузинских беженцев, а Грузия всячески препятствует репатриации потомков абхазских махаджиров.

Поскольку тема моего выступления касается опыта интеграции беженцев и репатриантов, я остановлюсь на тех мерах, которые принимаются в последние годы в Абхазии в этом направлении.

Решение проблемы репатриации важно с точек зрения:

- восстановления исторической справедливости;
- этно-демографического баланса (возвращение репатриантов может стать одним из существенных факторов решения острой демографической проблемы в Абхазии);
- ресурсов экономического и культурного развития;
- обеспечения безопасности;
- сохранения языка.

К числу факторов, заметно осложнявших процесс репатриации потомков абхазских махаджиров, можно отнести:

- сложности послевоенной жизни;
- поствоенную нестабильность;
- ужесточение пропускного режима на российско-абхазской границе с 19 декабря 1994 г.;

- введение экономических санкций стран СНГ в отношении Абхазии 19 января 1996 г.;
- отсутствие морского (пассажирского) сообщения между Турцией и Абхазией;
- неэффективную информационную работу с конкретными адресными группами потенциальных репатриантов;
- нежелание России, Турции и Грузии помочь в решении данной проблемы;
- неоправданные опасения России по поводу исламизации Абхазии, подогреваемые Грузией;
- отсутствие международной поддержки Абхазии в решении проблемы репатриации.

Основными структурами, которые на государственном уровне занимаются решением вопросов репатриации и интеграции репатриантов являются Государственный комитет по репатриации Республики Абхазия и Фонд репатриации РА. Кроме того, непосредственное отношение к этим проблемам имеют представитель РА в Турции и Кавказско-Абхазский Комитет солидарности (Анкара и Стамбул, Турция)

Бюджет Фонда репатриации Республики Абхазия на 2008 год по доходам и расходам составляет 38,5 млн. рублей. Бюджет прошлого года по доходам составил 31,2 млн. руб., а по расходам – 23,9 млн. руб.

Доходы бюджета Фонда в основном формируются за счет поступления взносов. Средства Фонда в 2008 г. направляются на следующие цели:

- оказание материальной помощи (в т.ч. на содержание детей в детских садах, школах и оздоровительных лагерях, помощь при рождении ребенка, на оплату обрядовых услуг) – 1,97 млн. руб.;
- капитальное строительство, ремонт и приобретение жилья репатриантам – 27,1 млн. руб.;
- резерв – 4,9 млн. руб.

В Абхазии пока нет утвержденной государственной программы по репатриации. В мае президент Сергей Багапш поручил правительству разработать такую программу.

В отсутствие долгосрочной государственной программы, Госкомитет по репатриации строит свою деятельность на основе годовых планов. План основных мероприятий комитета на этот год включает в себя:

- Завершение восстановления и расселение семей репатриантов в доме №171 А по ул. Эшба в г. Сухум.
- Подготовку земельных участков в пос. Гульрыпш и Сухуме под строительство индивидуальных домов для репатриантов. Содействие в создании цеха по выпуску сборно-разборных домов (для репатриантов) совместно с репатриантами.
- Восстановление дома № 191 по ул. Эшба в г. Сухум.
- Решение вопроса технического оснащения госпредприятия «Аибга».
- Развитие контактов и культурных связей с соотечественниками за рубежом.
- Организацию совместного отдыха детей соотечественников из Турции, абазинских детей из Карачаево-Черкесии и детей репатриантов в Абхазии.
- Организацию работы по завершению строительства двух 5-ти этажных домов в г. Гудаута 12.
- Приглашение на празднование 15-летия Дня независимости членов семей погибших соотечественников из Турции и Сирии и др.

Соотечественникам из Турции и стран Ближнего Востока, вернувшимся в Абхазию, оказывается единовременная материальная помощь в следующих случаях и размерах:

- Пособие на период обустройства вновь прибывших репатриантов – до 30 000 руб.

- На ремонт жилья (по заявлению) – до 30 000 руб.
- Помощь по болезни репатриантов и членов их семей, в зависимости от степени тяжести – заболевания до 20 000 руб.
- Единовременная помощь при материальных затруднениях – до 5 000 руб.
- В случае необходимости срочного выезда по месту жительства близких родственников по случаю смерти близких родственников (транспортные расходы из расчета 200 долларов США на одного человека для поездки в Турцию, 400 долларов США на одного человека – в Сирию, Иорданию).
- На организацию свадебного торжества – 30 000 руб.
- На погребение – 10 000 руб.

Также выделяются средства при рождении детей: одного ребенка – 10 000 руб., второго – 15 000 руб., третьего – 30 000 руб.

При представлении соответствующих справок выделяются средства и на содержание детей в государственных детсадах, обучение в школах и Абхазском госуниверситете. Госкомитет по репатриации оплачивает и обучение репатриантов на курсах абхазского языка.

Ежегодное материальное поощрение в размере 3 000 рублей на празднование Дня независимости получают все участники Отечественной войны народа Абхазии из числа репатриантов; инвалиды всех групп, Герои Абхазии, кавалеры ордена «Леона» и медали «За отвагу» – до 5 000 руб.

Кроме того, репатрианты, как и все остальные граждане Абхазии, получают пособия из Фонда социального страхования, пенсии и прочее.

Вопросы репатриации и интеграции репатриантов в абхазское общество находятся в центре внимания Общественной палаты, политических партий и общественно-политических движений, неправительственных организаций. Так, Общественная палата предлагает до конца года разработать и принять Государственную программу по репатриации, а для этого создать специальную рабочую группу

из числа представителей всех ветвей власти; ввести дополнительную должность вице-преьера для координации работы по выполнению программы репатриации; создать в районах Абхазии неприкосновенный резерв земельных участков для целей репатриации; выделить Госкомитету по репатриации недостроенные многоэтажные жилые дома и квартиры, требующие восстановления; восстановить общежитие Абхазского госуниверситета для будущих студентов-репатриантов из Турции.

Репатрианты в основном живут в Сухуме и Гульрипшском районе. За весь послевоенный период в Госкомитете по репатриации было зарегистрировано более четырех тысяч человек. Но постоянно в Абхазии живут около трехсот семей. По словам одного из репатриантов, депутата парламента Сенера Гогуа, «обычно люди едут оттуда, где много проблем, туда, где их меньше, а в случае с репатриацией абхазов – все наоборот». «Они приехали из Турции, Сирии в Абхазию, где была война, где масса трудностей послевоенной жизни. И это при том, что местное население чтоб выжить, заработать деньги, уезжало в Россию. Поэтому нереально было ожидать большого количества репатриантов», – считает С. Гогуа.

Недавняя отмена экономических санкций, возможность пересечения российско-абхазской границы иностранными гражданами через КПП «Веселое», развитие экономики Абхазии и появление новых рабочих мест и возможностей для бизнеса, регулярное морское сообщение с Турцией (если все же удастся договориться об этом в рамках переговорного процесса) будут способствовать активизации процесса репатриации.

В Абхазию следует привлекать молодежь, имеющую строительные, технические специальности и нуждающуюся в работе. Тем, кому уже за сорок, труднее оставлять насиженные места и переезжать сюда.

«Не стоит мечтать о том, что в год мы сможем вернуть порядка 5-10 тысяч человек. Давайте привезем 50 – 100 семей в год, но просчитаем, как их привезти, чем помочь, определим все расходы, создадим условия для жизни и работы. Надо сделать так, чтоб люди сами смогли зарабатывать деньги, открывали магазинчики, кафе, цеха, строили, производили металлопластиковые окна и двери, мебель и пр., смогли получить кредиты. И это станет хорошим приме-

ром для тех, кто еще не готов возвращаться в Абхазию», – считает репатриант С. Гогуа.

«Нужна продуманная пропаганда, информирование тех, кто живет в Турции. Нужны сайты с информацией на абхазском, турецком и арабском языках. Надо ездить, встречаться и говорить с диаспорой, но не только в Стамбуле и Адапазаре, где люди живут неплохо. В восточных районах Турции жизнь сложнее, люди живут хуже. Если им объяснить, они поедут в Абхазию. Следует серьезно работать и с теми, кто уже вернулся. Первостепенное значение имеет вопрос адаптации на месте и обучения языкам. Компактное поселение репатриантов облегчает адаптацию к новой жизни», – говорят те, кто уже вернулся в Абхазию.

После ввода российских миротворческих сил в зону грузино-абхазского конфликта в июне 1994 г. Грузия стала настаивать на массовом возвращении беженцев в Абхазию, что было чревато возобновлением вооруженного конфликта. Абхазская сторона, ссылаясь на Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц и процедуру возвращения, разработанную Четырехсторонней комиссией, предложила с 1 октября 1994 г. начать прием и рассмотрение ежемесячно 200-300 анкет беженцев, желающих вернуться в Гальский район. 14 марта 1995 г. президент Владислав Ардзинба заявил о готовности Абхазии с 25 мая 1995 г. рассматривать еженедельно до 200 анкет в целях организованного возвращения беженцев.

Основными причинами, затруднявшими процесс возвращения грузинских беженцев были: политическая неурегулированность межгосударственных отношений Абхазии и Грузии; деятельность грузинских террористических групп, засылаемых с территории Грузии в те места, куда в первую очередь должны были возвращаться беженцы; регулярные захваты заложников из числа мирных жителей Гальского района; экономическая блокада Абхазии; создание на территории Грузии так называемых “абхазских батальонов” и диверсионных групп из числа беженцев; пропаганда официальными властями Грузии военного реванша в Абхазии; нереальный ускоренный график УВКБ, предусматривающий возвращение 8-9 тысяч беженцев в месяц и др.

Несмотря на неоднократные обращения абхазских властей, УВКБ ООН так и не оказало Абхазии содействия в регистрации 40 тысяч беженцев, вернувшихся в Гальский район в первые послевоенные годы. *(Для справки: С 25 мая по июль 1995 г. Комиссия при президенте Республики Абхазия по вопросам беженцев и пропавших без вести в одностороннем порядке зарегистрировала боле 1000 вернувшихся беженцев, рассмотрела 1270 анкет на возвращение 3791 беженцев).*

Локальные столкновения в Гальском районе между правоохранительными органами Абхазии и незаконными грузинскими военными формированиями в мае 1998 г. вновь изменили ситуацию. До 25 тысяч человек были вынуждены вновь покинуть Гальский район. В феврале 1999 г. распоряжением президента В. Ардзинба была создана правительственная комиссия по социально-экономической реабилитации Гальского района и созданию условий для возвращения беженцев. В комиссию, возглавляемую вице-премьером а Константином Озган, вошли глава Администрации района Р Кишмария, министр экономики Б. Кубрава, министр сельского хозяйства Ю. Акаба, депутат парламента Ш. Шаматава, зам. председателя СГБ С. Царгуш, зам. министра внутренних дел Л. Габлия, руководители госкомпаний “Абхазстрой”, “Абхазавтодор”, “Абхазтранс”, “Абхазсвязь”, сотрудники администрации района, беженцы.

В перечень вопросов, подлежавших рассмотрению и решению правительственной комиссией входили: вопросы экономики (изучение нынешнего состояния экономического развития района; определение его экономического потенциала; разработка Программы социально-экономической реабилитации и развития Гальского района); социальные вопросы (определение первоочередных задач в сферах жилищно-бытовых условий возвращения беженцев, образования, здравоохранения, состояния коммуникаций – дорог, связь, транспорта, различных объектов жизнеобеспечения); вопросы безопасности возвращающихся и возвратившихся беженцев (МВД, СГБ и прокуратуре поручалось разработать планы мероприятий по обеспечению возвращающихся беженцев, доукомплектовать штаты правоохранительных органов, в том числе из возвратившихся беженцев); информационная и разъяснительная работа с населением района.

По данным Комиссии при президенте РА по вопросам беженцев, в Гальский район в общей сложности вернулось до 60 тысяч человек, 35 тысяч были зарегистрированы в 1999 г. после того, как абхазская сторона объявила о возвращении беженцев в одностороннем порядке.

В 2005 г. абхазская и грузинская стороны договорились о перепроверке данных регистрации беженцев, вернувшихся в Гальский район. УВКБ ООН в сентябре 2005 г. подготовило двухлетнюю стратегию деятельности в этом направлении. Представительство УВКБ ООН планировало произвести перепроверку/регистрацию беженцев и вынужденно перемещенных лиц, проживающих в настоящее время в Гальском районе, а также исследовать нужды и потребности этих людей, в том числе и вопросы, связанные с будущим возвращением и реинтеграцией. В качестве партнеров УВКБ согласились выступить Датский и Норвежский советы по беженцам и Швейцарское Агентство по вопросам развития и сотрудничества.

Стратегия УВКБ включала в себя ряд мероприятий по перепроверке регистрационных данных и получение сведений об условиях жизни и проблемах, связанных с защитой лиц, которые будут зарегистрированы или регистрация которых будет перепроверена; систематический мониторинг и составление компендиума жалоб по проблемам безопасности, средств существования, социальных услуг, здравоохранения, образования, водоснабжения и санитарных условий, крова, правопорядка и языка; создание условий, способствующих установлению доверия между людьми; ремонтные работы в школах, детских садах и жилом секторе; распространение знаний по правам человека; создание условий для того, чтоб возвращающиеся беженцы имели возможность работать, получать доходы и сами себя обеспечивать.

Для осуществления данной стратегии предположительно требовалось порядка 4,9 млн. долларов США. К сожалению, данная стратегия так и осталась лишь на бумаге. Грузинская сторона всячески оттягивала ее осуществление. Ключевые вопросы, связанные с достойным возвращением беженцев, в первую очередь в Гальский район, пути улучшения ситуации в регионе, а также стратегия УВКБ обсуждались 11 июля 2006 г. на заседании Второй Рабочей группы

возобновленного Координационного совета грузинской и абхазской сторон. Ввод грузинских военных подразделений в верхнюю часть Кодорского ущелья в нарушение Московского Соглашения о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г., повлек за собой фактический срыв переговорного процесса. Руководство Абхазии заявило, что вернется за стол переговоров при условии вывода войск из ущелья и подписании соглашения о невозобновлении военных действий.

Несмотря на отсутствие ощутимой поддержки со стороны международного сообщества в деле реабилитации Гальского района, власти Абхазии в последние годы сами стали уделять заметное внимание району и вопросам интеграции его жителей во внутреннюю жизнь республики. На одной из пресс-конференций президент Сергей Багапш подверг критике пассивность международного сообщества и заявил: «Это единственный прецедент, когда до политического урегулирования конфликта предпринято столь масштабное возвращение беженцев. Мы вернули в Гальский район до 60 тысяч человек. К сожалению, мировое сообщество не оценило этот шаг». Он привел в сравнение Косово, где в постконфликтный период возможность вернуться получили не более 2,5 тысяч из 250 тысяч сербских беженцев. (www.abkhaziagov.org Архив новостей, 29 ноября, 2006 г., 17.45.)

Обращаясь к жителям Гальского района в феврале 2007 г. президент подтвердил, что «процесс интеграции населения Гальского района в общеабхазское пространство будет продолжаться». «Грядущие выборы должны приблизить страну в целом к построению демократического общества, а грузинское население Гальского района — к интеграции в общее правовое пространство Абхазии», — отметил Багапш. По его словам, послевоенные годы показали, что «мы вместе способны построить то общество, в котором будут соблюдаться все основные права и свободы наших граждан». (www.abkhaziagov.org Архив новостей, 6 февраля 2007 г. 18.00.)

В 2008 г. правительство выделило сверх бюджета 17 млн. рублей на программы по социально-экономической и гуманитарной поддержке Гальского района (бюджет района составляет 12 млн. рублей). Столь значительная сумма выделяется впервые за послевоенный период.

Выделены средства на ремонт в г. Гал – школы №1, детского сада, Райооного Дома культуры, музыкальной школы, на восстановление двух спортплощадок, стадиона, здания суд-медэкспертизы, суда, нотариальной конторы, ЗАГСа, ФАП в с. Шашиквара.

Выделены средства и на приобретение костюмов и музыкальных инструментов для детского коллектива «Самурзакан», школьных коллективов худ самодеятельности, звуковой аппаратуры и оформления сцены в Доме культуры, приобретение инвентаря и наглядных пособий для художественно студии, спортивного инвентаря для баскетбольной и волейбольной команд спортивного инвентаря для школ Гальского района.

Приобретена машина скорой помощи для районной больницы. Заказали, скоро приедет машина «Судзуки» и 15 бункеров для уборки мусора в городе.

Грузинской стороне не выгодно, чтоб мы помогали гальцам. От 45 до 60 тыс. чел вернулось. Реальная цифра проживающих в районе – 55 тысяч человек.

«В одночасье мы не сможем решить все проблемы района. Но мы будем выделять средства на реанимацию объектов здравоохранения, культуры, образования и спорта в соответствии с программой, рассчитанной на три года», – отметил премьер-министр Александр Анкваб. Вместе с тем он подчеркнул, что «есть проблемы, в решении которых требуется помощь центральных властей, а есть те, с которыми могут справиться на местах». (*<www.apsnypress.info> Выпуск Апсныпресс, № 89 от 12 марта 2008 г.*)

В Гальском районе 21 школа (17 – средних, 1 – начальная, 3 – неполные средние) где обучаются до 2 700 детей. В Нижней зоне – 11 школ, и обучение там ведется на грузинском языке.

В абхазском обществе неоднозначно относятся к языку обучения в школах Гальского района. Есть мнение, что обучение детей не на русском, а грузинском, мешает их интеграции в жизнь Абхазии. Получив среднее образование на грузинском, выпускникам сложно учиться в абхазских вузах, где преподавание на русском и абхазском, и они уезжают в Тбилиси. Больше всего претензий к содержанию учебников по истории и географии, издаваемых в Грузии. Издание в Абхазии учебных пособий по этим предметам на грузинском языке сняло бы остроту данной проблемы.

Еще одна проблема, порождающая споры, это выдача паспортов гражданина Республики Абхазия жителям Гальского района. Есть мнение, что поскольку многие жители района имеют грузинское гражданство, они не могут получить абхазский паспорт, и им следует выдавать вид на жительство, а действующий закон «О гражданстве РА» допускает двойное российско-абхазское гражданство. Процесс же получения абхазских паспортов является добровольным; никто не заставляет жителей Гальского района силой принимать абхазское гражданство.

Выдача российских паспортов – это уже второй этап. Получив абхазское гражданство, гальцы смогут подать документы на получение российского гражданства и паспортов.

Нельзя не сказать и о программе Еврокомиссии по экономической реабилитации в зоне конфликта Союза, рассчитанной на три года (2006-2008 гг.). ЕС выделил 3,9 млн. евро на реабилитационные проекты в Восточной Абхазии (Очамчирский, Ткуарчалский и Гальский районы) и Зугдидский район Грузии. Цель программы, основными имплементаторами которой являются Миссия ООН и Программа Развития ООН – «улучшение жизненных условий абхазской и грузинской общин». В Абхазии – речь идет о поддержке действий по реабилитации и реконструкции экономики в зоне конфликта с целью создания нормальных условий для безопасного и добровольного возвращения беженцев и ВПЛ. Большая часть средств была направлена на восстановительные работы на Инурской ГЭС и Зугдидский район.

Неправительственным организациям и властям Абхазии пришлось немало поработать, чтоб убедить международные организации в необходимости поддержки не только Гальского района, куда возвращаются беженцы, но хотя бы еще и Очамчирского и Ткурчалского районов, сильно пострадавших во время войны. В интервью Официальному сайту президент Сергей Багапш отметил, что придает «серьезное значение гуманитарным проектам, которые международные организации реализуют в восточных районах Абхазии». Вместе с тем он подчеркнул, что «гуманитарные проекты международных организаций в Абхазии должны развиваться параллельно со стратегическими проектами развития, инициированными государствен-

ной властью». (<www.abkhaziagov.org> Архив новостей, 15 ноября, 2006 г., 14.05.)

В настоящее время стратегический курс руководства Абхазии в восточной части республики заключается в привлечении крупных инфраструктурных инвестиций, которые обеспечат устойчивое развитие региона. При этом не отпадает необходимость гуманитарного участия международного сообщества в процессах восстановления этой территории. (<www.abkhaziagov.org> Архив новостей, 15 ноября, 2006 г., 14.05.)

Рэйчел Клогг – Очень много было информации и очень было интересно, я надеюсь, что переводчики успевали переводить. Если есть уточняющие вопросы к Манане, то мы могли бы сейчас их задать. Если нет, тогда мы могли бы сразу перейти к докладу Юлии Харашвили.

Доклад Юлии Харашвили

Уважаемые коллеги,

Наверное, очень трудно рассказать коротко о проблеме, которая длится уже 15 лет и решение которой видится настолько по-разному с разных сторон конфликта.

По Закону Грузии о Внутренне перемещенных лицах – преследуемых, статус ВПЛ дается людям, вынужденным покинуть родные дома вследствие массовых нарушений прав человека, вооруженного конфликта или интервенции со стороны третьего государства. Закон не включает в понятие ВПЛ лиц, перемещенных вследствие экологических или техногенных катастроф, либо в результате осуществления широкомасштабных проектов развития, поэтому здесь под ВПЛ мы будем подразумевать лиц, вынужденно перемещенных в результате военных конфликтов в регионах Абхазии и бывшей Южно-Осетинской автономной области.

ВПЛ в Грузии появились в 1991 году, после эскалации конфликта в Юго-Осетинской автономной области. В 1993 году к ним добавились ВПЛ из Абхазии.

По послевоенным данным, в Грузии насчитывалось около 300 000 ВПЛ из обоих регионов, сегодня, по данным МБР, эта цифра составляет 219 826 человек (без учета дополнительной регистрации).

Говоря о сегодняшнем положении ВПЛ и о дебатах об их будущем в грузинском обществе, надо честно признать, что это не самая злободневная тема. В общественном сознании существует несколько стереотипов вроде «беженцы очень нуждающаяся часть общества», и противоположный этому – «беженцы живут лучше нас», «все должны вернуться», «это дело нашей чести», и для многих это и есть сегодняшняя позиция по отношению к проблеме ВПЛ. Сразу после конфликта, грузинское общество с большим сочувствием отнеслось к людям, потерявшим прежнюю жизнь. В последние годы, участвуя в различных радио и теледебатах, мы могли убедиться в отсутствии острого интереса к теме ВПЛ – большинство звонивших в студию спрашивали, сколько можно говорить о беженцах и почему опять они имеют какие-то особые права и их надо защищать. Это не говорит о том, что общество очерствело – просто, когда проблема существует столько лет и не решается, она становится раздражающим фактором. Сегодня община ВПЛ выглядит по-другому – она более адаптирована к местному сообществу, меньше внешне отличается, при этом сохраняя внутренние связи, традиции и обычаи, вынесенные из Абхазии. В соответствии с Законом, который был принят в июне 1996 года, ВПЛ в Грузии пользуются определенными правами: в частности, в соответствии с законом государство предоставляет ВПЛ жилье. В реальной жизни Министерство по беженцам и расселению, которое является основной правительственной структурой, занимающейся ВП лицами, не имеет своего жилого фонда, поэтому ВПЛ расселялись стихийно – в приспособленные здания, начиная от престижных отелей и заканчивая маленькими магазинчиками и больницами, большинство же ВПЛ поселилось у родственников, знакомых, друзей – ведь тогда предполагалось, что это очень ненадолго и что временно можно потерпеть неудобства. Однако, через 15 лет, приходится констатировать, что мы имеем дело с феноменом затянувшегося изгнания (*protracted displacement*), которое имеет свою динамику

Находясь в изгнании, ВПЛ прошли несколько этапов и в зависимости от этого можно выделить несколько наиболее важных приоритетов:

В 1993 – 1994 годах, наряду с невозможностью возвращения, первой проблемой для ВПЛ было отсутствие каких-либо доходов и материальной поддержки, в проведенном нами совместно с НСБ исследовании 100% опрошенных назвали это главной проблемой. С 1995 года на первое место выходит отсутствие собственного жилья и, затем, отсутствие постоянной работы. Все эти годы ПЛ получают дотацию от государства, которая продолжает занимать существенное место в доходах, особенно в неполных семьях и в регионах. Дотация составляла вначале 4,5 лари, затем сумма постепенно увеличивалась и в начале 2000-ых достигла 14 лари для проживающих в частном секторе и 11 – в коммунальных центрах, в апреле 2008 эта сумма была удвоена, т.е. теперь по сегодняшним ценам ВПЛ может купить в месяц 30 буханок хлеба, 1 кг сахара и 1 литр постного масла. Конечно, этого недостаточно для выживания, и высокий процент ВПЛ живет за чертой бедности. Неизлеченные физические и психологические травмы, отсутствие собственного жилья и продолжающаяся стигма продолжают отличать ВПЛ от остального населения Грузии.

Международное право предполагает две основные возможности для внутренне перемещенных лиц – возвращение к родным очагам либо интеграцию на новом месте жительства. Решение должны принимать сами ВПЛ ПРИ НАЛИЧИИ ОБЕИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ и полной информации о последствиях того или иного решения и об условиях (informed choice). В данный момент для большинства из них возможность возвращения существует только в теории, что обусловлено отсутствием договоренностей между властями, продолжающимся нежеланием на уровне гражданского общества в Абхазии рассматривать эту возможность, отсутствием гарантий безопасности для спонтанно вернувшихся ВПЛ и дискриминационными ограничениями в законодательстве Абхазии.

В течение ряда лет вопрос возвращения/ интеграции ВПЛ рассматривался не как гуманитарный, а больше как инструмент политического давления на международное сообщество, внутреннее общество Грузии и самих ВПЛ. Это, в свою очередь, вело к тому, что состояние «postemergency» искусственно затягивалось, и перемещенные лица, которые в Грузии в первые годы находились в лучшем

состоянии чем мигранты в Армении и Азербайджане, в итоге оказались в худшей ситуации, так как в соседних странах предпринимались какие-то шаги для изменения ситуации, а в Грузии все оставалось в стагнации.

Поэтому к 2006 году правительству стало ясно, что ситуация в общине ВПЛ уже критическая: верхи, которых в этой ситуации представляли доноры и международные организации, уже не хотели жить по-старому, т.е. бесконечно ремонтировать коллективные центры, в которых текла крыша и не было канализации, а низы, т.е. ВПЛ, не могли выжить – попробуйте прожить на 11 лари, когда минимальная потребительская корзина составляет 145!

В итоге было принято решение о создании национальной стратегии по ВПЛ, которая писалась в течение года практически всем обществом – правительство, НПО, сами ВПЛ, международные организации работали в одной команде. После утверждения в феврале 2007 года стратегия стала называться государственной, и это изменение названия также отражало изменение процесса – если создание стратегии было «all inclusive process», то ее имплементация – стало уже делом государства, и неправительственный сектор постепенно был отлучен от процесса подготовки плана действий.

Сама стратегия представляет 2 главные задачи:

- 1 – подготовка мирного, добровольного и достойного возвращения и
- 2 – до возвращения – улучшение социально-экономической ситуации, особенно в сфере расселения, доступа к социальным услугам и осуществления прав.

Для нас, тех, кто принимал участие в создании стратегии, очень важно, что она базируется на 10 основных принципах, которые должны обеспечить недискриминацию и защиту прав человека в процессах возвращения или интеграции. Сама стратегия и подготовленный для ее внедрения план действий базируются на том, что государство наконец, осознало свою ответственность перед ВПЛ и пытается разрешать их проблемы на основе общего видения. Стратегия включает в общем виде предложения по реабилитации постконфликтных зон, улучшение инфраструктуры, доступа к социальным службам и т.д. Поскольку правительство Грузии не может работать

на территории постконфликтных зон, улучшение ситуации спонтанно возвратившихся ВПЛ, а также местного населения предполагается через проекты, которые будут осуществлять международные и неправительственные организации. Мне кажется, что даже на уровне декларации, проявление заботы о населении постконфликтных зон является позитивным шагом.

Новый интерес к проблеме ВПЛ в обществе был стимулирован как появлением стратегии и ее утверждением, так и назначением во время президентской предвыборной кампании на пост министра по делам беженцев человека, пользующегося симпатией большинства населения. Его ежедневные появления на телеэкране в контексте встреч с ВПЛ в коллективных центрах подняли рейтинг вопроса и в то же время пробудили новые надежды в общине ВПЛ. Энергичные действия нового министра позволили мобилизовать средства для текущих ремонтов коллективных центров и повысить в 2 раза мизерное государственное пособие, но эти же действия показали, что паллиативными мерами трудно реально решить или даже улучшить ситуацию, поэтому и на уровне правительства, и в самой общине ВПЛ с новой силой поднялся вопрос о возвращении, как возможном долгосрочном решении кризиса внутреннего перемещения. В ноябре 2007 года миссия Грузии в ООН организовала в Нью-Йорке научно-практическую конференцию, посвященную этому вопросу, а в мае 2008 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, поддерживающую возвращение ВПЛ в Абхазию. Наряду с 32 Резолюциями Совета Безопасности ООН по Грузии, эта Резолюция может не изменить положения вещей, потому что на сегодняшний день не определены главные вопросы: о каком возвращении мы говорим, или – о какой интеграции?

Сегодняшняя ситуация отличается напряженной динамикой. После многих лет сравнительной стагнации, происходит бурное развитие процессов, в основном, усиливающих опасения ВПЛ – это и фактическое признание Косова, и последующие шаги России по выходу из соглашения о применении экономических санкций против Абхазии, и воздушная война в Гальском районе. Понятно, что представление о немедленном, одновременном, достойном возвращении не соответствует реалиям, когда, по оценкам экспертов, за-

щита прав человека в постконфликтных зонах осложняется тем, что нарушения носят массовый и беспорядочный характер (В.Колбая, в кн. *Проблемы и перспективы возвращения беженцев/ВПЛ в конфликтные регионы Южного Кавказа 2008*), нет соглашения о возобновлении военных действий и о безусловном возвращении ВПЛ/беженцев, что еще раз было подчеркнуто в резолюции 1808 Совета Безопасности ООН, (как и в предыдущих документах (“СБ ООН призывает обе стороны безотлагательно завершить работу над документом о неприменении насилия; и призывает обе стороны безотлагательно завершить работу над документом о возвращении беженцев и внутренне перемещенных лиц.”))

Поэтому, говоря о возвращении, нам, как неправительственному сектору больше надо обращать внимание на создание гражданских механизмов защиты населения. Сегодня большинство проживающих в Гальском районе грузин имеет статус ВПЛ – по международным стандартам (материалы Бруклинского института, Когда заканчивается вынужденное перемещение?) им не обеспечен ни один из видов безопасности – физической, психологической, юридической, материальной и информационной, поскольку ни одна сторона не владеет ситуацией и не может эту безопасность обеспечить.

Тем не менее феномен спонтанного возвращения продолжается, поскольку, кроме интересов сторон, которые отличаются по своей сущности но приводят к одному итогу, существует еще коренной интерес самих перемещенных лиц вернуться в свои дома. Для сохранения возможности миграции через фактическую границу ВПЛ принимают компромиссные варианты взаимодействия с властями обеих сторон, которые обеспечивают им ситуацию нестабильного равновесия. С другой стороны, это же позволяет обвинять гальцев в нелояльности. В то же время, очень важно договариваться о возвращении пока этих людей, с тем, чтобы иметь и обсуждать модель возвращения.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН была принята с небольшим перевесом голосов – многие страны, признавая территориальную целостность Грузии и необходимость возвращения ВПЛ, тем не менее воздержались во время голосования, объясняя это тем, что необходим диалог обеих сторон конфликта. Имеющийся диалог на

неправительственном уровне, в котором, по-моему, имеется определенный уровень доверия друг к другу и в случае несовпадения позиций, тем не менее обычно обходит скользкую тему возвращения, уж слишком она болезненна – особенно для абхазов, которые, признавая правомерность возвращения ВПЛ, тем не менее стараются всемерно отодвинуть и минимизировать этот процесс, опасаясь и нарушения сложившейся после войны демографической ситуации и новой структуры общества, и фактов реванша, и передела собственности. Болезненна эта тема и для грузин – постоянно выступая за полное и немедленное возвращение, грузинская сторона сегодня не готова к программам постконфликтного восстановления и примирения, не проанализированы достаточно корни конфликта, во всяком случае, они не устранены и через 15 лет мы продолжаем спотыкаться на том же месте. Поэтому очень важно восстановление доверия – все возможные способы должны быть использованы, и все союзники привлечены для обеспечения возможности мирного разрешения конфликта. Сегодня наблюдается активизация международных организаций, в частности, УВКБ активно работает по реализации стратегических направлений и других международных организаций. Очень важный фактор – возрастание интересов Европейского Союза в решении конфликтов мирным путем, и визит г-на Солана перед встречей ЕС – Россия показывает, что Европейский Союз все-речь заинтересован в стабилизации ситуации. Это дает нам маленькую надежду, что не все ресурсы испробованы и что работа по примирению может дать свои плоды.

Недавно прошла презентация книги, изданной Норвежским Советом по беженцам и Центром мониторинга вынужденного перемещения – «Тяжелая ноша». В ней есть исповеди перемещенных лиц, причем всех национальностей – и тех, кто был вынужден покинуть Абхазию, и тех, кто перемещен внутри Абхазии. При всей тяжести этих историй, люди говорят и о хорошем, светлом, вспоминают случаи взаимной помощи. Мы до сих пор не используем до конца резервы примирения.

Опять же, исходя из недавнего примера из практики, есть возможность поднятия интереса к теме через теледебаты и «провоцирующие передачи». Так, в Грузии все помнят теледебаты, организован-

ные в рамках передачи «Праймтайм», на которой был поставлен вопрос о мирном либо военном пути возвращения в Абхазию. Во время программы проводится интерактивный опрос, и первые результаты были шокирующими – 2/3 голосов шли за военное решение вопроса. Для меня очень наглядным было, как дебаты в открытом эфире и правильные, квалифицированные выступления экспертов и очень эмоциональные выступления самих ВПЛ, в том числе и Гурама Одишария, изменили отношение аудитории и ход интерактивного опроса. Это привело нас к мысли, что резервы публичного воздействия в последнее время не использовались, и что проведение мирной конференции не в другой стране, а в Грузии и, возможно, в Абхазии, при широком освещении дебатов и участии абхазских экспертов, могло бы сыграть очень важную роль в продвижении мирного процесса и формировании позитивного общественного мнения.

Рейчел Клогг – Вновь очень много информации, много вызовов, очень много вопросов было поднято. Хотела бы сейчас перейти к обсуждению.

Вальтер Кауфман – Спасибо большое вам обеим. По-моему, на самом деле очень интересные сообщения и возникает вызов нашим гальским гостям тоже высказаться, иначе опять возникает ощущение, что ими манипулируют. Сегодня мой предпоследний день моих функций как директора южно-кавказского отделения фонда Белля, поэтому могу себе позволить быть немножко политически некорректным. Присутствует такое ощущение, что у обеих сторон конфликта есть некоторые концепции, которые может быть вполне легитимны в политическом плане, в нравственном плане, но которые расходятся с реальностью. И чем больше они расходятся с реальностью, тем больше опасности, что на это расхождение будут реагировать агрессивно. Слушая Грузию, это конечно, постоянное настаивание на принципах полного возвращения, я согласен с другими правозащитниками, что нельзя просто так отказываться от этого принципа. С другой стороны, если мы думаем о процессе и нам приходится все время в голову только одно немедленное возвращение, то это уже некое опасное расхождение с реальностью. И на это расхожде-

ние могут реагировать агрессивно или прагматично. Юля нам представила некоторые очень важные шаги прагматического рода. Но все-таки интересно, существует ли план у грузинского правительства – как реагировать на это расхождение? Насчет абхазской стороны мне кажется, что есть такое представление, что гальцев можно интегрировать вопреки Грузии, то есть полностью отделяя их от Грузии. Такова политическая концепция. Значит, они полностью отделяются от Грузии и все. У меня такое ощущение, что хочешь или не хочешь, но это не совсем совпадает с реальностью, не совсем совпадает с тем, что возможно вообще, потому что люди все-таки очень связаны, очень много практических, родственных связей с Грузией. Это не моральный вызов, это реальность в некоторой степени, что Гальский район является мостом, хочешь или не хочешь, как ингурский мост является мостом, который и разделяет, и одновременно связывает Абхазию и Грузию. Есть концепция интегрировать их против Грузии, но существует ли план Б? Я сейчас не атакую Манану, у меня просто было такое ощущение, что это существует в Абхазии. И второе ощущение, может быть менее принципиально, но опять есть концепция строить свои планы, свое будущее на объемном возвращении махаджиров из Турции в Абхазию. Я отношусь с симпатией к этому проекту. Но ощущение, что этот проект может оказаться не совсем реальным все-таки у меня существует. И опять вопрос – какой есть план Б, если это неосуществимо? Что это значит тогда?

Ивлиан Хаиндрава – Я хочу искренне поблагодарить обеих докладчиц. Вроде бы я это слышал сто раз, а оказалось, что очень интересно и полезно выслушать. По понятным причинам выступление Юли было более эмоциональным. Я это понимаю. Я заранее прошу прощения за мой вопрос, потому что на этом эмоциональном фоне и учитывая те переживания, которые у нее есть внутри я здесь видимо еще добавлю, но не могу не спросить. Не кажется ли вам, Юля, что в том бедственном положении, в котором находятся основная масса перемещенных лиц и беженцев, они и сами несколько виноваты? Из-за своей разобщенности, из-за своих иллюзий, из-за своей неспособности организовать и вообще составить какую-то осязаемую общественную и если угодно политическую силу тоже в этой стране?

Потому что ситуация такова – сначала был один лидером ... ну, о покойниках либо хорошо, либо ничего... хорошего я ничего сказать не могу, поэтому не буду говорить плохое, теперь другой карикатурный самозванец... Это те люди, которые на себя берут смелость выступать от имени всех перемещенных лиц. Ситуация такая, я не знаю какое точно число, но возьмем приблизительно 150 тысяч, допустим, человек, уберем оттуда стариков и детей, ну 5 тысяч активных людей там может быть, которые элементарно будут солидарны друг с другом, когда кого-то выкидывают из каких-то мест, где они временно проживают, которые не будут сидеть и ждать во время выборов, что вас всех мирно вернут. Да не вернет он вас, если вы сами не будете ничего делать для этого. И не интегрирует вас никто, если вы не будете добиваться этой интеграции. То есть, мой пафос понятен. Прошу прощения, я понимаю, что это большая тема, но для меня она тоже большая тема, поэтому я осмелился поставить вопрос так.

Юлия Харашвили – Я попробую коротко ответить, потому что понимаю, что мало времени. На вопрос Вальтера насчет того, есть ли план Б, я не знаю. Как я сказала, концепция включает две главные задачи. Первая задача – это подготовка достойного мирного и добровольного возвращения. И второе – интеграция или улучшение социально-экономических, жилищных и прочих условий до того, как возвращение станет возможным. То есть, вот это второе и есть план Б. и реально, я сказала в своей презентации, что я не вижу возможности сегодня всех взять и вернуть, исходя из всего того, что мы здесь обсуждали. Но отбрасывать эту возможность и не говорить о ней и не пытаться построить эту возможность общими силами нельзя. Как я поняла из презентации Батала и вообще столько лет общаясь с коллегами, я знаю, что никто не отрицает теоретического права людей на возвращение в свои родные дома, на возвращение собственности и прочее. И чем раньше мы начнем... Извините, Ивлиан, наверное у меня были эмоции, я очень старалась, чтобы их не было, но видимо все-таки были. Я думаю, что эмоции это не самое страшное, пять лет назад я ничего бы этого здесь не сказала, я бы побоялась, сейчас у меня очень высокий уровень доверия и к грузинским, и к абхазским коллегам, и я не боюсь, что меня поймут неправильно. Я просто

думаю, что мы все это можем обсуждать, невзирая на наши личные эмоции и проблемы и пытаться найти какие-то выходы, которые будут приемлемы для всех. Я не хочу такого возвращения, которое будет в ущерб хоть одной семье там, и я думаю, что мои коллеги в Абхазии тоже не хотят хорошей жизни в Абхазии в ущерб мне и моим коллегам из Тбилиси. Что касается вопроса Ивлиана, я абсолютно этот упрек принимаю, хотя я идиотски активная по происхождению, по рождению, но я принимаю этот упрек. Не знаю, это хорошо или плохо, но мы не пытались организовывать отдельные акции солидарности среди ВПЛ, может быть, это было нашей ошибкой. Но мы действительно работали и на интеграцию в общество. То есть, рассматривали людей как часть всего общества. Мне бы хотелось, когда человека выкидывают из коммунального центра, чтобы на это возникал бы консолидированный ответ от всего общества, а не только от группы ВПЛ. Наша организация всегда на это реагировала двумя путями. Мы писали заявления и мы в свое время добились изменения закона с помощью 24 других организаций, не одна наша организация, конечно, а сеть, которая существует по этому поводу. Я хочу сказать, что эта сеть пытается активизировать именно политические действия внутри перемещенных лиц. Что касается отсутствия лидера, это данность, которая есть. У нас на сегодняшний день нет лидера, который мог бы организовать общину внутренне перемещенных лиц ни на позитивные действия, ни, слава богу, на негативные действия, потому что внутри общины существуют очень разные течения. Прошло 15 лет и община перемещенных лиц достаточно повторяет структуру грузинского общества, это неоднородная община. Конечно, есть люди, которые сидят и ждут, пока их вернут или когда им починят кран, есть люди, которые это делают сами, их гораздо больше, чем 5 тысяч. Последние полгода были очень знаковые, потому что был назначен новый министр по беженцам. Я хочу все-таки об этом сказать...это очень энергичный человек, который своими энергичными действиями смог мобилизовать какие-то фонды, начались ремонты в коммунальных центрах, работа идет очень интенсивно, но при этом очень возросли ожидания в самой общине перемещенных лиц. И при всей этой активности стало более ясно, что паллиативными мерами трудно что-то изменить, что нужно выхо-

дить на устойчивые решения. И тут должны быть задействованы и план А, и план Б.

Манана Гургулия – У меня была конкретная задача рассказать о том опыте, который есть. Поэтому я больше сделала акцент на позитиве, потому что уж негатива в этой проблеме предостаточно. Уж невнимания к жителям Гальского района со стороны руководства Абхазии было достаточным, поэтому я хотела подчеркнуть то внимание, которое появилось сейчас. А так, иллюзий никаких я не строю. Теперь, что касается того, кто кого от чего отрывает. Никого ни от чего не оторвешь. И в принципе, жители Гальского района сами кузнецы своего собственного счастья. Нельзя все время быть неким маргинальным существом. Когда-то нужно выбирать. Понимаете, у нас во время военных действий кто-то выбрал, взял оружие и пошел воевать, кто-то остался в Сухуме и занимался коллаборационистской деятельностью, либо наоборот спасал Абхазию. Это его право. Поэтому гальцы тоже в любом случае должны будут для себя решать. Если они хотят быть жителями Абхазии, вот той, которая есть сегодня, значит они будут предпринимать какие-то действия, не хотят – не будут. Что касается абхазских властей, они их насильно не заставляют брать ни абхазское гражданство, ни еще что-то другое. Но если гальцы не берут этого гражданства, то они будут ущемлены в политических правах. Ситуация сегодня такова, нравится кому или не нравится, получится у Абхазии этот проект, как любят говорить, или не получится, она строит свое независимое государство вопреки всему. И поэтому она, конечно же, хочет, чтобы жители Гальского района стали ее жителями, ее гражданами. Но это не означает, что их насильно запишут гражданами и насильно заставят идти голосовать за президента Абхазии и прочее. Проблем там много. Оторвать их от Грузии невозможно, и никто этой цели перед собой не ставит. Там и без этого достаточно проблем. Поэтому я здесь никаких иллюзий не вижу. И в то же время я не считаю иллюзией желание и не только властей, но и вообще какой-то части граждан Абхазии все-таки интегрировать их в абхазскую жизнь, потому что они живут в Абхазии. Признанной, непризнанной, такой или сякой. Им все равно придется какой-то выбор делать. По крайней мере, никого из всех

сидящих здесь абхазов нельзя обвинить в том, что мы манипулируем проблемой Гальского района, наоборот, мы всячески пытаемся привлечь внимание к этой проблеме и со стороны нашего правительства, хотя за это нам орденов не дают, а наоборот навешивают кучу ярлыков, и со стороны тех же правоохранительных органов. И пытаемся работать с гальскими неправительственными организациями и с другими общественными организациями, которые существуют там, потому что без этого просто не будет нормальной жизни. Может быть, мы очень большими успехами не можем похвастаться, но просто ничего не делать и ждать, и видеть их в качестве пятой колонны не хочется. И я думаю, что у меня, может быть, есть право так эмоционально говорить, потому что ничего страшнее войны ни для кого из нас нет. Тех, кто в ней жил.

Лиана Кварчелия – По поводу нескольких моментов, которые сегодня прозвучали и нескольких вопросов, которые затрагивали. Я, наверное, начну с вопроса о репатриации, потому что был вопрос о том, почему потомки махаджиров все-таки не возвращаются. До недавнего времени Абхазия в принципе такое право – вернуться – им предоставила. Но поскольку Абхазия – государство непризнанное, реализовать это право на возвращение они не могли в той мере, в какой хотелось бы. Существовал режим санкций, и эти люди не могли пересекать границу, поскольку они являются гражданами, например, Турции, а даже если бы они нелегальным путем попали бы в Абхазию, то их право на свободное передвижение было бы нарушено, и они просто не смогли бы никуда ездить. Кстати говоря, сейчас многие из нас находимся вот здесь в Стамбуле потому, что мы свое право на свободное передвижение удовлетворили через получение российских паспортов. Я думаю, что вряд ли у репатриантов из Турции будет возможность в массовом порядке получать российские паспорта для того, чтобы свободно пересекать российско-абхазскую границу. Так что, непризнанный статус Абхазии является основным препятствием, а также и многие другие факторы – экономические, социальные – мешали тому, чтобы этот процесс репатриации мог нормально осуществляться. Хотелось отреагировать на замечание Ивлиана о том, как могут спокойно взирать абхазы, которые сами

пострадали в XIX веке на то, что происходит с грузинскими беженцами. Мне кажется, что этот вопрос превращается немножко в риторический, как и вопрос абхазов к грузинам или, допустим, к прибалтам, когда мы говорим: «Вот вы говорите, что вы хотите быть свободными, что вы пострадали от советской власти, от России и т.д. Так почему же вы не понимаете, что как и вы, мы тоже хотим быть свободными, независимыми?» Мне кажется, что это вопросы одного плана. И я думаю, что проблема заключается в том, что, как прибалты, как грузины чувствуют себя уязвимыми, незащищенными в каких-то аспектах, точно так же у абхазов есть опасения, связанные с возвращением беженцев. И, конечно же, есть опасения того, что демографическая ситуация опять изменится, что абхазы не смогут принимать важные решения в своей стране. Есть проблема, связанная с тем, что практически все население Абхазии было, так или иначе, вовлечено в конфликт, пострадало во время войны. Воевали, конечно не все, а несколько тысяч, но тем не менее все стали жертвами этой войны. Я имею в виду не только войну, потому что воевали, конечно, не все, а несколько тысяч, но тем не менее все стали жертвами этой войны. И поэтому, если мы хотим ответственно относиться к этому вопросу, то до политического урегулирования говорить о возвращении беженцев, мне представляется невозможным. Мне все-таки кажется, что более ответственно помнить о том, как говорили нам на примере Кипра, что факт существования беженцев, сами беженцы – это не причина конфликта, а это следствие конфликта. Мне кажется, что если мы будем это помнить, это будет более ответственное отношение, чем, если мы будем говорить: «Давайте мы всех вернем, иначе это крайне несправедливо». Мне кажется, что нельзя не учитывать недоверие, которое существует даже к тем, кто вернулся в Гальский район, хотя Гальский район – это довольно специфический район, он практически не принимал участия в боевых действиях против Абхазии. Во-вторых, там все-таки более однородное население, но, конечно, даже по отношению к этому населению, можно сказать, что в абхазском обществе достаточно недоверчивое отношение, хотя на уровне властей политика стала меняться. Может быть, наши гальские представители об этом скажут более подробно, но на уровне определенных слоев населения все-таки такое недоверие су-

ществует. И даже к строительным бригадам, о которых мы говорили вчера, о тех, которые работают по своей Абхазии из Гальского района, к ним тоже неоднозначное отношение. У нас есть люди, которые говорят в прессе о том, что поскольку непонятно, кто вернулся, кто не вернулся... кто считается возвратившимся в Гальский район, а кто нет, то под видом представителей Гальского района могут проникать диверсанты, а у нас на территории Абхазии мы знаем, что были случаи диверсий, когда были и взрывы, и убийства и т.д.

Теперь, что происходит с грузинской стороны. Конечно, этот вопрос чрезвычайно политизируется, я имею в виду со стороны властей, потому что намеренное увеличение во много раз количества беженцев, оно как раз-таки совершенно не снижает опасения у абхазов. Так что, если бы грузинские власти реально были бы заинтересованы в возвращении беженцев не на словах, а на деле, то они бы сделали все, чтобы снизить опасения. И для этого надо было бы просто сказать, какие существуют цифры. То, что говорится 500 тысяч – это говорится, очевидно, для того, чтобы мобилизовать международное сообщество вокруг этого вопроса, как бы делая фокус на его гуманитарном аспекте, для того, чтобы изменить формат миротворческой операции, потому что миротворцы не способствуют возвращению беженцев и вообще изменить формат переговоров. Я так вижу, по крайней мере, мотивацию грузинского руководства. Кроме того, почему сегодня гальцев не признают вернувшимися... Юля, то что ты сказала, что нет условий... что ситуация не отвечает для жителей Гальского района требованиям безопасности и поэтому их нельзя считать вернувшимися, для меня здесь нет логики. Люди, которые живут в своих домах, не могут быть перемещенными лицами. Другое дело, что мы можем говорить о нарушении прав человека, мы можем говорить об уровне безопасности, но не считать их вернувшимися, мне кажется, что это все-таки неправильно.

И еще один важный момент. Это то, что через грузинские спецслужбы преследуются те гальцы, которые вернулись... те гальцы, которые сотрудничают с абхазскими властями. Мне кажется, что это тоже очень нехороший посыл, который в Абхазии читается так – грузинскую сторону устраивает возвращение грузинских беженцев только в том случае, если они будут инструментами в борьбе с абхазскими

властями. Именно так. Потому что, когда они начинают сотрудничать, то с ними случается то, что случается с Давидом Сигуа и с Фридоном Чакоберия. И в принципе мне кажется, и сегодня об этом уже говорила Арда, что вообще сегодня вопрос возвращения беженцев ставится таким образом, что абсолютно вся ответственность за то, что появилась такая категория граждан, перекладывается на сторону Абхазии.

Еще один момент. По поводу этнических чисток и individual crimes... мне кажется, что тут есть какое-то противоречие. Получается, что индивидуумы должны нести ответственность, но за «этнические чистки» как бы обвиняется вся абхазская сторона. Я все-таки не согласна... Арчил предложил для баланса вообще не упоминать этот термин. Но ведь ООН, когда прислала миссию по изучению фактов, в своем отчете вообще не говорили об этнических чистках, потому что они не установили таких фактов. Меня устраивает, если этот термин не будет употребляться именно потому, что было такое расследование, и не были установлены такие факты. Но я не готова к тому, чтобы это делалось «для баланса», я не думаю, что нужно договариваться о том, как говорить о перемещении населения. Тогда мы что, не должны говорить о том, что люди бежали во время наступления абхазских войск, опасаясь, что будут факты возмездия за то, что сделали грузинские войска? Я считаю, что мы должны говорить об этом. Или, если уже после окончания военных действий, были убиты грузинские жители и их дома кто-то захватил – об этом тоже надо говорить. Я, например, против того, что мы никак не квалифицировали то, что была попытка, фактически уничтожить память культурную, связанную с идентичностью абхазов – сожжение архива, института и т.д. Я как раз считаю, что нельзя это умалчивать. Но когда мы что-то умалчиваем, получается так, что мы считаем, что «этнические чистки» были, но мы говорить об этом не будем. Я, например, не согласна, что были этнические чистки.

Я согласна с прозвучавшим мнением, что с чего-то надо начинать, и начать надо с того, чтобы реально посчитать – сколько людей вернулось в Гальский район, зарегистрировать их через процедуру УВКБ, ООН. Если они будут зарегистрированы, я думаю, что это наложит дополнительные обязательства и на абхазские власти для

того, чтобы они могли гарантировать их безопасность более надежно, чем это происходит сегодня. Возможно, тут мог быть полезен и кипрский опыт, когда есть право выбирать гражданство или вид на жительство, можно этот опыт тоже изучить. Посчитать, сколько беженцев именно из Абхазии находятся именно в Грузии, потому что цифра 211 тысяч, когда туда объединяются все беженцы, она тоже мало, о чем говорит. Надо знать, сколько беженцев из Абхазии сегодня реально проживает в Грузии, а не в Москве и не где-то в другом месте – это тоже мне кажется, очень важный вопрос. Важный вопрос связан и с другими беженцами из Абхазии. Это – греки, евреи, эстонцы и т.д.

И последний вопрос по поводу Гальского района. Я согласна с тем, что говорил Вальтер. Действительно, в абхазском обществе по поводу Гальского района очень большие разногласия. У нас есть люди, которые вообще считают, что либо надо выгнать всех, либо поставить стену, чтобы не было никакого общения с Грузией. Конечно, это нереалистично. Конечно, надо создавать нормальные условия для проживания в Гальском районе. Когда во многом игнорируются права жителей Гальского района, это никак не поворачивает этих людей в нашу сторону, а ждать, что они все равно будут лояльны, потому что они вернулись, я считаю неправомерно. Так что ситуация в Гальском районе, безусловно, требует очень серьезных изменений.

Марк Берендт – Мне кажется, что сегодня во время нашего разговора мы говорим о разных вещах. Стоит, может быть отметить какие-то конкретные моменты. Есть аргументы для обеих сторон, которые заслуживают того, чтобы их послушать. Каждая сторона имеет свои убеждения, свои миссии, свое видение, хочет какой-то результат и это понятно и нельзя игнорировать это. Есть аргументы у этих сторон. К сожалению, очень часто самые, может быть, болезненные гуманитарные вопросы используются для этих аргументов. Мы все понимаем, что эти аргументы находятся с обеих сторон. Вот этот вопрос, допустим, интеграции беженцев уже достаточно много раз сегодня отмечалось, что это обсуждается для гуманитарных целей грузин – самих беженцев и ВПЛ и то же самое используется для

каких-то политических аргументов. И то же – по поводу статуса жителей Гальского района. А хочется найти другие аргументы, которые не влияют на гуманитарную ситуацию самих людей. Чем больше это возможно... я признаюсь, что я идеалист... чем больше можно деполитизировать самые политизированные вопросы, тем лучше... допустим, лояльность гальских жителей. Человеку ведь хочется жить и ему очень трудно иметь миллион разных лояльностей, но, наверное, он сам старается как-то определиться. Я вижу очень трудное положение этого человека. И таких примеров миллион. Число возвращающихся махаджиров и количество возможных возвращенцев из Грузии тоже политизируется. Раз есть 800 тысяч возможных репатриантов и может быть, 220 тысяч в Грузии... мы все прекрасно понимаем, что они не все будут возвращаться. И вопрос – говорить о них, это важно из-за принципа или важно из-за количества? Было очень интересно раньше, когда люди говорили, что есть принцип прав человека. И этот принцип должен сохраняться, потому что мы все живем в таком мире, в котором хотим защищать эти права. Но даже защищая право каждого отдельного репатрианта и каждого отдельного беженца, мы понимаем, что если каждый бы вернулся, то это была бы проблема. Мы понимаем, что это не будет решением конфликта. Мы понимаем, что есть противоречия между на самом деле важным для человека принципом защиты прав человека и важным принципом практического решения конфликта. Я думаю, что стоит для такого общества создавать возможности для свободного разговора, чтобы эта разница воспринималась. Конечно, самое главное, в конце концов найти те возможности для гальцев, чтобы они могли стать мостом. Было бы отлично найти возможности, чтобы благосостояние любого человека в абхазском обществе могло быть не только аргументом для признания, но основой для нормальной жизни в Абхазии и т.д. Я понимаю, что каждый вопрос, который очень важен сейчас в этом контексте, имеет двусмысленность. И, может быть, стоит это признавать.

Арда Инал-Ипа – Мне кажется, что вопрос Вальтера релевантен, и был задан очень вовремя: есть ли у нас еще какие-то планы Б? Мне кажется на самом деле кавказскому менталитету не свойственно пла-

нирывать что-то кроме программы максимум. Я очень плохо пере- скажу анекдот об одном кавказском военном командире, который планировал захват какой-то высоты. Ему говорят: «А если не полу- чится, то какие будут действия? Какие пути отступления?», он отве- чает: «Такого быть не может, мы возьмем высоту», а ему: «А если все-таки не получится?», и он говорит: «Ну, в таком случае, мы опоз- оримся». Мне кажется, что с обеих сторон мы просчитываем толь- ко вариант полной реализации нашей программы максимум и ни в коем случае не хотим просчитывать возможные планы Б. Интере- сно, что схожий подход наблюдается у многих стран относительно судьбы Абхазии. Западные страны, категорично заявляющие о не- возможности признания Абхазии, не хотят думать о плане Б. Мне кажется, они готовы наблюдать, как ситуация меняется к худшему, не в их интересах, но никак не готовы проанализировать, на каких условиях можно было бы признать Абхазию, и как это повлияет на ситуацию в регионе в целом.

Что я хотела сказать по поводу сегодняшнего обсуждения ситу- ации в Гальском районе? Конечно, Манана нарисовала позитивную картину, я думаю, действительно, было мало времени, но дело в том, что Манана поставила перед собой другую задачу. Я думаю, что по- зитивное настроение доклада связано, может быть не с конкретной сегодняшней ситуацией, а с какими-то новыми признаками, тенден- циями. На самом деле, появились какие-то позитивные тенденции и это очень важно. Но ситуация, конечно очень сложная. Сегодня ни о каком равноправии жителей Гальского района с остальными, несмот- ря на очень сложную ситуацию для всех жителей Абхазии, говорить не приходится. Во многих сферах, и в частности в бизнесе, для успеха дела обязательно нужно привлекать в партнеры кого-то из абха- зов. Но я должна сказать, что когда мы исследовали проблемы ре- патриантов, то и они, этнические абхазы, сталкиваются с такими же трудностями при создании бизнеса. К сожалению, nepoтизм, кор- рупция и т.п. развиты во многих сферах, и от них страдает не только гальское население. И я считаю, что те, кто мешает жителям Гальс- кого района нормально вести свое дело, чувствовать себя в своих домах спокойно, уверенно, серьезно мешают становлению абхазс- кого государства. И в этом смысле нужно развивать взаимопонима-

ние и связи между гальцами и гражданским обществом других районов, действительно бороться против коррупции и других негативных явлений, которые на самом деле являются нашей общей проблемой, как я считаю.

Еще я хотела сказать о ситуации в сфере безопасности. Я тоже не согласна с Юлей, я знаю, что это не только ее мнение о том, что ситуация в Гальском районе никак не удовлетворяет условиям безопасности. Если вы внимательно прочтете последние резолюции ООН, то увидите, что ситуация в Зугдидском районе гораздо хуже по количеству убийств и грабежей. Это реальная картина. Сейчас, на данный момент ситуация с криминалом, конечно, далека от идеальной, но по сравнению с Зугдидским районом все-таки лучше.

И последнее. Я хотела сказать о том, что когда речь заходит о создании условий, необходимых для продвижения проблемы беженцев, упоминается договор о невозобновлении военных действий, но потом о нем забывают и говорят о каких-то других вещах. Мне кажется, что это принципиальный вопрос, потому что если будет нависать угроза войны, и если грузинский лидер постоянно будет повторять, что он не исключает военного решения проблемы и оставляет за собой право силовым способом решить грузино-абхазский конфликт, то все названные проблемы гальцев, и другие проблемы будут оставаться. Мне кажется, что смещение акцента на другие проблемы – это преждевременно. Первоочередной вопрос грузино-абхазского конфликта – это подписание названного соглашения. И здесь я согласна с Ивлианом, который говорит, что действительно нужно сосредоточиться на какой-то одной проблеме. Мне кажется, что сегодня для нас такой проблемой является подписание договора о невозобновлении военных действий.

Георгий Джонджуа – Я хочу начать с того, как и почему в Гальский район, по моему мнению, начали возвращаться беженцы. Было безвыходное положение после войны в Зугдиди и в других городах Грузии. И еще, не было нормальных жизненных условий, неимение жилплощади, которая бы соответствовала нормальному проживанию. Касаясь того, как вернулись, то я думаю, что они вернулись по своей инициативе. Они не стали ждать тех обещаний, которые были со сто-

роны грузинских властей и не стали ждать приглашения с абхазской стороны. Они на свой страх и риск, по своей инициативе, надеясь, что вернуться в Гали, где находятся абхазы... подчеркну, что не гражданское население, а сотрудники силовых структур, надеясь на то, что найдут общий язык и как-то смогут там жить. Как видим, чем больше проходит времени, в Гальский район возвращаются все больше и больше беженцев. Не знаю, может быть, их надежды оправдались, они нашли общий язык. Возвращаться люди начали с 1994 года. Я знаю таких несколько семей, которые вернулись через шесть месяцев после окончания войны и до сих пор там живут. Они уже понемножку улучшили свой уровень жизни и сейчас уже помогают другим. Изначально из Грузии им помогали, в основном первый поток был – старшее поколение, которым помогали сыновья, которые поехали в Россию или в Грузии начали какую-то работу. Сейчас уже понемножку все меняется, они уже из Гали начинают помогать сами своим родственникам. Начинают студентов, своих детей в Грузию, в Сухуми, в Россию отправлять учиться. И как-то меняется ситуация, я считаю, к лучшему. Уже понемножку в Гали тоже начинают функционировать кое-какие структуры, есть банк, через который можно перечислять деньги, Сберегательный банк. Еще второй банк есть. Для людей все упрощается. Понемножку, но все равно все наглядно... хорошо было бы, конечно, чтобы еще, как говорили, подписали вот это соглашение о невозобновлении войны, прозрачная и свободная экономическая связь осуществилась бы, это было бы, конечно, хорошо. Может быть, это был бы пример для других жителей, когда уровень жизни человека повышается, то мировоззрение тоже меняется... я немножко волнуюсь и не смог сказать все...

Коба Ригвава – Дамы и господа, в первую очередь огромное спасибо. После стольких лет безразличия и отсутствия интереса к Гальскому району, сегодня к нашему району приковано такое внимание со всех сторон, включая международные организации, и это, конечно, очень приятно. Очень многое здесь уже говорилось и я полностью согласен с госпожой Мананой, с тем, что она сказала в отношении Гали и как все должно строиться. Но когда мы говорим о ситуации, все время должны иметь в виду какую-то исходную точку, с каким

моментом мы сравниваем данный момент. Безусловно, на сегодняшний день обстановка лучше, чем допустим в прошлые годы, по сравнению с тем, что было после 1998. Но в 1997 году было лучше, чем сейчас, я могу так сказать. Потому что вторая волна 1998 серьезно ухудшила жизнь гальцев, потому что линия сопротивления проходила именно в Гали, именно в нижней зоне. Потому что в 1997 году уже фактически больше было возвращено людей в свои дома и больше было восстановленных домов, чем сейчас. А 1998 год вызвал для Гальского района больше бед, чем 1992-1993 годы. Здесь о многом говорилось конкретно. Не могу ничего добавить, обо всем говорилось фактически. И это так. Но насчет образования, поскольку это мое конкретное занятие, я хотел бы еще кое-что добавить. Насчет образования мы вчера говорили, но для тех, кто интересуется, для наших международных представителей хочу сказать, что в так называемой нижней зоне, обучение проходит фактически на грузинском языке. Вся программа грузинская. Но нам бы хотелось, чтобы это было не на фактическом, а в узаконенном виде, чтобы правительство Абхазии разработало и утвердило программу для преподавания на грузинском языке в грузинских школах. И чтобы можно было заниматься по этой программе. А если такого нет, то хотя бы, чтобы нам не мешали, хотя и не мешают в данный момент работе в школе, но у других, в центре или в верхней зоне, у них нет такой возможности. И вот это, к сожалению, вызывает конфронтацию между верхней и нижней зоной, потому что они тоже жители Гальского района и мы тоже жители Гальского района, а они не имеют права и возможности учиться на грузинском языке, а мы имеем право. И вот этот вопрос часто поднимается на совещаниях в Гальском районном отделе образования или на совещании у главы администрации. Вот этот вопрос, как я думаю, требует серьезного рассмотрения. То, что отношение к Гали кардинально меняется и с грузинской, и с абхазской стороны, мы ощущаем каждый день. Я тоже присутствовал на той встрече с премьер-министром, о которой госпожа Манана говорила, и вот эти первые шаги подтверждают все это. С грузинской стороны тоже ситуация меняется. С упразднением партизанских отрядов улучшилась ситуация безопасности, потом криминальная ситуация тоже стала лучше за счет полицейских соглашений. Я вчера

тоже говорил, что на четырехсторонней встрече в Чубурхинджи было достигнуто соглашение о совместных действиях правоохранительных органов Гальского и Зугдидского района, и это привело к улучшению криминальной ситуации. Я не буду скрывать, что с грузинской стороны есть желание помогать в области образования, учебниками или инвентарем.

Если будут какие-нибудь вопросы, то я могу на них ответить.

Георгий Джонджуа – Я хотел задать вопрос и абхазской стороне, и грузинской стороне – насколько возможно для грузин, живущих в Гали занятие бизнесом, немножко выше малого бизнеса, на территории Абхазии? Каковы будут условия для законного функционирования бизнеса? Будут ли какие-нибудь ограничения, потому что они грузины? Меня это интересует. Например, в Сухуми занятие каким-нибудь бизнесом может быть связано с каким-то риском? Я не знаю, поэтому это меня интересует. Еще для грузинской стороны есть такой вопрос – какая реакция будет с грузинской стороны на это? Понятно, что занятие в Абхазии бизнесом означает сотрудничество с официальными структурами. Как это будет восприниматься с грузинской стороны? Будет ли плохая реакция?

Рэйчел Клогг – Сейчас у меня дилемма, потому что подняли очень интересный вопрос, я знаю, что есть еще люди, которые желают либо задать вопросы, либо выступить, но на самом деле мы уже очень много сегодня поработали и завтра есть еще возможность для свободного обсуждения. Так что я предлагаю, чтобы все-таки сегодня закончили. Я дам слово Юле и Манане. Но я хочу, чтобы мы зафиксировали эти вопросы и вернулись к ним завтра.

Юлия Харашвили – Я, прежде всего, хочу сказать одну вещь. Я не могу отвечать на вопрос от грузинской стороны, потому что я здесь представляю Юлю Харашвили и в лучшем случае нашу Ассоциацию. Но даже от имени Ассоциации на какие-то вопросы отвечать не могу. Хочу сказать, что экономическое сотрудничество и стратегия во всех предлагаемых схемах занимает первое место, поэтому, наверное, никто ни с абхазской, ни с грузинской стороны не будет

противиться тому, чтобы развивался бизнес, потому что и в международных схемах это хорошее средство улучшения отношений и примирения. Я хотела бы коротко ответить, если можно, на вопросы Лианы, потому что она подняла очень важные вопросы, касающиеся опасений и страхов сторон, о которых я хотела говорить, но не успела, потому что я на самом деле очень волновалась, и Лиана волновалась. Но это тема, которая для нас очень важна, фактически обсуждается впервые, и конечно все очень эмоциональные. Мне кажется, что есть магический круг страхов и опасений с обеих сторон, причем эти страхи и опасения есть и у нас самих – и у неправительственного сектора, и у нас как у людей, и у правительств, и у всех международных организаций и один страх цепляется за другой. Много говорилось здесь о демографическом страхе, об изменении демографической ситуации, я думаю, это не единственный страх, просто я думаю, что очень важно, чтобы мы смотрели на абхазское общество не просто как на общество, но и как на общность людей, и чтобы вы на нас тоже смотрели не просто как на абстрактную общину беженцев или перемещенных лиц, но тоже как на общность людей, многих из которых вы знаете и как хороших специалистов, и как нормальных людей, и как родственников. Пару недель назад была презентация книги «Тяжелая ноша» норвежского совета по беженцам. Я обязательно хотела бы об этой книге сказать, потому что в ней собраны истории внутренне перемещенных лиц, но всех – и осетин, и абхазов... вот Батгал говорил о внутреннем перемещении в Абхазии. Мы знаем, что очень многие люди потеряли свои дома и вынуждены были переместиться без особого на то желания. Я не знаю, была ли ее презентация в Абхазии. Книга есть на всех языках – на русском, на грузинском, на английском и она есть на веб-странице, потом могу дать адрес. Настолько сильны эти истории именно с точки зрения примирения, так все люди хотят этого примирения и такие они истории рассказывают о том, как они друг другу помогали. Вот здесь лежит книжка о человеческой безопасности, а о человеческом факторе, по-моему, мы немножко забываем. И хочу сказать о том, что касается грузинской стороны. Мы тоже, все время говоря о возвращении, хотя я, Вальтер, не говорила о том, что всех надо обратно возвращать, я наоборот говорила, что мне кажется, что это

создало бы большие проблемы и что это процесс... Так же, как и возвращение в Гали – это процесс. Люди, которые сегодня вернулись и там живут, и те люди, которые ездят туда и обратно, потому что не уверены в безопасности и не находят места в грузинском обществе – они часть процесса, который не завершен. Я все-таки не соглашусь с Лианой, я думаю, что сегодня нельзя говорить о том, что эти люди вернулись, потому что ... не хочу вспоминать 98 год, но тогда в 98 году тоже считали, что люди вернулись. Поэтому когда будут окончательные документы, как говорил Булгаков, это было бы хорошо. Но хочу сказать, что за нас – грузин – хотя мы все очень грамотные конфликтологи и очень хорошо анализировали корни конфликта и сегодня любой из моих студентов из воскресной школы, спасибо «Ресурсам Примирения», хорошо может перечислить причины конфликта. Но если я его спрошу, что сделали мы для того, чтобы на эти причины ответить, наверное, не только он, но и я стану в тупик. И это одна из тех вещей, которые сильно мешают. То есть, мы уже как бы осознали то, что было. Но не знаем, как преодолеть все эти политические и другие разногласия, чтобы в дальнейшем этого не было. Как у Чехова, пятнадцать лет на том же месте спотыкаемся. Поэтому вот эти страхи и восстановление доверия – это набившее оскомину выражение, которое никак до конца не дошло. Верю, что у нас здесь это произошло, но что касается более широкого круга, то наверное программы европейского Совета в каком-то плане правы. Люди должны как-то восстанавливать доверие, в том числе и к властным структурам, в том числе и к людям, живущим в Гальском районе. Столько каналов, по которым это надо восстанавливать...

Хочу сказать про числа. Конечно, 500 тысяч это астрономическая цифра, это мы все хорошо понимаем. Что касается цифр верификации... Когда после розовой революции к власти пришли новые власти, верификация в 2004 году была задумана с целью уменьшить количество до реального. Потому что Саакашвили не верил, почему не верил – это другой вопрос, не знаю, что столько перемещенных лиц реально существует. Провели верификацию и получили число большее, чем было в годовой регистрации. Сейчас провели верификацию и опять же получили такое же число, хотя... другое дело, сколь-

ко людей из этого числа реально будет возвращаться. И тут я согласна с тем, что говорили, исследования надо проводить. Мы сами проводим каждый год какие-то маленькие пилотные исследования. Примерно где-то одна треть всегда говорит, что они вернутся без всяких условий, то есть они реальные кандидаты. Примерно одна треть будет думать о том, какие будут условия. Но это понятно. И скорее всего, возможно, что человек, который сегодня безусловно говорит, что он возвращается, может не вернуться в контексте, когда это возвращение будет, потому что никто не знает, каким оно будет. И человек, который сейчас твердо говорит, что он не будет возвращаться, он может быть как раз и вернется.

Про молодежь и про старое поколение. Да, конечно у старшего поколения больше ностальгии и как бы императивное намерение – только вернуться, здесь мы адаптироваться не можем. Среди молодежи разброс большой, но я думаю, что если будет нормальное соглашение... Я смотрю здесь на Ираклия и у меня сердце радуется. На прошлой встрече я смотрела на Олега и у меня сердце радовалось – какая у нас молодежь. С нашей стороны молодежь тоже не хуже. Давайте смотреть реально, молодежь знает наши ошибки и может быть готова их исправлять.

И еще одно. Хочу отреагировать на то, что сказала Арда. Конечно, военную риторику мы слышим с обеих сторон. И на своей стороне мы с этой военной риторикой доступными нам способами пытаемся бороться. Но я бы хотела, чтобы это было и на второй стороне, поскольку на любое движение сразу возникает ответная реакция, вы наверное согласитесь. Вчера мы это тоже обсуждали – «мы пойдем на Кодори, мы начнем войну». Я очень надеюсь, что в какой-то момент обе властные структуры перестанут друг друга пугать. Потому что пугают они нас, а не друг друга. Так давайте пытаться остановить эту военную риторику...

Рейчел Клогг – На этой оптимистической ноте сегодня тогда мы закончим. Большое всем спасибо. На самом деле были очень интересные и открытые обсуждения. Завтра у нас еще есть возможность вернуться к общему обсуждению и не забывайте, пожалуйста, те высказывания и те вопросы, которые сегодня были поставлены

19.06.08. ДЕНЬ ВТОРОЙ

ЗАСЕДАНИЕ III. СОХРАНЕНИЕ СТАТУС-КВО: ПРОТИВ ПРАВА НА ВОЗВРАЩЕНИЕ? ПОИСК ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА

Д-р Сабина Фрейзер

*программный директор по Европе, Международная
Кризисная Группа.*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ, НА КИПРЕ, В КОСОВО И ХОРВАТИИ

“По возвращении в свои родные дома все беженцы и перемещенные лица имеют право на возвращение имущества, которого они были лишены во время конфликта, и на компенсацию того имущества, которое не может быть возвращено.”

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (CERD), 1997

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на спокойное владение своим имуществом. Никого нельзя лишить его имущества, за исключением случаев общественной необходимости и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.”

Европейская Конвенция по правам человека (ECHR), ст. 1, Протокол 1

Право на возвращение внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) было формально определено ООН лишь в 1997 году, и оно производно от международного закона о беженцах, а также от права на имущество и права на свободу передвижения. В прошлом десятилетии наблюдалось несколько случаев успешного возвращения ВПЛ после внутренних конфликтов в Европе, включая «возвращение меньшинств», когда

ВПЛ вернулись в места, где являлись этническими меньшинствами. Наиболее успешным был процесс возвращения в Боснии и Герцеговине, где 2,5 миллиона были перемещены во время конфликта (в качестве ВПЛ и беженцев) и 464 695 представителей меньшинств с того времени возвратились. Возвращение также произошло в Хорватии, где из 220 000 перемещенных этнических хорватов вернулись более 90%, а из 300 000 перемещенных сербов третья часть также возвратились в свои дома. В Косово подавляющее большинство косовских албанцев, перемещенных в 1999 году, вернулись в свои дома, в то время как, лишь 7 288 косовских сербов смогли вернуться. Кипр, где длится самый продолжительный конфликт в зоне Европейского союза, является наименее удачным примером, поскольку до сих пор не зафиксировано ни одного случая возвращения ВПЛ. В 2004 году ООН предложила детальный план по возвращению и компенсациям в рамках плана Аннана, который на двух референдумах был соответственно одобрен турками-киприотами и отвергнут греками-киприотами.

Все случаи возвращения уникальны и сложно применить уроки, извлеченные из ситуаций в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Косово или на Кипре непосредственно в грузино-абхазском контексте. Одно ключевое различие применительно ко всем случаям кроме Кипра – это отсутствие всестороннего урегулирования между Грузией и Абхазией. Другим различием является тот факт, что грузинские ВПЛ из Абхазии, перемещенные во время конфликта 90-х, составляют примерно такое же количество людей, что и нынешнее население Абхазии, приблизительно 200 000 человек. Однако сравнение с Боснией и Герцеговиной, Хорватией, Косово и Кипром показывает, что есть важные элементы, которые следует учитывать во всех процессах возвращения, на чем и сфокусирована данная презентация.

Абхазия представляет собой уникальный случай еще и потому, что процесс возвращения ВПЛ начался там до достижения всеобъемлющего мирного соглашения.

От 45 000 до 65 000³⁰ этнических грузин вновь обрели свое имущество и дома в Гальском районе. Важно, что после событий августа

³⁰ *Абхазия сегодня. Отчет Международной кризисной группы.* 15 сентября 2006 г., стр.10. (http://www.crisisgroup.org/library/documents/europe/caucasus/176_abkhazia_today.pdf)

та 2008 года в Южной Осетии, где большое количество этнических грузин и осетин были перемещены, большинство людей, возвратившихся в Гали, остались в своих домах.³¹

Современные примеры возвращения перемещенных лиц в Европе показывают, что «обеспечение права на возвращение» (о.п.н.в.) может происходить до подписания мирного договора (напр., Косово, Кипр – частично), сразу после подписания мирного договора (напр., Босния и Герцеговина – частично) или долгое время спустя после подписания мирного договора (напр., Босния и Герцеговина – полностью, Хорватия). Способы могут быть местные и международные. Местные включают законодательство, как, например, местное законодательство о бесхозной собственности, статьи закона о реституциях и компенсациях, а также создание комиссий по жилищным и имущественным жалобам. Европейский суд по правам человека по сей день является главным международным органом, предлагающим защиту прав перемещенных лиц, однако, ООН, УВКБ, ОБСЕ, НАТО и другие региональные организации играют важную роль на местах, давая рекомендации, оказывая помощь и имплементируя решения.

Существуют три главные опции в поддержку права на возвращение:

1. Возвращение и реституция (как в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Косово)
2. Реституция и перепродажа (Босния и Герцеговина, Хорватия и Косово).
3. Компенсация (Кипр) и обмен (Босния и Герцеговина, Хорватия).

Десять существенных составляющих при планировании обеспечения права на возвращение:

1. *Безопасность* должна быть гарантирована в первую очередь для эффективного осуществления обеспечения права на возвраще-

³¹ Это, к сожалению, не относится к грузинам, ранее вернувшимся в Кодорское ущелье, откуда недавно большинство грузин были перемещены. “Грузия: смена фокуса в отношении возвратившихся в Южную Осетию и Грузию”, 26 августа 2008. (<http://www.unhcr.org/georgia.html?page=briefing&id=48b3d4564>)

ние (о.п.н.в.). Безопасность может быть гарантирована посредством подписания мирного договора (который включает гарантии безопасности), подписания договора о невозобновлении военных действий, присутствия международных войск по поддержанию мира (Босния и Герцеговина, Косово, Кипр), посредством присутствия международной полиции (БиГ, Косово, Хорватия), присутствия местной полиции (в идеале многоэтнической). Степень обеспечения верховенства закона, сильные местные суды и присутствие международной гражданской администрации (как в БиГ, Хорватии, Косово) также являются важными факторами при оценке возможностей для возвращения меньшинств. Если произойдет сбой в сфере безопасности или соблюдения законности, возвратившиеся должны ощущать, что на местах есть структуры для защиты их прав, а также эффективные механизмы подачи жалоб.

2. *Законные механизмы возвращения* необходимо согласовать между сторонами, создать их на практике, сделать доступными для всех потенциальных возвращающихся и показать, насколько они эффективны в поддержании процесса возвращения. Данные механизмы могут быть международного характера, такие как решения, принятые ЕСПЧ в кипрском случае, или же это могут быть международные гарантии к подписанию мирного договора, такие как Дейтонский мирный договор по Боснии и Герцеговине. Чтобы международные гарантии были эффективными, они должны быть подкреплены соответствующими законами в местном законодательстве, включая местную конституцию: законом о бесхозном имуществе (как в случаях БиГ, Хорватии, Кипра) и/или законом о реституции собственности и компенсации (как в случае в БиГ в 1998 г.). Во многих местах, куда возвращаются люди, дома и имущество перешли во владение (осознанно или по незнанию) вторичных хозяев/пользователей. Законные механизмы необходимы для того чтобы определить, как защитить также и их права. Однако, в целом право первоначального собственника преобладает над правами всех последующих (вне зависимости от того, какая сумма была вложена данным лицом в эту собственность).

3. *Политическая воля* лидеров принимающего сообщества и перемещенного сообщества является существенной. Лидеры греков-киприотов, боснийцев, азербайджанцев, например, выступали за возвращение и призывали перемещенных лиц сопротивляться интеграции в местах переселения (противоположное происходило в случае турок-киприотов, боснийских сербов и армян). С принимающей стороны необходимо четкое желание местной элиты продвигать процесс возвращения и поддерживать примирение. В хорватском случае, например, возвращение было блокировано при Президенте Туджмане, но быстро набрало темпы при Президенте Месиче, благодаря оказанной им открытой поддержке процесса возвращения.
4. *Политическое объединение* сообщества ВПЛ. Желают ли и в состоянии ли лидеры ВПЛ самоорганизоваться путем создания сильных НПО, политических партий или общин на местах? В балканском случае, особенно в Боснии и Герцеговине, люди, заинтересованные в возвращении, создали небольшие сообщества, которые объединились под эгидой «Коалиции за возвращение». Коалиция была многоэтнической и сломала межэтническую неприязнь, вызванную войной, так как всех участников объединяла общая цель – возвращение. Она (коалиция) сумела провести работу со СМИ, изменить понятия людей о совместном проживании и способствовала тому, чтобы возвращение стало основным приоритетом как для местных, так и для международных политических лидеров. Поскольку масштабы перемещения в Боснии и Герцеговине были значительные, то координация процесса возвращения со стороны ВПЛ также помогла запустить цепную реакцию: когда одна группа начинала возвращаться, то освобождались занимаемые ими дома, что позволяло вернуться другим группам ВПЛ, и этот феномен получил множественный эффект.
5. *Определение правильного законного решения* в каждой конфликтной ситуации является существенным. Часто одно единственное решение не будет работать, стороны должны будут придти к соглашению по вопросу реституции, компенсации, обмена и/или

по всем этим вопросам вместе взятым. Реституция, в основном, считается наилучшим выходом; компенсация же редко признается перемещенными лицами в качестве удовлетворительного решения. Но во многих случаях внутренних конфликтов, сопровождавшихся этническими чистками, перемещенные лица предпочитают обменять свою собственность, нежели прийти к решению, при котором они станут уязвимым меньшинством.

Основная сложность в реализации схемы компенсаций – это определить, кто будет ее платить, и как будет проведена оценка стоимости имущества. В кипрском случае, например, в 1998 г. ЕСПЧ постановил, что Турция в качестве оккупационной силы обязана компенсировать грекам-киприотам блокирование доступа к их собственности на севере. В 1996 г. ЕСПЧ признал Турцию виновной в захвате собственности греков-киприотов, и в 2003 г. Турция заплатила 1,1 миллиона евро. Однако, в 2005 г., получив 1400 обращений по подобным делам, ЕСПЧ рекомендовал создать местные институты для решения этих вопросов. В марте 2006 г. была основана комиссия Северного Кипра по собственности.

6. *Международное сообщество* (м.с.), вероятно, играет важную роль в сфере обеспечения безопасности, крупномасштабного финансирования (БиГ, Хорватия), психосоциальной поддержки и примирения, правового консультирования. Международные представители могут входить в состав местных комиссий по собственности (БиГ, турецкий Кипр). Диаспора может поддерживать о.п.н.з., но также может занимать и самую критичную позицию по отношению к возвращению меньшинств.
7. *Благоприятная экономическая обстановка* является существенным гарантом того, чтобы возвращающиеся почувствовали, что их возвращение приветствуется, что они смогут обеспечить свое благосостояние, будут иметь перспективу трудоустройства. Любым международным программам помощи, вдобавок к помощи возвращающимся, следует оказывать помощь местному сообществу, чтобы предотвратить появление новой неприязни. Торговля и работа на совместных предприятиях помогут выстроить

мости между возвратившимися и принимающим сообществом. При рассмотрении тендеров на реконструкцию домов внимание следует уделять предприятиям, использующим совместный труд.

8. *Недискриминирующее отношение* к возвратившимся. Возвратившимся необходимо иметь доступ к социальным службам, к рабочим местам, образованию, земле, займам, иметь законное право говорить на своем родном языке, иметь свободу передвижения и право участвовать в политической жизни... В некоторых случаях легче происходит возвращение в городскую среду (напр. Загреб, Осиек, Брско), потому что там больше соответствующих служб. С другой стороны, в сельской местности возвращающимся иногда легче, по крайней мере, вначале, самим себя обеспечивать на земле. Возвращающимся необходимо иметь право голоса в политической жизни, право избирать и быть избранными. Возвращающиеся имеют обязанности как граждане в местах своего проживания. Доступ к публичным документам (старым и новым), а также к личным делам (свидетельства о рождении, о браке и о смерти) также является существенным.
9. Последний пункт также затрагивает вопрос *Примирения и справедливости*. Существует целый ряд мер, позволяющих восстановить справедливость после войн. Они включают в себя следующее: проведение амнистий для участников военных действий (кроме совершивших серьезные военные преступления), судебное преследование лидеров, отдававших приказы к совершению военных преступлений, организация Комиссий по установлению истины и примирению. Примирение также является крайне важным для того, чтобы бывшие враги смогли жить рядом: посредством основания комитетов по пропавшим без вести, создания совместных школьных учебников по истории, организации посещений домов и кладбищ, предоставление автобусов для возвращающихся (как в БиГ, в Косово). СМИ также играют ключевую роль и могут поддержать примирение или побудить к еще большему разделению этнических групп.
10. В заключение, разрешение вопросов собственности может стать хорошим стимулом к *получению признания* по принципу «стан-

дарты прежде статуса», который хорошо работал в Хорватии, стремившейся к признанию Европейским Союзом в качестве его потенциального члена, но не очень хорошо сработал в Косово. Другим примером может служить признание со стороны ЕСПЧ Комиссии по собственности в (турецком) Кипре; даже, несмотря на то, что ЕСПЧ не признает турецкий Кипр как государство, он признал действия его Комиссии по собственности как легитимные и эффективные.

Возвращение внутренне перемещенных лиц и беженцев крайне важно для того, чтобы положить конец конфликту, обеспечить в регионе стабильность и безопасность и гарантировать права жертв войны. Случаи в европейском контексте продемонстрировали, что возвращение меньшинств возможно, но при планировании осуществления права на возвращение необходимо учитывать по крайней мере десять составляющих, упомянутых выше, чтобы увеличить шансы на успех.

Эрин Муни³²

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ РЕШЕНИЙ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ: ОПЫТ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) и Программа ООН по обеспечению защиты (ПРОКАП)

От имени УВКБ, я хотела бы поблагодарить Фонд Генриха Белля, Центр Гражданского миротворчества Калифорнийского университета, Ирвайн, и “Ресурсы примирения” за приглашение принять участие в этой конференции и поблагодарить за эту инициативу, поощряющую поиск путей решения давней проблемы перемещения лиц в результате грузино-абхазского конфликта.

Такие случаи “замороженных конфликтов”, когда основные боевые действия уже давно прекратились, но мир, тем не менее, остается зыбким, все более оказываются вне фокуса международного внимания несмотря на то, что конфликт не разрешен и его последствия, включая бедственное положение людей, оказавшихся перемещенными лицами, далеко не преодолены.

Более, чем половина 11,4 миллионного числа беженцев во всем мире, и 26 миллионов внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), вынужденных переселиться в результате вооруженных конфликтов и насилия, оказались в условиях длительного перемещения³³. На протяжении многих лет, а иногда и десятилетий, они живут в состоянии неопределенности, без какой-либо перспективы решения их проблемы. Кроме того, они часто сталкиваются с препятствиями в доступе к

³² Старший сотрудник по вопросам защиты (ProCap) ООН по развертыванию УВКБ в Боснии и Герцеговине. Автор выражает признательность Петеру Деку, Навиду Хусейну и Скотту Полу за консультации, которые помогли в подготовке этого доклада.

³³ Статистика УВКБ по затяжным перемещениям населения по состоянию на февраль 2008, Центр мониторинга по внутренним перемещениям; Внутренние перемещения: Полный обзор тенденций и событий в 2007 (Норвежский Совет по беженцам, апрель 2008), стр. 8.

основным услугам, с проблемой обеспечения средствами к существованию и использования своих прав. Обеспечение защиты перемещенных лиц, в конечном счете, означает достижение долгосрочного решения их проблемы.

Решение проблем перемещенных лиц имеет также важное значение в деле укрепления мира и предотвращения дальнейших конфликтов. Нерешенные проблемы перемещения нарушают стабильность в государстве и могут подорвать стабильность в регионе, угрожая дальнейшими конфликтами и перемещением населения. В то же время, долгосрочные решения, в частности, возвращение беженцев, не могут быть достигнуты без обеспечения безопасности и урегулирования конфликтов. Комиссия Организации Объединенных Наций по Миротворчеству недавно отметила в качестве хорошо усвоенного урока, что решение проблемы перемещения и достижение прочного мира неразрывно связаны между собой³⁴.

Поскольку на этой конференции рассматривается вопрос о том, как наиболее эффективно использовать взаимосвязь этих двух процессов в контексте грузино-абхазского конфликта, опыт Боснии и Герцеговины (БиГ) может пролить свет на некоторые важные моменты. Конечно, каждая ситуация, связанная с перемещением, уникальна и зависит от контекста, поэтому сложно проводить прямые параллели. Тем не менее, определенные универсальные принципы вполне применимы; прежде всего, право беженцев и внутренне перемещенных лиц на добровольное и достойное возвращение в условиях безопасности в места своего прежнего проживания, либо нахождение других решений, которые для ВПЛ означали бы интеграцию в других местах в пределах своей страны. Опыт БиГ ясно показывает, какие меры необходимо предпринять на практике, чтобы поддержать обеспечение прав и урегулировать кризисные ситуации, связанные с перемещением.

³⁴ Комиссия Организации Объединенных Наций по Миростроительству, Рабочая группа по обобщению полученного опыта. “Сравнительные показатели в решении вопросов внутреннего перемещения в процессах миростроительстве,” 13 марта 2008, Краткое изложение доклада Председателя, док. WGLL/2008/9.

Босния и Герцеговина.

В результате конфликта 1992-1995 годов в Боснии и Герцеговине погибло около 200 000 человек и 2,2 млн. оказались перемещенными лицами – почти половина населения страны – 1,2 миллиона из них стали беженцами, а около одного миллиона стали внутренними переселенцами.

Конфликт обычно заставляет людей покидать свои дома и даже страны, чтобы избежать насилия. В случае Боснии и Герцеговины, однако, перемещение целых общин было не простым побочным эффектом конфликта, а преднамеренной стратегией, направленной на изменение демографического состава спорной территории. Одиозный термин “этническая чистка” был придуман в конфликте в Боснии и Герцеговине, чтобы описать это явление.

Когда закончилась война в декабре 1995 года, решение проблем беженцев и перемещенных лиц стало приоритетным вопросом. Весь текст приложения (VII) Дейтонских мирных соглашений (ДМС) посвящен этой цели. В то время многие ожидали, что многие, а может быть даже и большинство беженцев и вынужденных переселенцев вернутся в свои родные места в течение короткого периода времени. Продвижение к этой цели и возвращение к демографической ситуации, существовавшей до «этнической чистки», было моральным и политическим императивом. В приложении VII сделан особый акцент на права всех беженцев и перемещенных лиц на свободное возвращение в свои родные дома. Более того, в нем подчеркнуто, что “скорейшее возвращение беженцев и перемещенных лиц является важной целью урегулирования конфликта”³⁵.

За тринадцать лет с момента подписания Мирного соглашения по Дарфуру более миллиона человек – почти половина из них были насильственно выселены из мест своего проживания – воспользовались своим правом на возвращение³⁶. Наибольшее количество вернулось в течение двух лет сразу после конфликта. В подавляю-

³⁵ Статья 1 (1) приложения VII Общего рамочного соглашения о мире, (Дейтонские мирные соглашения), 14 декабря 1995 года.

³⁶ Согласно официальной статистике, 578 572 внутренне перемещенных лиц и 446 744 бывших беженцев вернулось в период с 1996 по конец марта 2008. Из них 559 379 – вернувшееся большинство; 465 937 – вернувшиеся из числа меньшинств.

щем большинстве это было “возвращение большинства”. То есть, это были перемещенные лица, возвращавшиеся в места, где их этническая группа составляла большинство и занимала ключевые позиции во властных структурах. В течение первых четырех лет после войны практически не было “возвращения меньшинства”. Отсутствие безопасности, в том числе прямые нападения на вернувшихся из числа меньшинств, остается серьезной проблемой. Основным практическим препятствием для возвращения, а также дополнительным источником напряженности и конфликтов является то, что дома многих перемещенных лиц зачастую занимают другие перемещенные лица, во многих случаях иного этнического происхождения, чьи собственные дома тоже были заняты или разрушены. Из-за разрушений, порожденных войной и ее последствиями, у них просто не было своего дома, куда можно было бы вернуться³⁷.

Однако, начиная с 2000-2002 годов темпы возвращения, в частности возвращение меньшинств, заметно увеличилось. Согласованные международные и национальные усилия в четырех ключевых областях обуславливают этот прогресс:

(I) Свобода передвижения:

Прежде всего, существовала необходимость в поощрении защиты права на свободу передвижения для того, чтобы можно было обеспечить возвращение на практике. Международные усилия сыграли важную роль в этом отношении. Особенно важными стали автобусные маршруты с международным сопровождением, организованные через внутреннюю линию разграничения сторон, а также введение по настоянию международного сообщества общих номерных знаков, позволявших людям свободно передвигаться, не имея на номерном знаке указания их места жительства. Именно последнее часто делало людей объектом нападений.

³⁷ Примерно 445 000 жилья было частично или полностью разрушено в ходе войны; более того, еще 14 000 жилья было уничтожено в результате насилия после подписания Дейтонских мирных соглашений. В целом, этот показатель составил 37% довоенного жилого фонда, Боснии и Герцеговины. Источник: УВКБ ООН, 2007.

(II) Безопасность:

В соответствии с ДМС, стороны в конфликте взяли на себя обязательство обеспечить возможность возвращения беженцев и перемещенных лиц “ в условиях безопасности, не опасаясь травли, запугивания, преследований или дискриминации” и “принимать все необходимые меры для предотвращения действий..., которые могут помешать или воспрепятствовать безопасному ... и добровольному возвращению. ДМС содержало ряд таких мер, включая предотвращение и пресечение любого разжигания межнациональной вражды и преследований; увольнение или передача, при необходимости, любых лиц из военных, военизированных формирований, полиции и государственных служб, ответственных за серьезные нарушения основных прав лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам или группам³⁸.

Фактическое выполнение этих обязательств, в конечном счете, потребовало активного прямого участия международного сообщества. В частности, в конце 1997 года Управление Верховного Представителя (УВП – международный орган, созданный для наблюдения за выполнением соглашения по ДМС) было наделено широкими полномочиями, которые включали: отстранение должностных лиц с занимаемой должности и запрет на то, чтобы они могли занимать ее в будущем; наложение штрафа или запрещение политических партий; отмена законодательства, а также устранение других препятствий, мешающих осуществлению Дейтонских Мирных Соглашений. Более широкое использование Управлением Верховного Представителя так называемых “боннских полномочий”, начиная с конца 1999 года, сыграло важную роль в устранении государственных должностных лиц, включая сотрудников полиции, которые блокировали возвращение меньшинств, подстрекая или попустительствуя насилию.

Более того, арест ряда лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, патрулирование международных миротворческих и полицейских сил, требование об увеличении количества представителей меньшинств в полиции, а также осуществление постоян-

³⁸ Статья I (2) и (3) приложения VII, Дейтонского соглашения о мире.

ного контроля со стороны международных учреждений и неправительственных организаций способствовали улучшению условий безопасности и большей свободе передвижения в пределах страны.

(III) Возвращение собственности:

Статья I (1) приложения VII Дейтонских Мирных Соглашений подтвердила, что все беженцы и перемещенные лица имеют право свободно вернуться в свои родные дома. Они имеют право на возвращение им имущества, которого они лишились в ходе военных действий с 1991 года, и на компенсацию за любое имущество, которое не может быть восстановлено. ДМС обязало местные власти обеспечить эти права, а также создать конкретные механизмы для решения этой задачи, прежде всего таким механизмом стала Комиссия по имущественным претензиям беженцев и перемещенных лиц. На практике, однако, осуществлению поставленных задач мешало политическое сопротивление в сочетании с массой сложных правовых и административных преград. Преодоление этих препятствий и создание процесса для подачи судебных и административных исков по восстановлению прав собственности оказались сложным, трудоемким и дорогостоящим процессом, требующим согласованных усилий ряда международных, региональных, государственных и местных субъектов³⁹. К концу 1999 года эти усилия вылились в создание Плана по Осуществлению Закона о Собственности (Property Law Implementation Plan – PLIP), который должен был помочь в удовлетворении исков по возврату собственности беженцам и перемещенным лицам. И в этой области роль Управления Верховного Представителя была крайне важной. УВП способствовало, а там, где это было необходимо, прямо навязывало осуществление имущественных законов на местном уровне, обеспечивающих реституцию. Этот процесс поддерживался действиями Специальных Международных полицейских сил (International Police Task Force – IPTF) (СМПС), кото-

³⁹ В частности: Управление Верховного Представителя (УВП), УВКБ ООН, Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Миссия Организации Объединенных Наций в Боснии и Герцеговине, Комиссия по имущественным претензиям перемещенных лиц, государство, территориально-государственное образование, кантональные и муниципальные органы власти.

рые стали важным инструментом для высвобождения жилья. В то же время УВКБ ООН и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) сыграли важную роль в пропаганде и контроле над реализацией этого процесса. Из более, чем 200 000 исков по возвращению собственности 93% были удовлетворены, а решения исполнены к середине 2005 года⁴⁰. Действительно, Босния и Герцеговина считаются первым примером успешно осуществленного крупномасштабного процесса реституции после конфликта, а также моделью, в которой есть положительный опыт и уроки для других конфликтных ситуаций, в которых имущественные и земельные споры играют важную роль⁴¹.

(IV) Реконструкция:

Одновременно производилась обширная реконструкция жилого фонда при поддержке международного сообщества. На сегодняшний день более 260 000 домов были реконструированы на сумму около 2,6 млрд. евро.

Эффект совместных усилий в этих четырех областях – свободы передвижения, безопасности, реституции собственности и реконструкции – стал ключом к устранению препятствий в тупиковой ситуации в вопросе возвращения меньшинств, был успешным, в частности, в период с 2000 по 2002 год.

Итак, какова ситуация сегодня? Хотя официальные показатели возвращения беженцев отмечают, что многие беженцы и перемещенные лица воспользовались своим правом на возвращение в свои довоенные места жительства в соответствии с целями приложения VII, однако есть убедительные доказательства того, что значительная часть лиц не осталась в местах своего прибытия на постоянной основе. Многие из них продавали, обменивали или сдавали в аренду свою вновь обретенную собственность и предпочитали поселиться

⁴⁰ УВКБ, УВП и ОБСЕ: статистические показатели: Реализация законов о собственности в Боснии и Герцеговине (сентябрь 2006) см.: <http://www.unhcr.ba/protection/plip2005.htm>

⁴¹ См. Чарльз Б. Филпотт: “От права на возвращение к восстановлению прав : Завершение процесса реституции в послевоенной Боснии и Герцеговине” Международный журнал законодательства по беженцам (2006), стр. 30-80.

в других местах, часто это были места их перемещения в другой части страны. Многие беженцы предпочитали остаться за рубежом. Для тех, кто остался в стране, общей тенденцией в послевоенный период было то, что люди по-прежнему предпочитали жить в районах, где их этническая группа составляла большинство как среди местного населения, так и в структурах политической и гражданской власти (например, в полиции). Целый ряд факторов лежат в основе этой тенденции:

Дискриминация меньшинств является одним из основных факторов, препятствующих их возвращению. Дискриминационная политика и практика влияет на все аспекты жизни возвращающихся меньшинств, включая занятость, образование, доступ к медицинскому обслуживанию, а также к пенсионному обеспечению и даже к помощи в восстановлении жилья.

Отсутствие экономических возможностей является одним из основных препятствий на пути устойчивого возвращения меньшинств. В дополнение к широко распространенной безработице, затрагивающей все население, возвращающиеся меньшинства зачастую сталкиваются с дискриминацией в доступе к возможностям трудоустройства, в том числе на государственной службе. Вернувшиеся на постоянное жительство – это, как правило, пожилые люди, возвращающиеся в сельские районы, где они зависят от сельского хозяйства, чтобы иметь средства к существованию. Они также живут за счет денежных переводов от родственников из других районов страны или из-за рубежа, в дополнение к скудным пенсиям. Молодые люди предпочитают оставаться в городах в местах своего перемещения, где они имеют доступ к лучшим экономическим возможностям.

Во многих районах, предназначенных для вернувшегося населения, нет базовой инфраструктуры, дорог и электрификации. Восстановление разрушенной войной инфраструктуры является ресурсоемкой задачей, которая, к тому же, является долгосрочной даже в такой стране, как БиГ, пользующейся беспрецедентным уровнем международной поддержки в процессе реконструкции. Например, только в этом месяце нескольким общинам репатриантов удалось буквально «вый-

ти из темноты» через семь лет после возвращения, когда щелчок переключателя, наконец, восстановил подачу электричества.

Доступ к бытовым услугам, включая здравоохранение и социальное обеспечение, сдерживается из-за отсутствия политической воли привести в соответствие законы в двух территориальных образованиях Боснии и Герцеговины (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербска), а также имплементировать те законы, которые уже гармонизированы. Ситуация усугубляется нехваткой медицинских учреждений в сельской местности. Кроме того, по всей стране, нет эффективного механизма социальной защиты самой уязвимой части населения.

Отсутствие доступа к беспристрастному образованию также является важным фактором в принятии решения семьей по поводу возвращения.

Хотя уровень безопасности заметно улучшился по сравнению с послевоенными годами, среди вернувшихся меньшинств сохраняется сильное чувство незащищенности. Постоянная работа Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и отдела по военным преступлениям суда Боснии и Герцеговины в отношении проблем безнаказанности за военные преступления и преступления против человечности крайне важна для того, чтобы люди чувствовали себя в безопасности, особенно в своих родных местах. Привлечение к ответственности предполагаемых военных преступников, многие из которых остаются на свободе, вместо признания коллективной вины целых общин за противоправные действия, совершенные во время войны, также имеет решающее значение в деле примирения и укрепления доверия между общинами. В этом плане предстоит проделать большую работу.

Наконец, помимо препятствий, с которыми продолжают сталкиваться фактические и потенциальные репатрианты в местах своего прежнего проживания, сегодня, тринадцать лет спустя после войны, остается примерно 125 000 официально зарегистрированных вынужденных переселенцев, проблема которых не решена. Среди этих ВПЛ много людей, которые чрезвычайно уязвимы и не могут вер-

нуться (т.е. лица с физическими или умственными недостатками, серьезными травмами в результате конфликта, с хроническими заболеваниями, пожилые без каких-либо источников дохода или поддержки родственников). Около 8 500 вынужденных переселенцев все еще живут во временных коммунальных помещениях, которые часто не соответствуют стандартам, и в которых не соблюдаются правила безопасности, из-за чего жизни людей подвергаются риску. Эти люди остались вне поля зрения организаций, осуществляющих широкие международные и национальные программы в поддержку возвращения и восстановления. Они нуждаются в срочной поддержке.

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ УРОКИ

Опыт БиГ и других стран по всему миру выявляет ряд важнейших факторов, обеспечивающих долгосрочные решения для лиц, перемещенных в результате конфликта. Можно сделать следующие выводы:

1. Политическое урегулирование конфликта является предпосылкой для того, чтобы право на безопасное и достойное возвращение было реализовано. Как правило, мирное соглашение должно быть достигнуто до того, как УВКБ обеспечит организованное возвращение перемещенных лиц. Как показывает опыт БиГ, даже в этом случае массовое возвращение не становится автоматическим. Требуется время для того, чтобы ситуация с безопасностью стабилизировалась⁴², а также для того, чтобы преодолевались такие практические препятствия, как имущественные споры. Как отмечалось ранее, понадобилось около 4 лет, а также согласованные международные и национальные усилия для того, чтобы значительное количество перемещенных лиц (меньшинств) смогли вернуться. В то же время, следует признать, что в отличие от БиГ, в некоторых других случаях перемещенные лица могут начать спонтанно возвращаться еще до достижения мирного соглашения, особенно в ситуациях, когда в силе прекращение огня, и оно соблюдается в течение значительного периода

⁴² После подписания Дейтонских мирных соглашений в разных частях страны всколыхнулись новые всплески насилия, спровоцировав новые перемещения.

времени. Когда происходит спонтанное возвращение и беженцы нуждаются в поддержке, их положение необходимо изучить и оценить. Должны быть точные сведения об их численности и условиях, в которых они находятся, чтобы обеспечить их защиту, помощь и реинтеграцию. Конечно, подходы в оказании поддержки репатриантам должны быть целостными и учитывать также нужды более широкой общественности.

2. Миротворческие усилия должны фокусировать внимание на конкретных потребностях перемещенных лиц и репатриантов. В Боснии и Герцеговине тот факт, что мирное соглашение включало также Соглашение о Беженцах и Перемещенных лицах (приложение VII) с конкретными обязательствами сторон, а также то, что УВКБ получило мандат на содействие в решении проблемы перемещенных лиц, говорило о том, что решение проблемы является приоритетным вопросом. Эти факторы имели решающее значение и в привлечении постоянного внимания к этому вопросу на национальном и международном уровнях. Неспособность построить мирный процесс и добиться мирных соглашений, которые нацелены на конкретные потребности беженцев и принимающего населения, способно умножить препятствия на пути устойчивого возвращения и реинтеграции⁴³. Особое внимание следует уделять дифференцированной защите и реинтеграционным потребностям конкретных групп населения, включая женщин и детей⁴⁴. Хотя решение проблем, связанных с перемещением вследствие конфликта, является важным элементом мирного соглашения, тем не менее, решения этих проблем, в

⁴³ Вальтер Каелин: “Долгосрочные решения для внутренне перемещенных лиц: важный аспект миростроительства”. Справочный документ, представленный в Комиссию по миростроительству представителем Генерального секретаря по правам внутренне перемещенных лиц; Рабочая группа по извлечению уроков и обобщению опыта; Материалы Конференции от 13 марта 2008, стр. 9. См. также, Брукинг-Бернский проект по проблемам внутреннего перемещения. Проблемы внутреннего перемещения и мирные процессы. Мирные соглашения и Миростроительство. (Вашингтон, проект по проблемам внутреннего перемещения, Брукинг-Берн. Сентябрь 2007).

⁴⁴ Эрин Муни: “Защита и реинтеграция перемещенных женщин и детей в постконфликтный период в Муна Ндуло” (ред.), Когда заканчиваются войны, (London: University College London Press, 2007).

особенности если оно подразумевает возвращение, не должно стать фактором принуждения к миру или предметом торга на переговорах в рамках мирного процесса. Право перемещенных лиц на свободный выбор решения, будь то возвращение, интеграция в местах переселения или переселение в другую часть страны, является ключевым фактором.

3. Мирные соглашения необходимы, но не достаточны для достижения устойчивого решения проблем перемещенных лиц; на местах должны быть созданы минимальные условия. В принципе, необходимы три условия: (I) безопасность, в том числе в процессе и после возвращения; (II) реституция или компенсация; и (III), среда, которая делает возвращение или переселение устойчивым, что в том числе подразумевает, что репатрианты имеют доступ без какой либо дискриминации к государственным услугам, документации, рабочим местам и возможностям для получения дохода⁴⁵. Были определены критерии для реализации этих условий, что должно было помочь в осуществлении мер по решению проблем вернувшегося населения⁴⁶. Все три условия необходимы, а усилия направленные на их достижение, лучше всего прилагать параллельно. Опыт показывает, что “позападный подход, который первоначально сосредотачивается на вопросах безопасности, а другие виды деятельности откладываются на последующие этапы, рискует создать разрыв между гуманитарной фазой и фазой реконструкции / развития.”⁴⁷ Программы по развитию должны быть предусмотрены уже на ранних этапах процесса возвращения и восстановления.

Безопасность имеет первостепенное значение. В зоне грузино-абхазского конфликта, поучительным примером были события в мае 1998 года, когда вооруженные боевые действия возобновились в Галь-

⁴⁵ Прежде всего за создание этих условий отвечают власти. См. Принципы 28-30 Руководства по проблемам внутреннего перемещения. Док.ООН. E/CN.4/1998/53/Add.2

⁴⁶ Брукинг-Бернский проект по проблемам внутреннего перемещения, Университет Джорджтауна. Когда наступает конец внутреннему перемещению – Программа долгосрочных решений, Вашингтон: Брукинг-Бернский проект по проблемам внутреннего перемещения (Июнь 2007)

⁴⁷ Каелин, стр.9

ском районе, и практически все дома и коммунальные объекты, которые были отремонтированы или восстановлены с помощью международных организаций для спонтанно вернувшихся репатриантов, были разграблены и сожжены, а около 40 000 жителей были вынуждены снова бежать. Однако, наличие безопасности и крыши над головой, не достаточны. В Боснии и Герцеговине улучшение общего уровня безопасности, успешный процесс реституции и усилия по крупномасштабной реконструкции жилищного хозяйства стали значительными факторами, обеспечившими возвращение. Однако эти достижения по-прежнему обеспечивают лишь частичное решение проблемы. Этот процесс должен быть дополнен более широким кругом экономических, правовых и социальных защитных мер в целях обеспечения устойчивости возвращения.

4. Укрепление доверия на всех уровнях – необходимое условие для осуществления решений. Процесс трансформации конфликта имеет много измерений. Совершенно ясно, что подписания мирного соглашения не достаточно⁴⁸. Укрепление доверия необходимо на многих уровнях, включая не только отношения между сторонами, но и между репатриантами и принимающими их общинами. Словом, необходимо построить целую сеть отношений, основанных на доверии. Укрепление доверия между общинами является особенно важным элементом долгосрочного возвращения; это буквально всеяет в репатриантов уверенность в том, что они вернулись для проживания на постоянной основе. Принципиально важным является создание процесса для примирения и устранения несправедливостей, совершенных в ходе конфликта, ответственности за эти несправедливости в прошлом, лежащих в основе конфликта. Боснии и Герцеговине через тринадцать лет после подписания мирного соглашения все еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем состоится реальное примирение и появится доверие между общинами. После

⁴⁸ Это тем более верно в случае Боснии и Герцеговины, где мирное соглашение создало ситуацию с де факто разделением страны на два территориально-государственных образования, которое придало уверенность каждому лидеру этнической группы, поскольку каждый из них обрел территорию для осуществления своего контроля, и, следовательно, оставило малую долю для осознания необходимости поиска путей примирения между сторонами.

ожесточенного конфликта и “этнических чисток” психологические раны остаются глубокими. Должно пройти время, чтобы залечить их. Ожидания скорого возвращения, отраженные в Приложении VII к Дейтонским мирным соглашениям, оказались нереалистичными. График возвращения должен быть, прежде всего, составлен с учетом желаний самих перемещенных лиц в тесном диалоге с принимающим сообществом. Укрепление доверия между общинами никогда не может начаться слишком рано, оно может происходить до официального заключения мирного соглашения и действительно может помочь продвигать миротворческие идеи снизу вверх. Очень важна роль гражданского общества и дипломатии второго уровня, как, например, данная конференция.

5. Обеспечение долгосрочного решения проблемы перемещения, главным образом, является вопросом гуманитарного характера. Хотя решение о перемещении зависит от политического урегулирования конфликта, важно, чтобы перемещенные лица не стали инструментом в достижении политических целей. Риск, что это будет именно так, особенно велик в ситуациях, где перемещение было преднамеренной военной стратегией, т.е. вопрос перемещения был политизирован изначально. Обсуждение возможных решений проблемы перемещения также может быть затруднено и ориентировано на достижение политических целей, если, например, главный упор в решении проблемы возвращения делается на вопрос политического статуса спорной территории. Долгосрочные решения в отношении перемещенных лиц должны формулироваться и выполняться исключительно в рамках решения гуманитарных вопросов.

6. Поддержка права на возвращение не должна исключать альтернативных решений для тех, кто этого желает. Представитель Генерального секретаря по правам человека и внутренне перемещенным лицам подчеркивает, что, если люди были перемещенными лицами в течение недолгого периода времени, то многие из них предпочитают вернуться в места прежнего проживания⁴⁹. Любое возвращение должно происходить добровольно, на основе осознанного

⁴⁹ Там же., Стр. 2.

решения перемещенных лиц и без какого-либо принуждения. Кроме того, для того, чтобы возвращение рассматривалось перемещенными лицами как долгосрочное решение, необходимо обеспечить условия безопасности, реституцию или реконструкцию, а также другие благоприятные условия, способствующие устойчивости возвращения. В то же время, следует признать, что даже при наличии прочного мира и условий для устойчивого возвращения не все перемещенные лица будут в состоянии или готовы к возвращению. ВПЛ, так же как и все другие граждане или постоянные жители своей страны, пользуются правом свободы передвижения и выбора места жительства и, следовательно, имеют право решать, следует ли им вернуться в места прежнего проживания, интегрироваться в местах перемещения или переселиться в другую часть страны.

В результате конфликта в Боснии и Герцеговине через тринадцать лет после заключения мирного соглашения из одного миллиона внутренне перемещенных лиц осталось около 125 000 зарегистрированных вынужденных переселенцев, что составляет чуть более десяти процентов. Некоторые из этих ВПЛ говорят, что они по-прежнему планируют вернуться, если будут созданы условия для устойчивого возвращения. Более того, среди этих вынужденных переселенцев есть значительное количество пожилых людей без какой-либо поддержки со стороны семьи, хронические больные и тяжело травмированные люди. Для многих чрезвычайно уязвимых лиц, проживших более 16 лет в статусе ВПЛ, рассмотрение возвращения как единственного способа решения проблемы не является реалистичным. Кроме того, удовлетворение потребностей этих наиболее уязвимых ВПЛ требует усилий, выходящих за рамки стратегии по решению проблем перемещения. Эффективная политика социальной защиты, включая обеспечение социальным жильем, социально-психологическую поддержку и уход за престарелыми, необходима для удовлетворения потребностей *всех* уязвимых лиц в стране. Поэтому решение проблем ВПЛ также означает решение проблем и других уязвимых слоев населения, и эти проблемы часто носят идентичный характер.

7. Обеспечение долгосрочного решения требует постоянных национальных и международных усилий. За тринадцать лет после

окончания конфликта в Боснии и Герцеговине из 2,2 млн. перемещенных лиц для подавляющего большинства было найдено решение проблемы перемещения в том или ином виде. Из этого количества 1 миллион беженцев и перемещенных лиц осуществили свое право на возвращение. Это стало возможным лишь в результате последовательных и согласованных национальных и международных усилий. На данном этапе БиГ близится к завершению процесса решения проблем, связанных с перемещением. Основное внимание в настоящее время должно быть направлено на улучшение условий для устойчивого возвращения и решения проблем крайне уязвимых категорий лиц, которые не могут или не хотят возвращаться, но которые нуждаются в поддержке. Для того, чтобы привести свою стратегию в соответствие с настоящими реалиями, правительство в сотрудничестве с УВКБ и международным сообществом в настоящее время пересматривает планы по реализации приложения VII Дейтонских мирных соглашений⁵⁰. Опыт БиГ показывает, что решение проблемы *всех* перемещенных лиц является сложной задачей. Ее решение зачастую требует длительного времени. Это процесс, требующий подхода, основанного на правах человека и, учитывающего дифференцированные предпочтения, возможности и степень уязвимости перемещенных лиц и пострадавших от перемещения общин. Необходимы последовательные и согласованные национальные и международные усилия, политическая воля и мобилизация ресурсов, для достижения долгосрочных решений в отношении проблемы перемещения, а значит в достижении прочного мира.

⁵⁰ Для того, чтобы составить мнение о том, в какой области необходимо продолжить работу по реализации Приложения VII ДМС, в ходе пересмотра реализации стратегии в рамках Приложения VII были созданы рабочие группы для рассмотрения следующих десяти вопросов: 1) Реконструкция, Закрытие Коллективных Центров и Социальное жилье, 2) Восстановление прав собственности, 3) Электрификация, 4) Инфраструктура, 5) Здоровье, 6) Социальная защита, 7) Образование, 8) Трудоустройство и Занятость, 9) Безопасность и разминирование и 10) Компенсация.

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНЦЕВ ПРИ ОТСУТСТВИИ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ УРЕГУЛИРОВАНИЕМ КОНФЛИКТА И ИХ ПОЛНОМАСШТАБНЫМ ВОЗВРАЩЕНИЕМ

Любой вооруженный конфликт сопровождается миграционными процессами. «Беженцы», «внутренне перемещенные лица», «вынужденные переселенцы» – все это разные термины для обозначения объектов одной из сложнейших политических и гуманитарных проблем современного мира.

В этом смысле не стал исключением и грузино-абхазский конфликт. Фактор беженцев сразу же начал играть существенную роль в переговорном процессе. Один за другим принимались документы (среди которых наиболее заметный – Четырехстороннее соглашение о возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г.), в которых декларировалось право на добровольное, безопасное и достойное возвращение перемещенных лиц на места их пребывания в Абхазии. Для обеспечения этого процесса даже создавалась Четырехсторонняя комиссия из представителей Абхазии, Грузии, России и Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, которая, однако, проработала всего год и без всякого результата.

В условиях невыполнения сторонами декларированных обязательств, началось стихийное возвращение людей в Гальский район Абхазии. Однако события 1998 г., когда в результате вынужденной реакции абхазского правительства на действия грузинских бандформирований возникла реальная угроза возобновления большой войны, многие грузины вновь покинули территорию Абхазии.

Тем не менее, с 1 марта 1999 г. абхазская сторона в одностороннем порядке запустила процесс возвращения людей в Гальский район. С одной стороны, не возвращать туда людей было практически

невозможно, так как в обратном случае эта территория осталась бы незаселенной и могла превратиться в криминальную «зону отчуждения». С другой стороны, это было необходимо правительству Абхазии для хотя бы частичной нейтрализации обвинений в этнической чистке, а также для того, чтобы перехватить инициативу в решении проблемы беженцев, которую Запад использует как один из основных инструментов воздействия на абхазскую сторону. Удивительно, но деятельность грузинских дипломатов и СМИ привела к тому, что ситуация с беженцами из Абхазии считается там чуть ли не самой вопиющей из всех схожих случаев. Символична в этой связи реплика одного из французских журналистов, бравших в Париже интервью у В. Путина в мае 2008 г. На замечание Путина о схожести абхазского и косовского случаев, журналист сказал буквально следующее: «Но в Абхазии было много грузинских беженцев. Там совсем обратная ситуация»⁵¹.

К вопросу о терминах

Прежде чем углубиться в тему, необходимо сделать некоторые терминологические уточнения. Лица, бежавшие в результате войны на территорию Грузии, не называются грузинской стороной беженцами, так как заявить это было бы равнозначно признанию независимости Абхазии. В то же время, они действительно таковыми не являются, так как, прибыв на территорию Грузии и приобретя гражданство страны пребывания, они автоматически перестают быть беженцами. Это означает, что их права не защищены основополагающими международно-правовыми документами – Конвенцией о статусе беженцев 1951 г. с Протоколом к ней 1966 г. Для обозначения этих людей официальный Тбилиси использует термин «внутренне перемещенные лица» (ВПЛ), который, в свою очередь, не признается абхазской стороной. Термин «перемещенные лица» появился во время второй мировой войны и относился ко всем лицам, которые насильственным путем были угнаны (вывезены) на территорию ино-

⁵¹ Интервью Председателя Правительства России В.В.Путина французской газете «Ле-Монд» / <http://www.government.ru/content/rfgovernment/rfgovernmentchairman/chronicle/archive/2008/05/31/8104212.htm>

странного государства, в том числе противника⁵². Что же касается «внутренне перемещенных лиц», то в международном праве отсутствуют четкие нормы, определяющие их статус. Попытки закрепить это понятие отмечаются лишь во второстепенных международно-правовых документах⁵³. Причем в этих документах упоминание лиц, перемещенных внутри страны, носит описательный, но не терминологический характер.

Мне кажется, что для достижения более или менее конвенционального (приемлемого для обеих сторон) обозначения этих людей, можно использовать термин «*де-факто беженцы*», который когда-то применялся в международно-правовой практике. «Де-факто беженцами» считались лица, которые *не признаны в качестве беженцев* по смыслу статьи 1 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года с поправками, внесенными Протоколом от 31 января 1967 года, но *которые не в состоянии или не желают по политическим, расовым, религиозным или иным веским причинам возвращаться в страны своего происхождения* [курсив мой – И.Х.]⁵⁴. Однако в рамках настоящей статьи мы будем использовать вариант «беженцы» как наиболее употребительный, подразумевая при этом иное международно-правовое содержание этого понятия.

Точная верификация – путь к решению проблемы

Развитие ситуации с беженцами сопровождается «играми с цифрами». Грузинская сторона взяла за основу цифру в 300.000 человек, которая никак не может быть достоверной, так как, по последней союзной переписи населения 1989 г., в Абхазии до конфликта проживало 240.000 грузин. Предполагать, что переселение способство-

⁵² Международное публичное право. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. / Под. ред. К.А. Бекяшева. – М.: Проспект, 2000. С. 194.

⁵³ См. напр, Заключение Исполнительного Комитета Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев № 75 (XLV) – 1994: Лица, перемещённые внутри страны; Заключение Исполнительного Комитета Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев № 81 (XLVIII) – 1997: Общее заключение по международной защите.

⁵⁴ Рекомендация 773 (1976) о де-факто беженцах (принята Парламентской Ассамблеей Совета Европы в 1976 году).

вало увеличению их численности при лишь недавно едва ликвидированном отрицательном демографическом росте в Грузии⁵⁵, несерьезно. 5 апреля 2004 г. М. Саакашвили заявил на заседании кабинета, что «нынешняя цифра беженцев – 260 000 – сильно завышена»⁵⁶. В августе 2004 г. министерством беженцев и интеграции было выдано 216 947 удостоверений ВПЛ, однако это число не включает беженцев, уехавших в Россию и другие страны⁵⁷. В 2004 и 2005 гг. Министерство по делам беженцев Грузии, при поддержке УВКБ ООН и Швейцарского правительства, выявило и зарегистрировало 221 597 ВПЛ (причем сюда включаются многие грузины, проживающие в России), однако правительство Грузии не поддержало эту оценку, и в 2007 г. объявило о 247 000 ВПЛ. В то же время, 19 апреля 2007 года, на открытии в Тбилиси 65-го семинара Парламентской ассамблеи НАТО, президент Саакашвили вновь передернул цифру, сообщив, что «с территории Абхазии были изгнаны 500 000 человек, и это была одна из самых успешных этнических чисток XX века»⁵⁸. О «500 000 беженцев» говорил он и 18 мая 2008 г. в Кулеви⁵⁹.

В настоящее время Грузия продолжает препятствовать процессу верификации численности грузинских беженцев. В частности, в апреле 2006 г. УВКБ ООН предложило начать перепроверку данных регистрации в Гальском районе, но эта инициатива вновь не получила поддержки Тбилиси, хотя все остальные участники этого процесса, включая абхазскую сторону и представителей ООН, были готовы приступить к работе. Все потому, что грузинская сторона не хочет признавать этих людей возвратившимся, а, следовательно, более не являющимися беженцами – а их, по всем оценкам, не менее 50 000 человек.

Нежелание руководства Грузии провести честную верификацию и постоянное манипулирование цифрами, возможно, связаны со

⁵⁵ <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/panorm01.php>

⁵⁶ Georgia's Refugee Recount. – *IWPR Report*, April 28, 2004.

⁵⁷ Антоненко О.А. Застывшая неопределенность: Россия и конфликт вокруг Абхазии / Государственность и безопасность: Грузия после “революции роз” (Под редакцией Бруно Коппитерса и Роберта Легволда). – Кембридж, Массачусетс: Американская академия гуманитарных и точных наук, 2005. С. 247

⁵⁸ <http://www.newsukraine.com.ua/news/57682/>

⁵⁹ <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1216351.html>

стремлением Тбилиси дезориентировать международное сообщество: во-первых, представить гуманитарную ситуацию более серьезной, а политическую вину абхазской стороны еще более тяжелой; во-вторых, получить дополнительные объемы гуманитарной помощи, которая, как известно, становилась объектом коррупционного дележа среди чиновников; в-третьих, для того, чтобы сделать невозможными любые варианты, связанные с компенсацией или частичным возвращением беженцев.

Тем не менее, точное определение числа беженцев является совершенно необходимым условием для продвижения по пути урегулирования конфликта. Но здесь необходимы более глубокие исследования, а не только определение простой численности. Речь идет о выяснении реальных мотиваций и намерений относительно возможного возвращения. Ведь с окончания войны прошло уже 15 лет, и за это время выросло целое поколение людей, которые практически не жили в Абхазии. Несомненно, многие дети беженцев воспитываются в «духе возвращения» и недоверия к абхазам. Но Абхазия для них – чистая теория, так как объективно у них не может быть глубинных идентификационных связей с нею. И если руководство Грузии обеспечило бы им достойную жизнь на новом месте, они бы подумали, прежде чем «рваться в неизвестность», которой реальная, а не романтизированная (мифическая, идеализированная) Абхазия, для них и является. Это может сократить потенциальное число людей, реально готовых вернуться. Кроме того, согласно Четырехстороннему соглашению 1994 г., право на возвращение не имеют граждане, участвовавшие в военных действиях, – а их не менее 15-20 тысяч человек. Кстати, в том же соглашении декларируется необходимость «проведения информационной кампании среди перемещенных лиц/беженцев в целях поощрения добровольного возвращения», то есть предполагалось, что найдется немало людей, которые по тем или иным причинам решат остаться на местах нового проживания. Поэтому все еще не известно подлинное число беженцев, которые реально захотят вернуться, если им будут созданы условия для достойного проживания на территории Грузии. Это значит, нам неизвестен масштаб всей этой проблемы.

Политические интересы против интеграции

Процесс социально-экономической адаптации беженцев на территории Грузии продвигается с подозрительной медлительностью. Больше половины от числа беженцев находятся в тяжелых жилищных условиях. Во время своего визита в Грузию в декабре 2005 г. Представитель Генерального секретаря ООН по делам беженцев и внутренне перемещенных лиц Вальтер Калин заявил, что он был «шокирован нищетой», в которой все еще проживают многие бежавшие из Абхазии люди⁶⁰. Международные агентства и грузинские исследователи отмечают, что проживающие в коллективных центрах беженцы ущемлены в правах относительно земли и трудоустройства; они чувствуют себя изолированными, а их дети посещают специальные школы для беженцев, которые находятся в ужасающем состоянии⁶¹. В связи с приватизацией в Грузии продолжается ущемление прав беженцев. В августе 2007 г., по сообщению «Прайм-ньюс», 300 человек без всяких компенсаций были выселены из отеля в Кахетии. Лишь по 7 тысяч долларов за комнату получили выселенные из отелей «Иверия» и «Аджария» грузинские беженцы. Ущемляются также и политические права беженцев, так как с сентября 2004 г. была отменена статья 127 избирательного кодекса Грузии, согласно которой эту категорию граждан в парламенте представляли восемь депутатов, которые хоть и не избирались, но были предназначены для артикуляции интересов беженцев.

Кроме того, грузинскому руководству, по-видимому, не выгодна социально-экономическая адаптация беженцев, и оно держит их заложниками своих политических целей, в основном заведомо нереализуемых. Такое ощущение, что нежелание руководства Грузии улучшать жизненные условия этих людей вызвано стремлением держать их в постоянном раздражении, поддерживая, таким образом, их воинственный дух в отношении Абхазии. И главное – адаптация, во многом, будет означать решение проблемы беженцев, что тоже не устраивает Тбилиси. Даже в тексте недавно принятой «Государственной стратегии в отношении ВПЛ» делается специальная оговорка,

⁶⁰ Georgia: New IDP strategy awaits implementation, 11 October 2007. UNHCR Refworld / <http://www.unhcr.org/refworld/docid/470df1682.html>. P. 3

⁶¹ Ibid. P. 5

что «интеграция ВПЛ не помешает их будущему возвращению в Абхазию»⁶².

Фактически Грузия, обвиняя Абхазию в нарушении прав человека, сама идет на серьезные гуманитарные нарушения, преследуя во многом эфемерные политические цели. Странно, что это не нашло пока внятного осуждения на Западе. Кроме того, на беженцах обтачивается политический популизм, так как они – немаловажная количественно и радикально настроенная политическая группа грузинского общества⁶³. С другой стороны, это серьезная внутренняя проблема, и постоянное игнорирование их прав рано или поздно может привести к ощутимому социальному недовольству.

Окончательное урегулирование конфликта и возвращение беженцев: отсутствие зависимости

Учитывая вышеизложенное, мне представляется, что проводить зависимость между окончательным урегулированием конфликта и возвращением беженцев не правомерно. Во-первых, не ясно, что такое окончательное урегулирование конфликта – как известно, взгляды абхазской и грузинской сторон по этому вопросу диаметрально расходятся. Во-вторых, проблема беженцев предполагает несколько вариантов разрешения. Если мы предполагаем, что основой является обеспечение основных прав и свобод людей, то вполне допустимо говорить о невозможности возвращения в другие районы, кроме Гальского, при осуществлении эффективной социальной адаптации на территории Грузии. Для реализации такого сценария может понадобиться практика выплаты компенсаций. Альтернативой невозвращению может быть частичное возвращение, увязанное с одновременным процессом репатриации потомков махаджиров из Турции.

⁶² Ibid. P. 7

⁶³ В своём выступлении перед беженцами М. Саакашвили заявил: «Я даю Вам обещание, что в самом ближайшем будущем ... я имею в виду ближайшие несколько месяцев, я не говорю – лет, мы, вместе с международным сообществом, создадим условия для вашего безопасного возвращения в Абхазию на достойных условиях». Грузия, скатывание к авторитаризму. Доклад №189 Европа – Крайсис Груп, 19 декабря 2007 г. С. 14-15.

Возвращение в Гальский район – это максимальный шаг, на который готова абхазская сторона в обозримой перспективе. Однако практически с самого начала переговорного процесса грузинская сторона увязывает урегулирование конфликта с полномасштабным возвращением беженцев не только в Гальский район, но и в другие регионы Абхазии. В то же время, политики и интеллектуалы, как с абхазской, так и с грузинской стороны понимают всю нереалистичность возвращения беженцев на всю территорию Абхазии в современных условиях. И хотя логика участия в переговорах заставляет абхазскую сторону так или иначе допускать возможность рассмотрения вопроса о полномасштабном возвращении, более или менее очевидно следующее.

Во-первых, возвращение грузинских беженцев во все районы Абхазии совершенно нереалистично с точки зрения необходимой социально-экономической инфраструктуры, которая не может быть создана в одночасье. Возвращаться «в никуда» – это явно не востребованная опция.

Во-вторых, возвращению препятствует существующий психологический фон. Абхазы испытывают чувство обиды на грузин, которые поддержали ввод войск в Абхазию как проявление торжества «грузинского духа» над абхазским. Ни для кого не секрет, что большинство грузин, проживавших в Абхазии, отвернулись от своих друзей-абхазов в постгамсахурдиевском этнонационалистическом угаре. И сейчас беженцы, в основном, наиболее непримиримо настроенная в отношении абхазов часть грузинского общества. Даже обычная риторика на их интернет-форумах – «мы придем и покажем этим апсуйцам», «скоро мы вернемся и накажем тех, кто отнял у нас дома» – практически не оставляет шансов на иллюзии относительно бесконфликтного сосуществования абхазов и грузин. Эти выводы подтверждаются результатами качественного социологического исследования (глубинные интервью и «фокус-группы»), проведенного в 2008 г. Ассоциацией женщин Абхазии. Абсолютное большинство респондентов считают невозможным возвращение беженцев в районы Абхазии, помимо Гальского, так как это приведет к новому витку напряженности и насилия. Среди причин, которые называли респонденты, указывались взаимное недоверие грузинского и остального

населения, огромные потери и страдания военного времени, невозможность совместного проживания после всего случившегося. Как выразился один из опрошенных, «если это произойдет, то произойдет катастрофа»⁶⁴.

В-третьих, полномасштабное возвращение повлечет за собой кардинальное изменение этнического соотношения в населении Абхазии, и здесь задевается один из ключевых вопросов. Дело в том, что именно демографические изменения на протяжении XX в., приведшие к преобладанию доли картвельского населения, и стали главной предпосылкой и одной из ключевых причин ухудшения грузино-абхазских отношений, вылившегося в итоге в войну 1992-1993 гг. Поэтому абхазы совершенно справедливо полагают, что возврат к довоенному этническому дисбалансу – верный путь к новым осложнениям на этнополитической почве. Фактически, речь будет идти об отказе от идеи абхазского государства, которое, в свете событий XX в., рассматривается абхазами как единственный способ обеспечить физическое сохранение своего этноса.

В-четвертых, необходимо учитывать объективно-временной фактор. С окончания войны прошло пятнадцать лет, и те культурно-личностные связи, которые существовали ранее, либо были утрачены, либо, если это касается молодежи, не существовали вовсе. Поэтому, даже если мы представим себе вариант бесконфликтного сосуществования абхазской и грузинской общин, то все равно неизбежна этнокапсуляция, формирование этнически сегментированного общества, у которого будет отсутствовать чувство общей судьбы. Понятно, что в таком случае возвращение беженцев и их реинтеграция возможны лишь на фоне отказа Абхазии от независимости.

В-пятых, возникает проблема безопасности. Абхазская сторона не в состоянии обеспечить гарантии безопасности для возвращающихся, в то же время усиление вовлеченности международных структур (например, предложения ООН о введении полицейского контингента) рассматриваются в Абхазии как попытка размывания национального суверенитета и неизменно встречает болезненную реакцию не только большей части политического истеб-

⁶⁴ Акаба Н.Н. Отношение населения Абхазии к проблеме грузинских беженцев (По материалам качественного социологического исследования). Рукопись. С. 5

лишнента, но и общества, которое привыкло не доверять Западу в политических вопросах.

В-шестых, нельзя сбрасывать со счетов фактор зимней олимпиады 2014 г. в Сочи. Строительство олимпийских объектов, требующее большого объема рабочей силы, вызовет интенсивные миграционные потоки, которые неизбежно заденут Абхазию. Руководство республики уже давало понять, что оно готово разместить рабочую силу, занятую на строительстве олимпийских объектов, на своей территории. Возвращение беженцев заденет проблему собственности, что совершенно не выгодно, например, России в свете усиления ее экономического присутствия в Абхазии. Кроме того, неизбежно вызванная этим процессом дестабилизация внутренней обстановки будет противоречить российским интересам, заключающимся в обеспечении максимальной стабильности в непосредственной близости к олимпийской зоне.

Перспектива невозвращения грузинских беженцев многим в Грузии и на Западе представляется кощунственной. По данным качественных исследований, большинство беженцев не просто не согласны с таким вариантом, а даже не допускают такой мысли⁶⁵. Но мировая практика доказывает, что в этом нет ничего фантастического. Достаточно взглянуть на ситуацию на Балканах. Большинство теоретиков полагают, что возвращение беженцев в этом регионе не произойдет уже никогда: ни в Косово, ни в Боснию-Герцеговину. Основной тезис: сербы и албанцы, и сербы и боснийцы не могут жить вместе. Внедрение сербского элемента в албанский или боснийский массив – несомненный конфликтогенный фактор. То есть признается, что для урегулирования конфликта и недопущения человеческих жертв целесообразно не возвращать беженцев в Косово. Их вернулось туда всего 13 000 из 230 000, что не помешало Косово получить международное признание. Невозвращение также допускается для урегулирования кипрской проблемы. План Аннана (отклоненный на референдуме 2004 г., но содержащий аккумулированное мнение большей части мирового сообщества), предполагает фактический мора-

⁶⁵ Сарджвеладзе Н., Джавахишвили Д., Сихарулидзе Т. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию / Аспекты грузино-абхазского конфликта, т. 4. – Ирвайн, 2004 . С. 239

торий для граждан одного из государств на постоянного проживания на территории другого в течение переходного периода (до истечения 19 лет с момента принятия плана, или до вступления Турции в ЕС) с явным прицелом на то, что к этому году адаптационный процесс в связи с вступлением в ЕС приведет к тому, что люди не захотят уже никуда возвращаться. Более того, с целью недопущения изменения демографического состава в турецкой и греческой частях общего составного кипрского государства, «планом Аннана» предписывается резко ограничить (а в иных случаях и запретить) миграцию из Турции и Греции на Кипр. Государствам, с целью защиты национальной идентичности, предоставляется право «предпринять надлежащие меры предосторожности для обеспечения того, чтобы не менее 2/3 его постоянных жителей говорили на языке этого составляющего государства, который является для них родным»⁶⁶.

Более старый пример, имеющий уже 60-летнюю историю – отказ Израиля возвращать палестинских беженцев. Приблизительно 4.5 миллиона палестинских беженцев находятся в лагерях на территориях Сирии, Ливана, Иордании, на Западном берегу и в секторе Газы. Израильское правительство ясно дало понять, что оно не примет право на возвращение палестинцев, чьи дома остались на территории сегодняшнего Израиля, так как это касается вопроса сохранения еврейского большинства в стране⁶⁷. Но почему-то Израиль не клеймят за этнонационалистический подход к государственному строительству, не обвиняют в нарушении прав беженцев, признают демократическим государством⁶⁸.

Поэтому, на мой взгляд, увязывать урегулирование конфликта с возвращением беженцев совершенно непродуктивно. Неэффективно также выдвигать требование полномасштабного возвращения беженцев взамен договора о неприменении силы. В этом случае мы не получаем не урегулирования, ни возвращения. Гораздо гуманнее

⁶⁶ План Аннана – источник ресурсов для разрешения конфликта – Berghof Sources for Conflict Resolution, February 2008. P. 28-30

⁶⁷ <http://news.invictory.org/issue15281.html> Правда, здесь необходимо уточнить, что в политическом спектре Израиля отношение к проблеме палестинских беженцев не совсем одинаковое. Однако результирующая этих подходов – недопущение возвращения.

⁶⁸ <http://freedomhouse.org/template.cfm?page=22&year=2007&country=7199>

и ответственнее для руководства Грузии заняться интеграцией бежавших из Абхазии людей, а абхазской стороне – эффективно инкорпорировать население Гальского района в абхазское общество.

Компенсации

Одним из способов удовлетворения требований беженцев в случае их отказа от возвращения называются компенсационные выплаты за оставленную в Абхазии собственность. Конечно, согласие на выплату компенсаций будет означать признание права переселившихся лиц на эту собственность. Формально им не запрещено было обращаться в суды Абхазии с соответствующими исками. Известен факт, когда в 2005 г. один этнический грузин, проживавший в Сухуми, сумел вернуть себе право собственности на дом через суд, однако это вызвало много споров. В апреле 2006 г. суды отложили рассмотрение всех дел о возврате собственности лицам, проживавшим в Абхазии до войны, до принятия закона, регулирующего права собственности⁶⁹.

Возможным задействовать компенсационный вариант делает предусмотрительность абхазских властей, благодаря которой не получила продолжения история с радикальным проектом постановления «О правовом статусе лиц, покинувших страну в результате агрессивной войны, развязанной Грузией против Абхазии в 1992-1993 годах», принятом Народным собранием – Парламентом Абхазии в первом чтении в марте 2007 г. В этом постановлении «беженцами» признавались «граждане Абхазии, покинувшие страну в результате этнических чисток, проводившихся оккупационными войсками», а те, кто переселился в Грузию вместе с отступающими войсками Госсовета, и принял впоследствии гражданство другой страны (т.е. Грузии), «не могут считаться беженцами, а являются эмигрантами из Республики Абхазия», что предполагало ликвидацию их имущественных прав на объекты соб-

⁶⁹ Абхазия сегодня. Доклад №176 Европа – Крайсис Груп, 15 сентября 2006 г. С. 25

⁷⁰ Обсуждение Закона «О порядке возвращения беженцев и вынужденных переселенцев» состоится после обсуждения постановления «О правовом статусе лиц, покинувших страну в результате агрессивной войны, развязанной Грузией против Абхазии в 1992-1993 гг.». / <http://www.abkhaziagov.org/ru/president/press/news/detail.php?ID=5749>

ственности в Абхазии⁷⁰. Непринятие этого постановления, а также соответствующего закона, расширяет коридор возможностей для правительства Абхазии в решении проблемы беженцев.

Вообще, вариант выплаты компенсаций сопряжен со многими трудностями. Во-первых, как определить справедливую и устраивающую стороны сумму компенсации?⁷¹ Как оценить стоимость оставленного дома и имущества? По каким ценам и по состоянию на какой период времени? Во-вторых, приближающаяся Олимпиада мультиплицирует стоимость собственности в Абхазии, что не может сказаться на завышении компенсационных претензий беженцев. В таком случае, выплата компенсации может стать практически невыполнимой финансово. Кроме того, известно мнение большей части абхазского общества по этому вопросу: «пусть Грузия сначала компенсирует экономический ущерб, нанесенный развязанной ею войной, и тогда мы подумаем о компенсациях».

Если обратиться к образцам решения аналогичных вопросов из международного опыта, то не везде удастся задействовать практику компенсационных выплат. Об этом свидетельствуют примеры Турции, Израиля, Ливии и других стран. В то же время, например, в отношении сербских беженцев из Косово такая политика проводится, причем основные средства предоставляет Еврокомиссия через Европейское агентство по реконструкции (в 2006 г. на программу защиты прав беженцев было выделено 5 млн. евро)⁷². План Аннана по разрешению кипрской проблемы также предполагает практику компенсаций в обмен на невозвращение. Резолюция ООН №194 от 11 декабря 1948 г., проигнорированная США и Израилем, гарантировала палестинцам право на компенсацию в случае отказа от возвращения⁷³.

⁷¹ Власти Грузии намерены ближайшим летом подать иск против России в Страсбургский суд по правам человека и потребовать от Москвы компенсацию в размере 20 миллиардов долларов. Как заявил 10 марта 2008 г. глава комиссии парламента Грузии по восстановлению территориальной целостности Шота Малашхия, *из этой суммы 5 миллиардов составит компенсация за утрату беженцами частной собственности*, а остальные 15 миллиардов — это потери грузинского государства. / <http://www.newizv.ru/print/86172>

⁷² http://www.eur.eu.int/serbia/main/ser-annual_programme_2006.htm

⁷³ Хомский Н. Косово: во имя принципов и ценностей / http://www.pravmir.ru/article_2688.html

Таким образом, международные акторы, заинтересованные в реальном урегулировании гуманитарной и политической ситуации с беженцами, могли бы принять участие в соответствующих программах. Для изыскания же средств внутри Абхазии, в принципе, можно было бы поднять вопрос о национализации занятой во время и сразу же после войны дополнительной собственности, например, в рамках проводимой в Абхазии инвентаризации жилого фонда. Речь идет о гражданах, присвоивших объем собственности, объективно превышающий их потребности. Огосударственная собственность может быть передана в специальный фонд, который путем ее продажи получал бы средства для компенсационных выплат. Проведение в жизнь этой программы, несомненно, выльется в серьезное испытание государства на прочность, на его способность применять формальные правила для всех случаев.

Однако необходимо еще раз подчеркнуть: любые варианты, связанные с компенсационными выплатами, представляются возможными в том случае, если беженец слагает с себя статус ВПЛ в Грузии и отказывается от возвращения в Абхазию. Предоставленная ему денежная сумма должна покрыть необходимые расходы, связанные с его достойной интеграцией на новом месте. Возможно, эти условия и механизмы могут найти отражение в соглашении о невозобновлении военных действий, перспектива подписания которого столь активно обсуждается сегодня.

Частичное возвращение – увязка с репатриацией из Турции

Несмотря на то, что в недавней резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 голосами и носящей рекомендательный характер, выражается «сожаление по поводу любых попыток изменить существовавший до конфликта демографический состав в Абхазии, Грузия»⁷⁴, эти изменения произошли и уже необратимы. В то же время ясна подоплека такой формулировки – грузинская сторона пытается не допустить увеличения численности абхазского этноса за счет репатриации потомков абхазских махаджиров, прежде всего, из Турции.

⁷⁴ Положение внутренне перемещенных лиц и беженцев из Абхазии, Грузия / Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 мая 2008 г. А/62/L.45

В более раннем документе – Резолюции СовБеза ООН № 1752 от 13 апреля 2007 г. – указывается на необходимость «обеспечить жизнь людей в безопасных и достойных условиях, в частности нового поколения, находящегося за пределами Абхазии, Грузия»⁷⁵. Одной из версий объяснить причину упоминания «нового поколения» является то, что грузинская сторона пытается распространить статус ВПЛ на поколение граждан, рожденных после окончания грузино-абхазской войны. Этим объясняется желание абхазской стороны применить аналогичный принцип в отношении потомков беженцев из Абхазии XIX в. – махаджиров, проживающих в Турции.

МИД Абхазии поднимает этот вопрос на каждой встрече с грузинскими и международными официальными лицами, однако достичь прогресса пока не удается⁷⁶. Речь идет о том, что абхазская сторона, в принципе, могла бы дать согласие на возвращение определенного числа беженцев во все районы Абхазии, если этот процесс будет жестко, в четкой пропорции, синхронизирован с репатриацией махаджиров. Это позволило бы, с одной стороны, вернуть часть беженцев (тех, кто желает вернуться и не участвовал в боевых действиях на территории Абхазии), а, с другой стороны, отстоять количественные позиции абхазского этноса.

Однако Грузия категорически против такого подхода, а попытки правительства Абхазии самостоятельно возвращать турецких абхазов сталкиваются с серьезными препятствиями.

Во-первых, существует серьезная проблема неготовности Абхазии обеспечить необходимые социально-экономические условия для возвращения людей, привыкших к относительно высоким жизненным стандартам. Кроме того, налицо недостаточная активность и даже неэффективности структур, занимающихся репатриацией, и также их низкая легитимность в глазах потенциальных репатриантов.

Во-вторых, еще большее препятствие заключается в отсутствии политико-правового механизма возвращения. Речь идет о визовых проблемах, о сложностях с гражданством и т.д. Грузия блокирует прямое морское сообщение с Турцией, поэтому желающие попасть

⁷⁵ <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1752.htm>

⁷⁶ Переписка автора с заместителем министра иностранных дел Республики Абхазия Максимом Гвинджиа.

в Абхазию должны обращаться за российской визой, что, во-первых, само по себе проблематично, а, во-вторых, не дает им возможности оставаться в Абхазии более месяца без дополнительного обращения МИД РА в визовые органы России. Абхазский национальный паспорт не позволит им выезжать за пределы республики, а перспективы приобретения ими российского гражданства не реалистична.

Вообще Россия традиционно негативно настроена относительно репатриации из Турции, например, в Адыгею, так как ей не выгодно усиление исламского и антироссийского компонента на Северном Кавказе. Ведь потенциальные репатрианты, особенно молодежь, очень настороженно относятся к факту тесных взаимоотношений России и Абхазии. Они полагают, что Абхазия ни в коем случае не должна сотрудничать с Москвой, так как именно Россия, рассуждают они, вынудила их предков покинуть родину. Среди них, в том числе, популярны идеи кавказской конфедерации, которые в России рассматриваются как экстремистские.

Фактор Олимпиады и неконтролируемая миграция

Победа российской заявки на проведение Зимней олимпиады 2014 г. в Сочи была встречена в Абхазии с воодушевлением. Правда, за благостными перспективами экономического развития и гарантий безопасности стали проглядываться неизбежные издержки. Одной из главных проблем в этой связи можно назвать нелегальную миграцию.

Вообще нелегальная миграция с каждым годом становится все более серьезным вызовом для абхазских властей. Во-первых, несовершенство визово-регистрационного механизма, а также отсутствие закона «Об иностранных гражданах» препятствуют эффективному контролю над миграционными потоками. МИД РА не регистрирует въезжающих на территорию Абхазии граждан стран СНГ, так как для них введен безвизовый режим. Учету подвергаются лишь жители дальнего зарубежья, но их приезжает в Абхазию сравнительно мало. Во-вторых, серьезная коррупция, которая вообще одна из главных проблем современной Абхазии, стала неотъемлемой частью процесса выдачи абхазских национальных паспортов. В результате

в республике натурализуются люди, которые не отвечают требованиям закона «О гражданстве Республики Абхазия». При этом только гражданство дает право осуществлять сделки с собственностью в Абхазии, поэтому национальный паспорт становится столь востребованным.

Грядущая олимпиада только усугубит эти процессы, которые могут привести к непредсказуемым изменениям демографической картины в Абхазии. Рабочая сила из Армении, Средней Азии и других стран, которая будет занята на олимпийской стройке, будет стремиться осесть на территории Абхазии. Кроме того, не исключается, что будут востребованы и грузинские специалисты, которые, пользуясь иммунитетом «участников строительства Сочи», смогут также легализовать свое присутствие в Абхазии. Речь идет, в первую очередь, о грузинских беженцах и собственно беженцах (так как некоторые из них не имеют гражданства страны пребывания – России), проживающих на территории Краснодарского края (15-20 тыс. чел.)⁷⁷, большинство из которых происходят из Гагрского района Абхазии. Все это в условиях сложной демографической ситуации, в которой находится абхазский этнос, может привести к совершенно новым вызовам и последствиям. Поэтому разговор о влиянии новых миграционных сдвигов на ситуацию в зоне грузино-абхазского конфликта должен быть продолжен.

Заключение

Существует множество примеров, когда изменения демографической ситуации служили основной причиной вооруженных конфликтов. Именно поэтому полномасштабное возвращение беженцев не способно привести к урегулированию грузино-абхазского конфликта, так как оно – само по себе мощнейший конфликтогенный фактор.

В то же время, проблема грузинских переселенцев – серьезная гуманитарная проблема, которая требует вдумчивого подхода со стороны руководства Грузии и международного сообщества. Эффектив-

⁷⁷ Положение беженцев из Абхазии в Краснодарском крае. Декабрь 2000 г. / <http://www.memo.ru/hr/discrim/ethnic/abhaz/abh20001.htm>

ная социально-экономическая адаптация этих людей способна снизить остроту гуманитарной ситуации, тогда как постоянное поддержание в них «чемоданного настроения» и обман относительно сроков возвращения – проявление безответственности и антигуманности. Подходы, связанные с выплатой компенсации или частичным возвращением, синхронизированным с репатриацией из Турции, возможны, если механизмы и гарантии этих акций будут закреплены в соглашении о невозобновлении военных действий. Лишь когда абхазы поймут, что демографическая ситуация не угрожает более их выживанию и основным политическим интересам, станут возможны существенные подвижки в решении проблемы беженцев.

Демократическая консолидация как процесс перевода демократической институциональной системы в режим нормального и стабильного функционирования невозможна, если отсутствует государство – рациональная система властно-управленческих отношений и сообщество граждан – политическая нация. Без сомнения, перед Абхазией сейчас стоит серьезнейшая проблема нациестроительства, выраженная в необходимости инкорпорации всех этнических групп в ее многосоставном обществе в единую нацию. Это очень сложная задача в условиях неконтролируемости миграционных потоков.

Серьезным вызовом для абхазского руководства является трансформация идентификационных характеристик грузинского населения Гальского района. Конечно, речь не идет о фундаментальных изменениях. Но и задача частичной политико-идентификационной трансформации – из разряда невероятно сложных. Жители Гальского района – это, в основном, те мегрелы и грузины, которые не принимали участия в боевых действиях и очень пострадали от войны. Международное сообщество уделяет особое внимание восстановлению инфраструктуры в этом регионе, но и абхазское руководство должно применять приемлемые интеграционные стратегии (стратегии «гражданского включения»), чтобы гальцы ощущали себя гражданами Абхазии, пользующиеся равными с остальными правами, в том числе на культурное развитие. Правда, здесь многое зависит и от самих жителей Гальского района, среди которых в определенной степени существует недоверие к абхазам. Определенные аспекты «гальского вопроса» могут решаться в сотрудничестве грузинской и абхазской сторон.

Примирить представления о справедливом, свойственные абхазам и грузинам, довольно сложно. По точному замечанию русского философа А.И. Ильина, «чем скуднее, теснее и насильственнее жизнь людей, тем острее они переживают все это и тем труднее им договориться и согласиться друг с другом. В результате оказывается, «справедливостей» столько, сколько недовольных людей и единой, настоящей Справедливости найти невозможно»⁷⁸. Тем не менее, можно приблизиться к общему понятию справедливости, предположив, что справедливо – когда обеспечивается нормальная жизнь и не допускается насилие. Еще Платон умолчал о справедливости там, где люди довольны условиями жизни⁷⁹, ведь необходимость в справедливости возникает, когда не все благополучно. Поэтому увязывание урегулирования конфликта (подписание договора о неприменении силы) с полномасштабным возвращением беженцев несправедливо ни для одной из конфликтующих сторон, так как это прямой путь к новой войне.

⁷⁸ Ильин И. О справедливости / http://www.pravmir.ru/article_2516.htm

⁷⁹ Хёффе О. Справедливость: философское введение. – М.: Праксис, 2007. С. 35

ПОПЫТКА РАЗОБРАТЬСЯ, ПОЧЕМУ АБХАЗЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АБХАЗИЮ, И ВЕРОЯТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ЭТОГО «ГОРДИЕВА УЗЛА»

Вынужденное перемещение стало почти что обязательным и каким-то печальным спутником всех современных вооруженных конфликтов. Нет вооруженного конфликта, сопутствующим придатком которого не были бы нерешенные проблемы, связанные с вынужденно перемещенным населением. В дополнение к этому надо отметить, что в последние десятилетия все больше и больше боевых действий происходят внутри государств и соответственно, насильственное перемещение становится внутригосударственной проблемой. Количество ВПЛ и беженцев, которых производят эти войны, а также бесконечная продолжительность разрешения этих конфликтов указывают, что многие государства не в состоянии решать внутренние противоречия без войн, а международное сообщество и международное право не всегда может и хочет за государства решать их проблемы.

В Грузии обычно эмоционально переживают нерешенность проблем, связанных с ВПЛ. Рассказывают о том, как тяжело живется перемещенным лицам и надо что-то делать, чтобы облегчить их судьбу. Но, никто не думает о судьбе тех новых вероятных беженцев, если будут реализованы те планы, которые часто в риторике допускают грузинские политики, когда указывают, что могут быть разные варианты силового решения конфликтов. Из-за допущения вероятности силового разрешения замороженных конфликтов, думаю, что настало время более всесторонне обсуждать вопросы беженцев и перемещенных лиц, исходя из реальной ситуации.

Почти что 15 лет в грузинской политической риторике озвучивается лишь два лозунга – восстановление территориальной целост-

ности Грузии и безусловное возвращение беженцев и перемещенных лиц в места их постоянного проживания. Хотя, ни по первой, ни по второй позиции никакой стратегии не предложено – как собираются восстановить территориальную целостность? И – как будет происходить безусловное возвращение перемещенных лиц и беженцев. Время идет, и происходящие в мире процессы ничего удовлетворительного или обнадеживающего нам не обещают. Наиболее вероятные и в глаза бросающиеся перспективы – это модели Косово или Кипра. Как мне представляется, ни по одному из этих моделей в Грузии не готовы выстраивать свое будущее и соответственно не готовы видеть угрозы или преимущества в случае реализации этих «успешных» проектов в контексте разрешения конфликтов на территории Грузии.

Основным препятствием на пути возвращения перемещенных лиц в места постоянного проживания является отсутствие действенных институтов, созданных для политического урегулирования грузино-абхазского конфликта, которые пользовались бы всесторонним доверием.

Часто, когда грузино-абхазский конфликт анализируют, прибегают к символу ключа и постоянно ищут где, на данном этапе, находится этот ключ: не то в Москве, не то в Сухуми, не то в Тбилиси, не то в Вашингтоне. Я предпочитаю другой символ – теннисный мячик. На чем поле сегодня находится теннисный мячик, и соответственно кто обязан сделать очередную подачу? Мне кажется, что мячик этот находится на поле Грузии и все заинтересованные стороны стоят и ждут, когда Грузия предпримет соответствующий шаг, который даст толчок новой динамике в грузино-абхазских отношениях. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, грузинским властям нужно переосмыслить свою политику не только по возвращению ВПЛ, но в первую очередь по разрешению конфликта. В этом контексте следует предложить новую стратегию по отношению ВПЛ, в том числе и о вероятных путях как их добровольного и безопасного возвращения, так и их достойной интеграции, пока не определятся условия их возвращения. К сожалению, понятие “разрешение конфликта” практически не присутствует в словаре грузинских политиков. В основном, как я уже сказал, присутствуют выражения – вос-

становление территориальной целостности и безусловное возвращение беженцев и ВПЛ.

Одним из сопутствующих вопросов в контексте возвращения ВПЛ и беженцев в Абхазию, всегда всплывает вопрос репатриации потомков махаджиров на свою историческую родину. Об этом не раз говорили в эти дни участники нашей встречи. Это не случайно, и это понятно. Не от хорошей жизни абхазское общество старается как-то находить выход из сложной демографической ситуации. Ни в одной из конфликтных зон, где конфликт характеризуется этно-территориальной составляющей, нет такой сложной демографической ситуации, как в Абхазии. И в Нагорном Карабахе, и на Северном Кипре, и в Косово – везде население таких политико-территориальных образований является гомогенным. На северном Кипре – это турки. В Косово – албанцы, в Карабахе – армяне. В Абхазии ситуация принципиально отличается. Соответственно, к разрешению конфликта в Абхазии следует подходить с другими мерками и нестандартным подходом. Абхазское общество постоянно озвучивает, что проблема демографии их преимущественно беспокоит. Для иллюстрации достаточно привести фрагмент из текста Заявления от группы депутатов первого созыва Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия от 12 марта 2007 г. «Возвращение абхазской диаспоры на свою историческую Родину... более значимо, чем осуществление исторической справедливости. Это, пожалуй, единственный шанс избежать этнической катастрофы, висящей над нами как «дамоклов меч» уже не один десяток лет»⁸⁰. Под заявлением подписываются такие видные и мною уважаемые люди, как госпожа Нателла Акаба, Олег Дамения, Станислав Лакоба, Давид Пилия и т.д.

К сожалению, ни мировое сообщество, ни грузинское общество не хотят понимать эти опасения абхазского общества. Вне Абхазии всерьез никто не задавался вопросом, чего абхазы опасаются в случае тотального и безусловного возвращения беженцев и перемещенных лиц. Если грузинское общество постаралось бы понять опасения абхазского общества, то процесс решения проблем, связанных с перемещенными лицами приобрел бы более устойчивый и необратимый характер.

⁸⁰ «Апсныпресс», №98 12.03.2007г. www.apsnypress

Помимо демографической проблемы перед абхазским обществом стоят и другие вызовы: это безопасность; вероятность возобновления боевых действий; социальные и экономические проблемы и многое другое. Если против остальных вызовов можно бороться или выстраивать стратегию, рассчитанную на поддержку извне, то демографическую ситуацию за абхазов никто не сможет решить. Это задача самого абхазского общества. Если Абхазское общество сможет эту сложную задачу решить, то и мирный процесс станет более устойчивым и предсказуемым.

В 2004 году в Абхазии прошла перепись населения. По данным абхазской прессы в Абхазии проживает 214 000 человек. Во вчерашней презентации Юлии Харашвили, была сказано, что в Грузии зарегистрировано 219 000 перемещенных лиц. Интересное совпадение. Получается, что, только в Грузии, желающих вернуться в Абхазию ровно столько, сколько проживает в данный момент на этой территории. По данным той же прессы в Гальском районе проживает всего 30 000 человек (подразумеваются этнические грузины), хотя и на нынешней встрече и в обиходе и в публицистике в среднем указывается от 55 до 65 тысяч жителей в этом районе. Получается, что перепись не затронула около 40 000 человек, и это только в одном районе. Насколько можно верить таким цифрам и отчетам? В публикациях абхазской прессы, по моему, преднамеренно не излагался этнический состав населения Абхазии. В этой связи можно привести один достоверный, хотя и косвенный источник. В октябре 2005 года господин Багапш признал, что демографическая ситуация – один из самых тяжелых вопросов Абхазии, и сегодня в республике проживает менее 70 000 абхазов. Если сопоставить данные переписи и признание Багапша, то получается, что в нынешней Абхазии абхазов менее или около 30%. Исходя из вышеизложенного, нетрудно догадаться, почему абхазское общество так принципиально противится возвращению беженцев и перемещенных лиц.

О поисках путей решения подобных проблем на Кипре вчера нам здесь рассказал доктор Оливер Воллей. План бывшего генерального секретаря ООН Кофи Аннана недвусмысленно настаивает на недопущении количественного подавления одной этнической группы другой, тем более, когда такая ситуация становится условием за-

тягивания разрешения конфликта. Независимо от того, как этот план будет работать на Кипре, поскольку ООН является ведущим оператором и в грузино-абхазском конфликте, то следует ожидать, что подобный план и нам будет предложен. Другой вопрос – будет ли оно принято сторонами в конфликте. План Кофи Аннана предлагает дозированное возвращение беженцев и перемещенных лиц, и это может стать одним из путей выхода из тупика. Кстати говоря, такой подход был включен в концепцию «Об особом статусе Абхазии в государстве Грузия», который был написан грузинскими экспертами и опубликован в июне 2004 года. Думаю, что эта концепция смогла отразить дух и контекст плана Кофи Аннана, который еще не реализован на Кипре. Авторы той концепции считали, что Грузия могла бы предложить растянутое во времени возвращение и максимально постараться, чтобы, и не потеряв, и не отняв права на возвращение, все-таки не превратить возвращение в обязательство. Параллельно, следовало бы дать возможность перемещенным лицам достойно интегрироваться там, где они проживают. В случае реализации такого подхода, абхазское общество смогло бы убедиться, что грузинские власти не готовят политический реванш над Абхазией, путем восстановления демографического превосходства, и соответственно снялась бы та постоянная угроза, перед которой стояла Абхазия в последние десятилетия.

Помимо этого, в плане Кофи Аннана есть такая позиция, как пересмотр территориальной принадлежности. Эта позиция придумана в лабораториях ООН и предлагает путем отказа от территории усилить этнический баланс в пользу уступающего. Нечто подобное ООН может в будущем предложить и сторонам в грузино-абхазском конфликте. На Северном Кипре 6 или 7 таких анклавов, а в Абхазии таких анклавов могло быть два. Стоило бы думать и в этом направлении. Это может быть Гальский район и Кодорское ущелье. Таким путем можно было бы абхазский компонент сделать еще более доминантным. Все это не фантазия, а то, над чем думает международное сообщество. Мы обязаны эти позиции, по крайней мере, иметь в виду и считаться с ними, чтобы или принять их или отказать аргументировано.

И еще очень важный момент по Кипру – это двухзональное государство. Естественно, Грузию невозможно перекроить как Кипр,

но, так как, в нашем конфликте явно выделяются все-таки две части, то я думаю, что эта двухзональная позиция могла бы помочь в процессе выхода из тупика.

Есть много других тем, которые не обсуждаются ни в нашем обществе, ни в абхазском обществе. Эти темы кружатся в воздухе и их неожиданно могут нам предложить извне и даже навязать их решение.

Также важный вопрос – вопрос интеграции ВПЛ, о котором упомянул выше. Я думаю, что наиболее серьезный шаг, который могла бы проделать Грузия – это начать серьезную, всеобъемлющую интеграцию перемещенных лиц на территории Грузии. Следует провести такую политику расселения, которая дала бы им равноправные и достойные условия проживания наравне с остальными гражданами Грузии. Таким образом, можно было бы снизить температуру мотивации в ближайшее время вернуться в Абхазию. Это был бы тот серьезный шаг, который могли бы оценить абхазы и дополнительно убедились бы, что Грузия целенаправленно меняет политику давления на политику сотрудничества.

Но, увы, в действительности все происходит, как раз, наоборот. Вместо попыток понять страхи и опасения абхазского народа, грузинские власти усиливают спекуляции на тему преимущественного возвращения перемещенных лиц в Абхазии. За неделю до нашей встречи, руководитель комитета по обороне и безопасности Гиви Таргамдзе заявил, что Грузия готова подписать с Абхазией соглашение о не возобновлении огня, но с условием возвращения ВПЛ. Это очень важно, абхазы давно требуют это соглашение. Хотя, 6 июня Георгий Барамидзе, госминистр по вопросам евроатлантической интеграции, заявил, что Грузия готова подписать соглашение с Абхазией о не возобновлении огня с европейскими гарантиями. Как видно, внутри самой власти есть разные подходы к возвращению ВПЛ. Барамидзе говорит о европейских гарантиях, тогда как Таргамдзе говорит о возвращении ВПЛ. Но в любом случае, возвращение ВПЛ, как всегда, это одна из форм манипуляции для получения возможностей заблокировать или пустить под откос любое серьезное начинание. Такая недалевидная принципиальность, в первую очередь, вредит грузинским государственным интересам.

Как видно из вчерашнего доклада Юлии Харашвили, власти начали действовать в сторону создания стратегии по интеграции перемещенных лиц. Думаю, если власти Грузии серьезно продвинулись в этом направлении, то с абхазской стороны будет проделан ответный шаг, и скорей всего этот шаг будет в сторону смягчения ситуации в Гальском районе. По моему мнению, Гальский район является той темой, в которой абхазские власти чувствуют себя наиболее уязвимым. Недалековидная политика в этом районе серьезно тормозит развитие самой Абхазии. То, что до сих пор окончательно не решен вопрос обучения в школах на грузинском языке, или затягивается решение вопроса о гражданстве и паспортизации жителей района мешает населению Гальского района чувствовать себя полноправными гражданами Абхазии. Думаю, что нашими совместными усилиями мы могли бы сделать так, чтобы сообщество беженцев и ВПЛ превратилось для Абхазии из угроз в ресурсы.

Как я понял, мое время истекает, еще кое-что хотел бы сказать, но потом продолжу. Спасибо большое.

Бастиян Хермиссон – Вопрос к Эрин. Как УВКБ определяет, кого считать беженцами, а кого внутренне перемещенными лицами, и как вы пришли к таким цифрам, как 2.2 миллиона беженцев в случае с Боснией, например? И вопрос к Сабине. Я хотел бы вернуться снова к вопросу об амнистии и правосудии. Здесь уже говорилось о том, что людям будет очень сложно сосуществовать друг с другом, помня все ужасы войны, и обвиняя в них друг друга. Можете ли Вы привести конкретные примеры того, как работает данная амнистия, и как работает Временная Комиссия по раскрытию правды и по примирению, о которой вы говорили ранее.

Эрин Муни – Что касается вопроса о статусе, существует разница между правовыми подходами к статусу беженцев и ВПЛ. Для беженцев необходим признанный правовой статус. Существует процедура установления статуса беженца. Говоря о числе беженцев, мы говорим о тех людях, которые официально получили этот статус. Статус беженца очень важен для них, потому что, находясь за пределами своей страны, им необходим специальный международный правовой статус

для того, чтобы проживать в другой стране и иметь доступ к правовой защите. Для ВПЛ требуется более комплексный подход. Фактически в международном законодательстве не предусмотрен правовой статус для ВПЛ. И в нем в принципе нет необходимости. Они являются гражданами своей страны. Они изначально являются жителями и имеют или, по крайней мере, должны иметь права, которые им положены, такие же, как у других местных общин. Так что, тот факт, что они являются перемещенными лицами с юридической точки зрения не должен каким-либо образом повлиять на их права. К примеру, в таких странах как Босния, Грузия, также Колумбия, было решено установить правовой статус для ВПЛ на государственном уровне.

В этом есть определенные преимущества. Зачастую ВПЛ получают специальные льготы, что очень важно. Но я хотела бы отметить, что у такого статуса есть и свои недостатки. Необходимо доказать свое право на пользование всеми гражданскими правами. Зачастую это может закончиться тем, что вас снимут с регистрации. Переселение для ВПЛ – это фактические обстоятельства, а не правовой статус. Таким образом, когда статус будет установлен, он может звучать совершенно иначе.

Существует международное определение статуса ВПЛ, но оно не всегда полностью совпадает с государственным определением этого статуса. Государство может сфокусировать свое внимание на одном типе переселения и не учесть при этом другие, у них могут быть определенные критерии. Статус – понятие комплексное, и иногда он может нарушать определенные права. В Грузии, впрочем, также как это было и в других странах, ситуация следующая: те кто имел этот статус, были от него зависимы, чтобы иметь определенные права. Мы сотрудничали с Ассоциацией молодых юристов Грузии в 90-х годах и с Комитетом по правам человека по вопросу обеспечения ВПЛ правом голоса и правом принимать участие в выборах, находясь при этом в месте переселения.

Вчера говорилось о том, что ВПЛ плохо организованы как сообщество, их голос не слышен. Это происходит отчасти от того, что у людей есть только статус, ограничивающий их права, которые будут восстановлены только по их возвращению, то есть они лишены своих гражданских прав.

Такая же проблема отчасти была и в Боснии, где статус ВПЛ присваивался только тем, кто зарегистрировал свое намерение вернуться. Под эту категорию не попадают наиболее уязвимые группы людей, например, люди, которые были свидетелями ужасных преступлений и из соображений собственной безопасности не могут вернуться в места своего прежнего проживания, а также хронически больные и пожилые люди. Если люди каждые шесть месяцев не регистрируют свое намерение вернуться, то их лишают статуса и всех соответствующих льгот. Так что к вопросу об определении статуса ВПЛ нужно подходить очень осторожно, и убедиться, что при определении этого статуса, их права не будут ущемлены.

Сабина Фрейзер – Когда речь заходит о правосудии и амнистии, то здесь, конечно, вопрос возвращения осложняется тем, что люди, принимавшие участие в военных действиях, не могут вернуться из-за того, что боятся, что их посадят в тюрьму, потому что они воевали. С одной стороны, это осложняет ситуацию для тех, кто хочет вернуться, но возвращение может создать проблемы и для тех, кто там живет и не хочет принимать возвращающихся. Так каждый может сказать: «Я не хочу, чтобы те, кто воевал, жили здесь. Я не хочу больше жить рядом с этими людьми». Так что здесь затронуты интересы как принимающей стороны, так и тех, кто потенциально хочет вернуться.

Нужно учитывать то, что не каждый, кто воевал, является военным преступником. В законах, касающихся военных вопросов, есть достаточно пространства, которое позволяет говорить о том, что войны случаются, что есть армии, и вас не имеют права преследовать в судебном порядке только потому, что вы воевали. Кроме того, должно существовать четкое разделение между отдельными людьми и народом в целом. Вы не можете обвинять весь народ в том, что совершили во время войны конкретные люди. Преступления совершают конкретные люди. Вы также должны провести различия между теми, кто отдавал приказы, и теми, кто их выполнял. Существует разница между человеком, который организует военную операцию, или создает лагерь смерти, или разрабатывает стратегию и человеком, можно назвать мелкой сошкой того, который является исполнителем этих преступлений, и разница эта очень большая.

Итак, что же произошло? Как я уже отмечала, в некоторых случаях амнистия фактически является одним из условий мирного соглашения. Именно так обстояло дело с Дейтонскими соглашениями. В Боснии был создан международный трибунал, это случилось потому, что люди не доверяли местному правосудию. Потому что все прекрасно понимали, что эти военные преступники очень влиятельные люди, а местные суды слишком слабы, чтобы тягаться с ними, поэтому их дела рассматривались в Гааге. Что является позитивным моментом в случае с Боснией, так это то, что спустя определенный период времени законность в стране усилилась, и появилось ощущение того, что местные суды смогут судить военных преступников, конечно, не самых влиятельных, но некоторых военачальников низшего уровня стали судить местные суды. Таким образом, это является своего рода развитием в сторону доверия местной судебной системе и возможности осуществления таких судебных процессов.

Временные Комиссии по раскрытию правды и по примирению обычно не выдвигают никаких обвинений. Скорее, этот вопрос должны решать между собой сами стороны, обсудить преступления, совершенные во время войны, попытаться дать объяснения, возможно, даже извиниться, и обе стороны должны сделать это в равной степени. В основном это не является реальным судебным разбирательством.

Другое дело, обсуждать общее понимание истории, того, что происходило во время войны. И в конце я бы хотела сказать одну вещь, основываясь на своем личном опыте. Я заметила, что те, кто воевал, гораздо быстрее находят общий язык друг с другом, и в какой-то степени прощают друг друга. Если вы воевали, то вам легко понять что чувствует и через что прошел ваш противник. Я поняла, что зачастую примирение тех, кто участвовал в боевых действиях – это способ решения проблемы.

Ивлиан Хаиндрава – Мой первый вопрос в первую очередь адресован выступавшим, которых я благодарю за доклады. Сабина в основном использовала термин «возвращение меньшинства», в то время как Эрин использовала термин «возвращение большинства». Мой вопрос, как бы Вы назвали возвращение грузин в Абхазию, возвра-

щением меньшинства или большинства? Или это возвращение большинства как в случае с возвращением в Гали и возвращение меньшинства в случае возвращения в Гудауту? Мой второй вопрос касается языка общения. Этой проблемы не существует в случае Боснии и Герцеговины, но она существует в других случаях, особенно если говорить о доступности правовых документов, о которых говорит Сабина. Как это все будет выглядеть в данной конкретной ситуации?

Раз уж я имею включенный микрофон, я попытаюсь дать комментарий, хотя сделать комментарий по поводу доклада господина Хинтба, специфического доклада, как назвал его ведущий, достаточно сложно. Достаточно сложно, потому что мы, во всяком случае, сидящие здесь, по-моему достаточно хорошо представляем себе политические аспекты массового возвращения грузинских беженцев в Абхазию, весь тот огромный комплекс проблем, связанный с этим и скажем так, имманентные демографические опасения абхазов, связанные с этим. Я думаю, что выступление Закареишвили наглядно это продемонстрировало. Понимание этого, я повторяю, во всяком случае среди тех грузин, которые сидят здесь, безусловно существует, существует даже если угодно и сочувствие по этому поводу. Но попытки манипулировать какими-то обрывками правовых норм и подогнать их под эти реалии, по-моему совершенно несостоятельны, а главное я не вижу, скажем так, такой необходимости. Исходя из того, что понимание этого существует. Нормы не подгоняются. Потому что право на добровольное возвращение есть. Никто его не отменял. Другое дело, что мы хорошо знаем, что не все права и не в полной мере реализуются даже в самых демократических странах и демократических ситуациях. Поэтому если идти этим путем, когда господин Хинтба предложил рассматривать грузинских перемещенных лиц и беженцев не как беженцев, а как эмигрантов, если мы пойдем по этой линии, то на следующей встрече мы услышим, что они потомки грузинских туристов, допустим, которые на несколько поколений задержались в Абхазии. Я думаю, что такой подход, во-первых, укрепляет позиции тех грузинских радикал-националистов, которые легко отслеживают всего несколько поколений осетин, проживающих в Южной Осетии на территории Грузии. Я думаю, что это контпродуктивный подход, даже если оставить в стороне моральные и политические аспекты. К тому же

этот подход усиливает позиции партии войны в Грузии, условно – позиции, которые озвучивает Таргамадзе, и отнюдь не усиливает позиции Гегешидзе, Хаиндрава или Закареишвили. Соответственно, усиливаются соответствующие риски. Тем более, что у власти в Грузии находятся не Гегешидзе, Закареишвили и Хаиндрава, а находятся Таргамадзе и иже с ними. Я думаю, что когда дело имеешь с политикой, то одним из самых минимальных принципов действия должен быть принцип – не навреди.

Лиана Кварчелия – У меня вопрос к Паате и к Ираклию, хотя очень интересные были выступления и у Сабины, и у Эрин, но я думаю, что если у нас будут материалы их выступлений, нам действительно надо очень внимательно изучить этот международный опыт, о котором нам сегодня рассказали, потому что он дает хорошую пищу для размышлений. Теперь мои вопросы к Паате и к Ираклию. Хотя абхазская сторона формально признает право грузинских беженцев на возвращение, сегодня и, собственно говоря, и вчера абхазы отказывались говорить более конкретно о возвращении беженцев за пределы Гальского района и на это были свои причины. Одна из важных причин, хотя не единственная, (вчера я перечислила некоторые из опасений, которые существуют у абхазов в связи с возможным возвращением) это то, что политические переговоры предлагалось и предлагается до сих пор международным сообществом вести в рамках территориальной целостности Грузии. И мне кажется, что то, что задаются такие политические рамки – это и мешало говорить более существенно о проблеме беженцев. Но это одна из причин. И в связи с этим у меня вопрос такой к Паате. Ты комментировал план Аннана, но в плане Аннана речь шла об общем государстве и предполагалось, что перспектива, которая увенчает все дело – это вступление в Европейский Союз. Для Абхазии, наверное, это тоже всем понятно, даже если бы возникла перспектива вступления в Европейский Союз, все-таки это не морковка и вообще я на сегодняшний день такой морковки не вижу, которая заставила бы все-таки согласиться на сосуществование в рамках территориальной целостности Грузии. И поэтому как тебе кажется, Паата, при каких все-таки условиях возможно было бы реалистично говорить о возвращении бе-

женцев? Я сейчас не говорю, в каком количестве и т.д., но за пределы Гальского района. И вопрос к Ираклию. Ираклий, ты сказал о том, что нельзя связывать возвращение беженцев с вопросом урегулирования, поскольку под урегулированием, по крайней мере, кроме нас, все понимают урегулирование в рамках территориальной целостности Грузии. Но если Грузия готова будет пойти на признание независимой Абхазии, то возможно ли в этом случае с твоей точки зрения рассматривать вопрос о возвращении беженцев?

Вальтер Кауфман – У меня скорее комментарий к Ираклию. Во-первых, я должен сказать, что я был в восторге от всех презентаций. Я предлагаю, чтобы все презентации, которые есть в письменной форме, смогли бы получить все участники конференции в электронной форме, чтобы над ними работать и представить своим аудиториям, это же главная цель, мы об этом будем говорить сегодня и завтра. Чтобы до того, как будет публикация, материалы были бы на руках, это касается и сегодняшних презентаций, конечно. Низкий поклон Ираклию, потому что тема, которая обсуждается здесь очень-очень болезненная тема в самой Абхазии. Поэтому тот факт, что мы тут спокойно обсуждаем все эти очень болезненные для Абхазии вопросы, по-моему, это уже большой плюс этой встречи. То, что Ираклий сделал такой спокойный хороший доклад, мне очень понравилось. Но тут есть моменты, которые я ставлю под вопрос. Некоторые факторы были названы, о которых я хотел бы поговорить. Обычно именно миротворцы, люди, которые работают с обществом и верят в какой-то мере в то, что общества меняются, что они подлежат динамике, но в этом докладе личные факторы были приведены как факторы, которые нельзя изменить. Они есть, значит, надо исходить из них даже на более далекое будущее. Сегодня существует в том числе ненависть, иные психологические факторы, а также недостаток или нехватка социально-экономической инфраструктуры. Все эти проблемы существовали и существуют и в других конфликтных регионах, но они преодолимы в какой-то степени. Если существует политическая воля, то они преодолимы, над ними можно работать, их можно изменить. Я имею очень большие сомнения насчет того, что именно молодые ВПЛ являются особенными, явными носителями

ненависти, я думаю, что Интернет тут плохой информатор. Я даже могу войти в Интернет и доказать, как британцы ненавидят немцев и как страшно ненавидят фонд Белля в Грузии, я легко это смогу доказать с помощью Интернета. Именно Интернет-форумы являются форумами для тех, кто является самым активным в распространении часто самых агрессивных сентенций. Я думаю, не стоит делать слишком далеко идущие выводы из этих материалов. Другая проблема – интеграция гальцев. Я думаю, что это очень важно и очень рад, что мы услышали о практических шагах абхазской стороны. Но если это делается с надеждой, что этим закончится вопрос, и что гальцы являются гарантией, что другие вернуться не хотят и не могут, что мы решили проблему гальцев и все – тогда возникает потенциальный конфликт между гальцами и другими грузинами. Значит, гальцам позволяется, они хорошие, а другие – нехорошие и поэтому этим решается конфликт. Другой вопрос, что я на сегодняшний день вижу, что приоритетная задача – это Гальский район. Но только Гали – это немножко проблематично. Вообще относительно вопроса интеграции, мне кажется, что трудно будет интегрировать грузин в Грузии с такой постановкой вопроса, что они не вернуться, что они должны интегрироваться, потому что нет другого выбора. Обычно интегрируются легче те люди, у которых есть выбор, есть какая-то возможность и поэтому сделать это опять некоторой политической постановкой, что это так должно быть и больше нет никаких возможностей, сложно. Отчуждение – да, оно без сомнения существует. Оно является большой проблемой. Но опять, конечно, косовский прецедент дает такой пример, что люди должны доказывать, как они отчуждены друг от друга, что нельзя жить друг с другом, потому что большая вражда и т.д. И потом они получают признание. Это опасный прецедент, и я сомневаюсь, что ему нужно следовать... я понимаю, почему это делается политически, потому что получается, что это весомый аргумент, но я все-таки сомневаюсь.

И последнее – это олимпиада. Я не совсем понял этот аргумент. Олимпиада вызовет подорожание имущества в Абхазии, да? Поэтому будет сложно или нежелательно решить этот вопрос компенсации или возвращения имущества... я все это говорю, конечно, не отрицая, что все эти проблемы существуют. Как проблемы я их по-

нимаю и признаю, но как аргументы, что это в принципе так должно быть, что это исходящие проблемы – я это не принимаю. То, что я принимаю, как это было сказано Паатой и другими, конечно, главная политическая проблема – демография и сохранение статуса и сохранение вот этой демографической безопасности. А все остальные факты, которые были приведены в качестве аргумента, я ставлю под вопрос.

Ираклий Хинтба – Спасибо за вопросы. Хотел ответить на комментарий господина Хаиндрава. Не знаю, может быть, я неубедительно говорил или вы меня невнимательно слушали, я не знаю в чем причина. На самом деле я говорил, что тот факт, что постановление парламента Абхазии, в котором грузинские беженцы или де-факто беженцы признавались эмигрантами из Республики Абхазия, не было принято, т.е. факт непринятия этого постановления, на мой взгляд, это позитивный факт. Руководство Абхазии не дало ход развитию истории с этим постановлением, а также закону, который должен был быть принят на основе этого постановления. Именно это дает возможность в случае, если для этого будут созданы условия, задействовать вариант выплаты компенсаций. То есть, так как эти люди не признаются эмигрантами, соответственно, их имущественные права признаются, то, как вариант, возможна выплата компенсаций. Потому что, если это действительно поможет избежать этнического дисбаланса, который является главным источником конфликта (помоему, это всем совершенно очевидно), то почему не задействовать такой вариант? Поэтому та претензия, которую вы высказали в мой адрес, не имеет отношения к тому, что я говорил.

Теперь про обрывки правовых норм. Я говорил о том, что руководство Грузии не признает вернувшихся в Гальский район людей возвратившимися. Оно препятствует проведению верификации и говорит, что эти люди не вернулись, и они являются ВПЛ и, соответственно, они учитываются при подсчете общего числа ВПЛ в Грузии. И вот я хотел спросить: почему эти люди не считаются вернувшимися? Укажите, какие международно-правовые нормы говорят об этом? Как это можно на правовом уровне доказать? Потому что в реальности они вернулись. Они живут, опять же, по месту своей про-

писки, в конце концов. Они живут в своих домах. Я не понимаю этого, к сожалению.

Был вопрос Лианы – очень сложный о том, будет ли готова Абхазия вернуть беженцев в случае признания независимости Абхазии. Я не успел раскрыть, к сожалению, некоторые темы своего доклада. И, в частности, одна из этих тем – это частичное возвращение грузинских де-факто беженцев, то есть речь идет о тех людях, которые не участвовали в войне, которые могут вернуться согласно четырехстороннему соглашению, а также тех, кто реально хочет вернуться, тех, кто имеет действительно такую мотивацию. Мне кажется, что этих людей гораздо меньше, чем то число, которое сейчас дается грузинским руководством. В случае признания независимости Абхазии, Абхазия сможет обеспечить репатриантов из Турции паспортами, которые позволят им выезжать за пределы Абхазии, путешествовать по миру. Сейчас же какая проблема? Мы можем возвращать этих людей, но в связи с тем, что абхазские паспорта не признаются мировым сообществом, Россия этим людям паспорта выдавать не будет, потому что мы прекрасно знаем, что Россия все-таки препятствует репатриации из Турции, например, в Адыгею на своей территории. Она считает, что это усиление исламского компонента, усиление антироссийского компонента, потому что считает, что большинство репатриантов очень негативно настроены против России. Некоторые представители диаспоры считают, что Абхазия не должна иметь никаких отношений с Россией, не понимая при этом реальной ситуации. Не понимая той ситуации, что Россия сейчас – это единственная страна, которая, так или иначе, способствует нормальной жизни в Абхазии, то есть способствует тому, чтобы удовлетворялись социальные, экономические и политические права, например, право на перемещение – чтобы этими правами население Абхазии в полной мере обладало. Я, например, не считаю, что правомерно говорить, что нас подтолкнули в Россию или к России. Речь идет не об этом. Речь идет о том, что у нас не то, что не было другого выхода, а мы сами пошли в сторону России, потому что Россия нам предоставила те блага, которые нам были необходимы для нормальной жизни, для того, чтобы не чувствовать себя находящимися в загоне животными, а чувствовать себя нормальными полноценными

людьми. И мы имеем право на это. Мы имеем право на то, чтобы ощущать себя полноценными людьми и полноценными гражданами. Если процесс репатриации будет эффективен, то тогда можно согласиться на частичное возвращение беженцев. Главное, опять же, чтобы обеспечить такую демографическую ситуацию, которая не вызвала бы того, что произошло в начале 90-х годов. Главное, чтобы вновь не произошло войны. Вот мы говорим – право на возвращение. Это, действительно, очень важное право, но бездумная реализация этого права может привести к колоссальным нарушениям, массовым нарушениям прав человека. Вы понимаете, о чем я говорю?

Вальтер спрашивал о вечных факторах ненависти, нехватки инфраструктуры и т.д. И Вальтер сказал о том, что все эти проблемы преодолены в мире в аналогичных ситуациях, преодолимы и где-то преодолены... вы не сказали, что преодолены? Я услышал по-другому. Опять же, мы можем сослаться на пример Косово, на пример Израиля. Есть примеры, когда те факторы, о которых мы говорили, действительно играют существенную роль, и они признаются мировым сообществом. Признается же, что есть ненависть, что невозможно сосуществование? Это все признается. Вы приводили пример, что британцы пишут на форумах о немцах и т.д... это просто националистические игры двух независимых стран, это обычная практика, но здесь речь идет о другом. Здесь речь идет о ситуации, когда от этого зависит мир, спокойствие и все остальное. А насчет того, что молодое поколение... вы знаете, я имею опыт общения с молодым поколением, в том числе в Москве. И вы знаете, ненависти меньше на становится. Это мой личный опыт.

По поводу интеграции гальцев. Вообще, это естественный процесс то, что гальцы вернулись в свои дома, потому что... ну, как было не возвращать гальцев? Тогда это была опустевшая, криминализованная территория. Это естественный процесс и что самое главное – это позволяло абхазскому руководству перехватить инициативу в решении проблемы беженцев, это позволяло отвести обвинения в этнической чистке, которые нам предъявлялись, в первую очередь, на саммитах ОБСЕ. Вот вы сказали о том, что остальные будут говорить: «вот гальцы приехали, значит, им можно, а нам нельзя?» Опять же Гальский район это район компактного проживания грузинского на-

селения в Абхазии и возвращение туда не рассматривается как угроза возобновления военных действий в Абхазии. К гальцам многие в Грузии, между прочим, относятся тоже не очень хорошо, как к коллаборационистам, к некоторым из тех, кто сотрудничает с абхазами. А к беженцам, которые находятся на территории Грузии, тоже плохое отношение общества в целом. Вот я читал доклады, в которых написано, что они изолированы. То есть, это такая двусторонняя проблема.

И, наконец, Олимпиада. Действительно, в связи с тем, что Сочи выиграл заявку на проведение олимпиады, цена на собственность на близлежащих территориях, в том числе в Абхазии начинает возрастать. Если вы наведете справки о цене на недвижимость в Абхазии, то вы увидите, что буквально на глазах она растет. Поэтому компенсационные претензии, естественно, с каждым днем будут становиться выше и выше, потому что люди понимают, что цена растет, и почему в этой ситуации они должны просить мало? Я говорю, что это может привести к тому, что вариант компенсации просто станет невыполнимым финансово без серьезного участия международных организаций... естественно, если будет участие международного сообщества, в том числе Европейского Союза, то, думаю, это было бы возможно. Кстати, мы в Абхазии сами можем изыскать какие-то средства для компенсации. Например, государство может национализировать ту собственность, которая во время войны была присвоена, но при этом превышает объективные потребности человека. То есть, например, человек потерял дом, он переселился в дом беженца, человека, который уехал из Абхазии, но при этом захватил еще несколько домов. Сейчас идет инвентаризация жилого фонда, возможно в этом формате можно каким-то образом подступить к решению этой проблемы. И вот это национализированное имущество может быть продано, а потом из этого могут изыскиваться средства для компенсации. Но это очень серьезное испытание на прочность для Абхазии, очень серьезное испытание. Таким образом, мы могли бы продемонстрировать, что мы государство, которое может принять формальные правила для всех случаев. Это как вариант, я не говорю, что надо сделать завтра... главное предлагать и анализировать какие-то варианты. Они могут быть безумными, неинтересными, но, тем не менее, они необходимы. Спасибо.

Паата Закареишвили – При каких условиях можно видеть возвращение перемещенных лиц в Абхазию? Безусловно, условия могут быть разные. Во-первых, я согласен, что не может быть прямых формальных параллелей с планом Кофи Аннана по Северному Кипру. Но, если по существу подходить – то очень важно наблюдать, как международное сообщество старается выйти из подобных сложностей. Для меня важно увидеть принцип подхода международного сообщества к таким тупиковым вопросам, как Кипрский. Четко вырисовывается подход – зафиксировать и исходить из той реальности, которую создали сами конфликтующие стороны. За всю историю Кипра, всегда на острове было смешанное население. Деревни были турецкими и греческими, но города в основном были смешанные. Но во время войны остров естественно разделился на две зоны, а потом уже международное сообщество стало с этим считаться. Так удобнее, потому что стороны в целом самый пришли к такому формату. Несмотря на то, что Европа становится все демократичнее, либеральные ценности становятся более приемлемыми для большинства населения, но в подходе разрешения конфликтов Европе и цивилизованному миру приходится считаться с этническими, религиозными и с другими преמודернистическими ценностями. С такими позициями считаются и в Косово, и на Кипре. Нечто подобное я вижу и в грузино-абхазском конфликте. Здесь явно просматривается этническое составляющее. Без сомнения, на раннем этапе конфликта, политически компонент присутствовал в более устойчивом виде, но после завершения вооруженного противостояния этно-территориальный компонент стал доминирующим в грузино-абхазском конфликте. Соответственно, без преодоления этнического отчуждения невозможно будет решить наш конфликт. И, скорее всего, международное сообщество, с такой позицией выйдет на нас, когда они решат, что настало время решать грузино-абхазский конфликт и надо что-то вкладывать в это. Этнический компонент они обязательно будут учитывать. Поэтому, я все-таки допускаю сравнение грузино-абхазского конфликта с кипрским конфликтом, хотя, конечно, различия сразу же бросаются в глаза.

А при каких условиях беженцы могут вернуться в Абхазию? Между нами большая стена. Это война, кровь, отчужденность, это

слишком отдаляет друг от друга. Но между нами есть и много общего тоже. То, что Гальский район существует в Абхазии, это не просто добрая воля абхазов, скажем так. Эти люди – близкие вам люди. То есть, вы их понимаете, очень много общего между абхазами и грузинами, проживающими в Гальском районе. Может быть, я субъективен, но такой близости не могу найти между армянами и азербайджанцами, например, или между турками и греками, между албанцами и сербами. Смешанные браки с грузинами – это все-таки естественное явление даже сейчас для абхазов, для тех, кто на такой брак решается. Это не какой-то крайний или редкий случай. Я более конкретно вижу возвращение, чем даже политическое решение. Для меня политическое решение более туманно. Я не вижу сегодня, как оно будет решаться. Оно, конечно, как-то будет решаться, но я не вижу контуры политического решения. А вот возвращение, когда оно будет, то его можно представить более конкретно. Это для меня более понятно и более естественно...

Эрин Муни – Я назвала это возвращением большинства, поскольку так оно и было в первые четыре года после подписания мирного соглашения. Процесс возвращения шел автоматически. Это было самым легким этапом в общем процессе возвращения. Но самым сложным был этап, когда люди возвращались туда, где они будут национальным меньшинством. Потребовалось много усилий для того, чтобы обеспечить свободу передвижения, безопасность, предоставить или помочь восстановить жилье. Учитывая все эти усилия, можно сказать, что возвращение большинства и меньшинства практически одинаковое, 60 и 40%, 465 000 представителей национального меньшинства вернулись.

Проблема заключается в том, чтобы обеспечить поступательный процесс возвращения. Требуется не просто предоставить жилье. Необходим целый ряд мер по поддержке: обеспечить занятость, не допустить дискриминацию, обеспечить доступ к социальным службам. То же самое требуется и при возвращении людей, относящихся к национальному большинству. Я хочу привести очень наглядный пример, касающийся спонтанного возвращения в Гальский район в 1998 году. Тогда международное сообщество помогало восстанов-

ливать дома. Но так как никто не обеспечивал мирный процесс и безопасность, обстановка накалилась, и конфликт вспыхнул снова, люди были в очередной раз вынуждены бежать. Основным моментом в процессе возвращения было обеспечение права на возвращение и предоставление жилья. Необходимо больше условий, чтобы обеспечить этот процесс. В Боснии мы уже 13 лет пытаемся разрешить эту проблему. Людям предоставляют жилье, но как сделать так, чтобы они смогли остаться?

Основным вопросом является создание таких мер, а также определение роли гражданского общества в этом процессе. У меня вопрос ко всем вам. Подписание соглашения по Боснии помогло всем этническим лидерам обрести уверенность, так как территориальные сферы влияния были разделены. Были созданы различные субъекты по этническому признаку. Происходит ротация на уровне президентской власти также по этническому признаку. Таким образом, этнический компонент является очень важным. Наш коллега из Боснии на примере данных муниципальной статистики показал, какая была ситуация до войны и после войны. Какие конкретные меры может предпринять гражданское общество в развитии миротворческого процесса с самых низов и доверху в этом плане, и как это может повлиять на ситуацию, какие предпосылки создать, чтобы политические лидеры смогли воспользоваться этими предпосылками и быть уверенными, что в дальнейшем они получают развитие? Как подготовить народ к мирной жизни? Я думаю, что в случае с Боснией этого сделать не удалось. Мне интересно, сможете ли вы и мы в международном сообществе сделать правильные выводы из всего этого и избежать подобных проблем в решении вопроса грузино-абхазского конфликта? Я знаю, были предложены интересные инициативы, хотелось бы выяснить, какая поддержка им требуется, и что уже возможно на сегодняшний день.

Юлия Харашвили – Я хотела бы поблагодарить всех четырех спикеров за очень интересные и содержательные презентации. Особенно хотела бы поблагодарить Ираклия за две вещи. Первое – за то, что он попытался честно представить страхи, опасения и предпочтения абхазской стороны, связанные с возвращением, с возможным переде-

лом собственности, последствиями олимпиады, а также отношение к интеграции в Гальском районе. И второе – за то, что... Ираклий, я буду говорить о своих допущениях. Наверное, вам хотелось как-то примирить положение защиты прав человека... то есть, внутреннее убеждение, что люди имеют право на возвращение с какой-то реальностью и поэтому вы решили предложить новые термины, которые хотя бы и де-факто обуславливают... де-факто беженцы – это новый термин, но... можно я договорю, Батал? Я высказываю свое мнение. Я думаю, что молодой политолог пытается решить какие-то сомнения в пользу пострадавшего, как это всегда полагается. И я думаю, что в принципе то, что касается терминов «внутренне перемещенные лица», он как бы узаконен в 1998 году принципами внутреннего перемещения и с этим согласились все правительства, в том числе и ваше правительство после визита сначала доктора Денга в 2000 году, потом доктора Кенина в 2005 году. ... просто правительство на это согласилось, скажем так. Вот вопросы, которые у меня возникли. Сначала, наверное, скажу о молодежи, потому что с молодежью много работаю и мне кажется, что вам просто сильно не повезло, если вы встречались именно с такой молодежью с обеих сторон, которая сохраняет очень много ненависти. Мой личный опыт и здесь сидят мои коллеги с абхазской стороны, которые работали в молодежных проектах много лет, я думаю, что это было как-то более или менее общее представление, что как раз у молодого поколения может быть более трезвый взгляд на жизнь, но меньше личных эмоций, они как-то могут дистанцироваться, иногда пытаться анализировать, у них нет информации. И я еще раз в этом убедилась, и еще раз убедилась в том, что все время пытаемся адвокатиловать или лоббировать, не знаю как правильно сказать, также и с международными организациями, что необходим очень широкий формат молодежных встреч для того, чтобы не возникали вот такие впечатления, что образ врага среди молодежи сильнее, чем среди старшего поколения. Да, среди старшего поколения существуют традиции, опирающиеся на наше родство, на наши дружеские отношения, на соседство, на коллег по работе, на все то, что составляло наш дом вкупе со зданием, в котором мы жили и которое пока продолжает существовать виртуально, это очень крепкие связи, которые не позволяют развиваться очень негативным эмоциям, поэтому я бы не

сказала, что вообще у перемещенных лиц существует отношение к абхазам как к врагам. Существует очень неправильный с моей точки зрения миф, что в абхазском обществе такое же отношение. Почему, собственно говоря, есть такое агрессивное отношение к России, что выход России из процесса позволит нам дружески заключить друг друга в объятия. Я знаю, что это не так. Но такой миф существует. И может быть, вы не те форумы читаете, которые надо. Я вам могу несколько форумов порекомендовать, где вы почитаете немножко другую информацию. Но опять же, для меня это очень важное свидетельство того, что необходим широкий международный диалог. Необходимо людям давать общаться и видеть друг друга, говорить друг с другом и вот эти стереотипы разбивать. Мне кажется, что это очень важное следствие вашего доклада.

Про Косово хочу спросить. Сейчас это очень широко цитируемый фактор. У меня вопрос – вот вы лично согласились бы на вариант Косово с международным протекторатом в обмен на национальное правительство, с обязательствами по возвращению беженцев – перемещенных лиц, то есть со всеми теми пунктами, которые зафиксированы европейским советом в тех условиях, на которых предполагается что это будет независимым.

Еще один провокационный вопрос. Потому что меня это правда интересует. В Грузии обсуждалось очень много возможных сценариев. Мы уже исходя из своей ситуации стали очень подозрительными и даже в очень хороших предложениях. И я вижу, что это у всех. Все наши общества пострадали от войны, у всех эта подозрительность присутствует. Вот такое подозрение в среде перемещенных лиц из Абхазии присутствовало, что наше правительство в какой-то момент для достижения своих политических целей могло бы пойти на такое сепаратное соглашение с абхазскими властями о формальном признании территориальной целостности со стороны Абхазии в обмен на лимитированное возвращение перемещенных лиц. То есть, не общее... не то, что декларируется... то есть, это никогда никто не озвучивал, но это такое подозрение, которое за спиной иногда фигурировало... и вот такой вариант был бы приемлем для Абхазии – обмен одного на другое. Извините, это действительно может быть провокационный вопрос, но...

... в ответ на не признание Абхазии, а включение ее в состав общего грузинского государства формально, в ответ на это – отказ от возвращения. Были такие подозрения, что такой сценарий тоже мог бы рассматриваться. Насколько такой сценарий рассматривался в Абхазии?

Еще одно то, что я вывела из многих разговоров и презентаций – это то, что очень большое значение... это как бы вслух не называется, но мне кажется, что это очень важно – это финансовый аспект всех этих вещей. Аспект возвращения, аспект интеграции... интеграция на самом деле требует очень больших денег – это понятная вещь. Возвращение, наверное, требует гораздо больших денег, хотя при этом совмещается с посылом прав человека. У меня вопрос в этой ситуации к Эрин и к международным организациям, присутствующим здесь. Насколько, если будет признан дифференцированный подход, если официально, скажем, будут заявлены обе концепции, которые и сейчас заявлены... грузинское правительство заявляет обе концепции – и интеграции, и возвращения и заявляет, что это не противоречит друг другу. Насколько международное сообщество готово будет вкладывать в обе возможности? То есть, если будет какая-то программа возвращения, где будут финансироваться люди, вернувшиеся, будет это Гали, Очамчира, Сухуми – не знаю... и будут люди получать пособия и будет местное сообщество получать определенные бенефиты, естественно, для того, чтобы оно могло этих людей принять, Будут ли при этом также финансироваться люди, которые захотят интегрироваться в грузинское сообщество? Я знаю, что это сложный вопрос и все-таки хочу спросить.

Один короткий вопрос потом будет к Баталу. Не вопрос, вернее,... я хочу сослаться на твое вчерашнее выступление, когда ты говорил, что какие-то вопросы можно все-таки дискутировать. Соглашение, которое упоминал Ираклий, там не говорится прямо, что люди, воевавшие не могут вернуться, там говорится, что им не обеспечиваются условия безопасности. У меня вопрос – в вашем понимании – это не обеспечивается именно тем людям, которые воевали или членам их семей тоже? Или вы видите, что в случае выполнения этого соглашения, что семья разрывается и возвращается скажем жена с детьми, а муж остается в Грузии? И последний вопрос к Паате. Паата сказал,

что у нас не ведется никакая пропаганда интеграции. Я с этим не совсем согласна. Потому что, скажем, пропаганда государственной стратегии, которая проводилась всем неправительственным сектором, работающим по проблемам перемещенных лиц, была очень активной. Только наша организация 152 информационные встречи провела, где они объясняли, что такое интеграция и почему это хорошо. А таких организаций было очень много. Это и фонд «Сухуми», фонд и миллион других... ну, не миллион, но, по крайней мере, 30 организаций. То есть, это, наверное, не надо сбрасывать со счетов. Эта информационная кампания в течение двух лет проводилась довольно активно. То есть, говорить, что совсем ничего не делалось для того, чтобы поддерживать возможность сбалансированного разговора о возвращении и интеграции, наверное, неправильно. Спасибо.

Сабина Фишер – Я хотела бы поблагодарить выступавших за интересные доклады. У меня вопрос к Юлии. Можете ли Вы дать нам представление о процентном соотношении тех ВПЛ, которые хотят вернуться и тех, кто хочет интегрироваться в Грузии? Я хотела бы узнать, на чем основывается их выбор, и каковы их ожидания. Я понимаю, что очень сложно определить количество и процентное соотношение, но мне интересно ваше мнение. И в продолжение выступления Пааты, мне бы было интересно узнать мнение Эрин и Сабины относительно его предложения о постепенном возвращении ВПЛ в Абхазию. Как вы считаете это возможно в случае грузино-абхазского конфликта?

Юлия Харашвили – Я не могу предоставить вам процентное соотношение, так как оно варьирует в зависимости от условий. Это также зависит от того, будет ли осуществляться процесс возвращения на основе международных гарантий, будет ли он проходить под юрисдикцией Грузии или под юрисдикцией Абхазии. В действительности, когда этот процесс станет возможным, все будет зависеть от условий, на которых он будет осуществляться. У нас есть данные соцопроса, я сейчас не могу назвать цифры, но во время перерыва я их уточню. Вопрос в исследовании стоял так: хотели бы вы остаться в Грузии или иммигрировать, если не удастся вернуться в Абхазию.

Рэйчел Клогг – Ираклий ранее обратил внимание на ключевой вопрос в наших дискуссиях: что мы подразумеваем под чувством справедливости. То, что в понимании одного человека является справедливым, в потенциале может вызвать недовольство или чувство несправедливости у другого. Я считаю, что это очень тесно связано с идеей правды и справедливости в целом. Об этом мы говорили вчера и снова вернулись к этому при выступлении Сабины утром. Я думаю, что очень актуально в этом контексте найти способы, чтобы поднять вопрос об ответственности, об определении военных преступников и об отправлении правосудия.

Мой вопрос заключается в следующем: насколько далеко можно продвинуться в этом вопросе в условиях, когда нет соглашения или хотя бы значимых рамок для переговоров о соглашении, нет также более широкой международной поддержки, в рамках которой можно было бы рассматривать хотя бы часть из этих вопросов? Как обсуждалось ранее, в Боснийском случае – это был самый решающий момент. Но всего этого нет в грузино-абхазском контексте. Мы снова попадаем в заколдованный круг. Очень актуальна потребность найти способы для обсуждения того, что случилось, найти способы выяснения меры ответственности разных сторон. Сабина говорила об идее создания совместных учебников по истории, на примере которых мог бы начаться процесс примирения. Но поскольку не существует согласованной структуры, которая специально занималась бы вопросами справедливости и правосудия – а вопросы безопасности и статуса очень тесно связаны с этим – мы не смогли бы продвинуться, даже если бы были бы соглашения по другим вопросам. Например, в Боснии сталкиваются с большими вызовами в процессе примирения и поиска правды. Мне бы интересно было услышать мнение участников обсуждения, в частности, Пааты и Ираклия насчет того, какой они видят перспективу в вопросах поиска правды и справедливости, принимая во внимания все сложности миротворческого процесса сегодня.

Селин Фрэнсис – У меня такой же вопрос. Сабина, какой оптимальный срок для процесса примирения, и в какой степени он возможен, если принять во внимание, что фактически нет мирного соглашения, и нет процесса возвращения?

Батал Кобахия – очень интересно, что наша конференция подходит к такой метафорической части, когда постепенно в вопросах, возникающих у участников, говорится о справедливости, о любви, ненависти и других эмоциях и чувствах, которые присущи нам всем. Это говорит о том, что мы нормальные люди. Поэтому я тоже решил, как и все задавать длинные вопросы, это всегда удобнее, чем короткие. Хотел моим коллегам, работающим в международных структурах задать такой вопрос и в том числе Рейчел, которая в течение практически 14 лет работает в абхазо-грузинском конфликте... я сейчас не хочу останавливаться на других, международное сообщество вкладывает огромные силы, ресурсы для поддержания миротворческих инициатив, построения мер доверия, снятия негативов, которые нам достались в результате войны. Скажите мне, пожалуйста, как вы считаете, насколько это возможно – построение мер доверия в условиях дискриминации абхазов? Что значит построение мер доверия в условиях политической, экономической изоляции Абхазии, в условиях, когда права абхазов... я имею в виду не только этнических абхазов, а населения, проживающего в Абхазии, ущемлены: право на образование, передвижение, безопасность, и никогда эти вопросы не поднимались. Мало того, когда Россия впервые сняла эти санкции, после чего как-то могли реализоваться эти права, многие европейские акторы возмутились тем, что Россия лишила их инструментов для манипулирования абхазами в построении мер доверия. Это вопрос к вам.

В связи с этим второй вопрос к Паате. Он тоже в этом контексте говорил. Я очень люблю, когда Паата использует такие метафоры. Он сказал, что в Кипре похоронили план Кофи Аннана. В связи с этим и с миротворческими инициативами в абхазо-грузинском конфликте у меня родилась идея во время твоего выступления. Если бы нужно было создать бюро похоронных миротворческих инициатив – на твой взгляд, кто по значимости должен был его возглавить из международных структур или игроков, участвующих в переговорном процессе?

И последний вопрос. Это даже не к Ивлиану, а ко всем. Мы часто апеллируем к понятию справедливости в разрешении грузино-абхазского конфликта и, особенно, к болезненной теме, когда гово-

рим о правах людей. И, разумеется, мы все апеллируем к правам. И для меня это действительно является очень важным. Для меня право на безопасность не только абхазов, но и грузинских беженцев очень важно. Мне не нравится, когда какие-то международные структуры или грузинские или абхазские политики предлагают некие модели и говорят: «Давайте посмотрим, что получится. Ну, переселим 150 человек, вдруг никого не убьют». А вдруг убьют? Вот такие эксперименты. Может быть, я не хочу никого оскорблять, но для китайцев нормально, где 3 миллиарда населения... для меня как для абхаза, представителя 100-тысячного населения, очень сложно предположить, что могут погибнуть еще 2-3 человека. Ивлиан, я уже как-то говорил на одной встрече в рамках этого процесса в Тбилиси, не в Париже, не в Стамбуле, не в Абхазии. Мне неудобно было бы об этом говорить в Абхазии. Я говорил об этом в Тбилиси, когда встречался с беженцами. Норвежский совет по беженцам, который обожает Юля Харашвили, пригласил меня в 1997 году на конференцию в Тбилиси. Там собирались психологи, и я был единственным, кто мог поехать из Абхазии... это был первый визит представителя абхазского гражданского общества. Я был потрясен, когда говорили о реабилитации перемещенных людей, беженцев, что практически все психологи говорили о том, что надо работать с той надеждой на возвращение, которую имели люди. Я сказал, что это заблуждение, нельзя у людей культивировать иллюзии, они должны адаптироваться там, где они находятся, чтобы они сами могли принимать решения. Я сказал, что невозможно возвращение беженцев. И вы знаете, Юля, какая была реакция. Странно, но человек пять ко мне подошли и сказали: «Большое вам спасибо, наконец-то мы услышали доброе слово». Я спрашиваю: «А вы кто?». Они: «Мы – беженцы». «Ну, а что я хорошего сказал? Я же вам сказал, что невозможно ваше возвращение». «Да, но нам наши политики, лидеры, власти в течение нескольких лет предлагают не распаковывать наши чемоданы, потому что завтра, именно завтра будет поезд в Абхазию, и мы сможем вернуться, и что нас там ждут, просто два-три лидера в Абхазии не хотят, чтобы возвращались». Вот это манипулирование справедливостью... конечно, это инструмент и тут ничего не скажешь. Репатрианты и беженцы... Ивлиан, я все понимаю. Но если апеллировать

к вашим представлениям о справедливости, это совершенно неуместно сравнивать два этапа. Абхазы имеют единственную родину – это территория Абхазии с четко очерченными границами, не последние пятьдесят лет, а тысячелетия. И мы не претендуем на другие территории. И нас выселяют именно из нашей территории. Почему абхазы все время говорят о возвращении в Гальский район? Потому что действительно Гальский район никто особенно не оспаривает, что последние 200-300 лет там смешивались абхазы, грузины, там есть различные фамилии, смешанное население. Но когда разговор идет о другой территории Абхазии... ведь в 20-х годах практически, кто воспользовался депортацией, которую осуществило российское самодержавие в отношении Абхазии? Ведь заселились грузины, армяне, русские, другие. В 50-60-е годы насильственное переселение грузин с их мест, возвращение обратно, почему их потомки не могут воспользоваться программой по интеграции в Грузию? Почему не снять эту болезненную проблему для того, чтобы мы верили в то, что понятие справедливости для нас актуально. Очень странно, кто сегодня против репатриации абхазов? Грузия, Россия, Турция. Вот вы тут очень даже находите точки соприкосновения. Очень многие и в Абхазии не готовы. Есть немногие люди среди диаспоры, которые не хотят, чтобы проблема репатриации решалась. Вопрос в том, что очень многие не хотят, и только абхазам это надо. Ну как в этих условиях мы можем говорить о балансе возможностей? И вообще сегодня очень странно говорить о возвращении беженцев... Паата, я не понимаю, ты видишь возвращение беженцев до политического урегулирования. Я все понимаю... но как ты видишь? Это называется – дорога на кладбище открыта. Только так можно сказать. Ну, как можно вернуть без политического урегулирования? Путь разрешения ты не видишь, а путь возвращения видишь. Вот я хочу знать, в чем ты видишь конечную цель этих людей... куда этот путь может привести? В их дома?

И еще один вопрос насчет внутренне перемещенных лиц. Ни разу почему-то не ставится вопрос о том, что большая часть населения Абхазии являются внутренне перемещенными лицами на территории Абхазии. Почему? Потому что в результате боевых действий население восточной Абхазии, части западной и помимо этого Гуда-

утский район, где не велись боевые действия, являются жертвами военного конфликта. Международное сообщество финансирует поствоенную реабилитацию в основном в Грузии. В Абхазии оно почти ничего не финансирует. Были программы, которые осуществлялись в Гальском районе. Я считаю, что нельзя только в Гальском районе финансировать ремонт крыш, когда все остальные села абхазские и иные в восточной Абхазии абсолютно были без кровли, без электричества, без воды. Ставят грузинскому населению на территории Абхазии крыши для того, чтобы вызвать и так имеющееся раздражение и негатив, что приводит к эскалации конфликта.

Сабина Фрейзер – В ходе предыдущего заседания Ивлиан задал вопрос, как можно назвать возвращение в Гали, возвращением большинства или меньшинства. Я считаю, что это возвращение меньшинства. Причиной является тот факт, что де-факто власти, контролирующие ситуацию в Гали, преимущественно абхазы. Для меня определение большинства или меньшинства напрямую связано с правящей там властью. Это не юридическое определение, но так как власть в Гали преимущественно абхазская, для меня это возвращение меньшинства, так как в случае возвращения все вопросы, связанные с правами вернувшихся, в основном ложатся на плечи властей, то есть абхазских властей. Это мое личное понимание вопроса. Я не думаю, что на этот вопрос можно дать какой-либо юридически обоснованный ответ.

Что касается языка диалога. Здесь я бы сказала, что особенно для Южного Кавказа нужно принять за основу рамочные конвенции по использованию языка, предложенные либо ОБСЕ, либо Советом Европы, в которых предусмотрено, что в случае если 20-30% населения является национальным меньшинством, то все документы должны быть двуязычные. В Абхазии документы должны быть на грузинском языке тоже из-за того, что там есть и грузинское население.

Я бы хотела снова привести пример Кипра. Моя позиция, как и позиция Международной Группы по Предотвращению Кризисов, такова, что нужно отложить обсуждение вопроса о статусе до тех пор, пока между сторонами грузино-абхазского конфликта не появится

ся больше доверия друг к другу. Разумеется, это очень важный вопрос. Очень сложно сказать, что нужно сделать в первую очередь, решить вопрос статуса или начать возвращение. Я хочу подчеркнуть, что в случае с Кипром, турецкие киприоты были готовы пойти на компромисс в вопросе о статусе. Изначально турецкие киприоты хотели иметь свое собственное независимое государство. Но согласно плану Аннана они пошли на компромисс. Они также пошли на компромисс в вопросе о территории и вернули значительную часть земли. Взамен этого они получили статус двуобщинной федерации, и им также пошли на уступки, мы говорили об этом вчера, было решено, что не все смогут вернуться, и что ТРСК сохранит численное превосходство турецкого населения. Чтобы подчеркнуть значимость компромисса со стороны турецких киприотов, принявших план Аннана, сегодня уже признано то, что решение по Кипрскому конфликту будет создание двухнациональной, двухзональной федерации, основанной на взаимном сотрудничестве, состоящей из двух государств, которая создаст новый Кипр. Этот очень значительный компромисс, который позволил рассматривать схему возвращения, о которой мы вчера подробно говорили.

Я хотела бы отметить одну вещь по вопросу об определении статуса и порекомендовать всем вам, что говоря о ситуации в Косово, вам необходимо ознакомиться с планом Ахтисаари. Этот план вызвал множество разногласий, а я считаю, что план содержит много полезных для всех нас вещей, особенно в вопросах касающихся децентрализации и прав национальных меньшинств, и в особенности прав сербов в Косово. Давайте вспомним, что в Косово проживает приблизительно от 80 000 до 100 000 сербов. Некоторые из них живут в северной части Косово, а некоторые в анклавах, находящихся в разных частях Косово. Примечательным является тот факт, что план Ахтисаари предоставил Сербии огромные возможности напрямую заниматься проблемой сербов, живущих в Косово.

Сейчас более подробно о вопросах, которые были мне заданы, относительно того, когда должно наступить примирение. Я действительно считаю, что оно должно наступить еще до подписания мирного соглашения. Мы видим на примере Боснии и Герцеговины, что еще до подписания Дэйтонских соглашений, проводились встречи,

конференции и обсуждения между представителями разных этнических групп. Благодаря этому процесс возвращения прошел относительно быстро. Мне известно, что некоторые общины, которые были вынуждены бежать, даже во время войны поддерживали контакты со своими соседями в тех деревнях, где они когда-то жили. Факт того, что примирение случилось даже на низших уровнях еще до подписания мирного соглашения, стал основой для дальнейшего быстрого развития отношений уже после его подписания. Поэтому я считаю, что подобного рода встречи очень важны.

То, на что я пытаюсь обратить внимание доноров, это то, что очень важно проводить такие встречи, так как к моменту, когда может быть подписано мирное соглашение, должна быть некая платформа, основанная на понимании, общении, знаниях и взаимном доверии, и мы сможем двигаться дальше. Очень сложно добиться мгновенных и видимых результатов на таких встречах как сегодня, но я считаю, что это даст основу для решения проблем в будущем, при условии, что будет политическая воля и если будет политическое соглашение.

Что касается международного сообщества. Я согласна с Баталом в том, что очень важно для международного сообщества решить политические вопросы. Например, вопрос о снятии эмбарго с Абхазии. Этот вопрос важен для Евросоюза и Евросоюз понимает, что эмбарго существует, и что Грузию нужно побудить снять это эмбарго. Я думаю, что процесс уже идет. Я думаю, что грузинской стороне дали четко понять, что у них неправильная позиция в отношении Абхазии. И в этом смысле я считаю очень важным визит Соланы. Очень важно поддерживать заинтересованность Евросоюза и ООН в решении грузино-абхазского конфликта. К сожалению, как мы видим, и Юлия отметила это, что выделение средств на урегулирование грузино-абхазского конфликта значительно сокращается. Это происходит уже давно. Все то, что мы обсуждали вчера и сегодня, требует значительного финансирования. Поэтому очень важно поддерживать интерес ООН и Евросоюза к грузино-абхазской проблеме. И я считаю визит Соланы позитивным моментом. Нужно, чтобы было больше усилий, чтобы больше таких людей, как Солана, государства-члены Евросоюза понимали интересы обеих сторон, и грузинской и абхазской.

Эрин Муни – Был задан вопрос о том, захочет ли международное сообщество вкладывать средства в эти два типа решения: возвращение и обустройство в местах перемещения. Если отвечать коротко, то безусловно. Решение проблемы перемещенных лиц означает, что у них должно быть право выбора. Они сами должны решать возвращаться им или оставаться в местах перемещения. Все эти вопросы связаны с правами, о которых мы говорили вчера :с правом на свободу передвижения, выбор места жительства. Вот на чем базируются решения по вопросу перемещения. Как организация, основывающаяся на соблюдении прав, ООН стремится защитить право на выбор любого варианта решения. Именно это означает добровольное возвращение, осознанный выбор, когда человек понимает, на какие условия соглашается.

Важно отметить, что новая национальная стратегия также признает как право на возвращение и право на приемлемые решения в местах перемещения. Позиция ООН по этому вопросу такова, что оба эти варианта решения не считаются взаимоисключающими. На самом деле, улучшение условий жизни людей в местах перемещения может помочь лучше подготовить их к возвращению. Проживание людей в коллективных центрах в течение пятнадцати лет способствует их зависимости, изолированности от остального сообщества и ведет к маргинализации этой группы людей. .

Существуют также и вопрос ограничений. Были улучшения в положении перемещенных, но были также ограничения в праве на участие в голосовании, участие в экономической деятельности, на владение землей, и т.д. Когда появляется возможность осуществить широкомасштабный процесс возвращения, всегда лучше, чтобы те, кого собираются перемещать, были людьми, чьи ресурсы и возможности не пострадали от длительного перемещения. Мы не считаем, что оба варианта являются взаимоисключающими, скорее они дополняют друг друга , поскольку лучше готовят к возвращению тех, кто выбирает возвращение как вариант решения.

Паата сделал интересное замечание относительно того, что признание двух вариантов решения может стать важной мерой в укреплении доверия и снижении температуры в отношениях. Важно не ставить вопрос так: все или ничего, надо сохранять обе возможнос-

ти. Укрепление доверия может также осуществляться и на другой стороне в плане понимания положения тех людей, которые стихийно уже вернулись. Именно принимающая сторона оказывает помощь тем, кто вернулся, и на основе этого можно понять, какие условия необходимо создать для возвращения.

Здесь важен вопрос статуса лица, о котором я говорил ранее в связи с вопросом ВПЛ. Была целая дискуссия в международном сообществе, среди неправительственных организаций и правительств о том, когда ВПЛ перестают быть ВПЛ. Потому что, вопрос не в статусе как таковом. В отношении беженцев существует положение о том, что в определенный период лицо перестает быть беженцем. С ВПЛ это не так однозначно. Это постепенный процесс. Я знаю, что вопрос о постепенном возвращении был больше связан с географическим поэтапным возвращением, которое начнется с Гали, а затем и дальше. В соглашениях говорится о возвращении в “Гали в первую очередь”. Это скорее реалистичный подход, предполагающий возвращение сначала в один район и далее, но основные документы говорят о возвращении в более широком плане. Но возвращение – это всегда процесс. Люди не могут превратиться из ВПЛ в возвращенцев в одночасье. Опыт беженцев здесь весьма поучителен. Что касается УВКБ, то когда беженцы возвращаются, мы продолжаем мониторить их ситуацию. Проводить мониторинг важно, а, особенно, когда речь идет о предоставлении вернувшимся защиты, средств к существованию и т.д. Вернувшиеся находятся в переходном статусе, по крайней мере, 18 месяцев, а может быть 3 года в зависимости от ситуации. Так что нет никакого фиксированного срока. Идет непрерывное движение. Люди могут возвращаться в течение короткого периода времени, но потом снова уезжать. Некоторые члены семьи могут вернуться, а другие еще нет. Таким образом, сосредоточивание на терминах, являются ли они ВПЛ или репатриантами, не принесет пользы. Важнее говорить о том, какие необходимы условия в местах возвращения, чтобы преодолеть незащищенность, вызванную перемещением.

Ираклий Хинтба – Много было вопросов. Не знаю, успею ли на все ответить. Вот у вас, Юлия, был вопрос по Косово. Согласны ли абха-

зы на международный протекторат с обязательствами по возвращению беженцев? Да, действительно существует серьезное отличие случая Косово от абхазского случая. И в качестве такого контраргумента против отождествления выдвигается наличие международного протектората в Косово. Для чего был установлен этот протекторат, мы прекрасно понимаем – для того, чтобы прекратить насилие и самое главное сделать из Косово, может быть, это немножко грубо, но я думаю, что это близко к истине, сделать из криминального сообщества функционирующее, полноценное, современное, модернистское государство. И вот для этого был создан протекторат. Правительству Косово была предоставлена помощь в демократических реформах, в обеспечении прав меньшинств, в обеспечении борьбы с коррупцией, в обеспечении вертикальной и горизонтальной подотчетности и т.д. Что мы видим в итоге? Косово не стало демократическим государством ... (смена кассеты)

...мы добились этих достижений самостоятельно, в результате внутренних ресурсов, желания, возможностей демократического развития. Конечно, проблем очень много, я всегда об этом говорю, но сейчас просто на это нет времени. Поэтому мне кажется, что когда ситуация, которая существует в Косово фактически становится основой для признания этой территории, то мы, абхазская сторона, не понимаем, я думаю, что многие в Абхазии не понимают, почему к нам не может быть применен тот же подход? Мы больше отвечаем критериям функционирующего, состоявшегося государства, чем Косово, и это очевидно. Потому что Косово осталось тем же полукриминальным анклавом, каким оно было. Вот в чем проблема. И еще, это часть паннационалистического албанского проекта – я не понимаю как это не вызвало опасений Европы. Очень странно, честно говоря.

И очень коротко на вопрос Рейчел. Очень интересный и очень сложный вопрос. Я задумался над ним и обещаю, что отвечу вам позже, потому что у меня нет ни времени, ни возможностей ответить на него сейчас.

ЗАСЕДАНИЕ IV. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Бастиян Хермиссон – Я рад, что у нас здесь открытое пространство, где можно задавать вопросы и высказывать свои опасения. Важно, чтобы мы, используя это пространство, старались также, чтобы у каждого было достаточно времени, чтобы высказаться. Давайте попытаемся ограничить свои выступления во времени насколько это возможно. Я хочу поблагодарить всех наших участников дискуссии. Я думаю, это было чрезвычайно интенсивное и конструктивное обсуждение. Я многое узнал из этого обсуждения. Думаю, что эта информация поможет нам продвинуться вперед в заключительном обсуждении.

Вальтер Кауфман – Мы начинаем свою заключительную дискуссию. На самом деле она вроде бы уже началась с предыдущей сессии. Я предлагаю все-таки коротко задуматься о том, на чем мы будем фокусироваться во время заключительной дискуссии. Думаю, что один аспект, который нам как организаторам очень важен – это то, чтобы мы подумали о том, а что мы с собой возьмем домой от этой встречи, что мы у себя, в нашей аудитории будем представлять тем, которые не смогли присутствовать здесь на встрече. Вы знаете, что мы всегда приглашаем после этих встреч на публичные круглые столы, уже в среду будут у нас публичные дебаты по итогам вот этой конференции. Я думаю, что очень важно будет отдать отчет себе и тем, которые туда придут о том, в чем собственно были те аспекты, те предложения, те рекомендации, которые мы получили от международных экспертов, от международных гостей? Которые из них самые интересные, самые полезные в смысле дальнейшего развития для нас, какие из них требуют дальнейшей разработки для того, чтобы стали более понятными для нас. Потом, конечно, вопрос – какие были выступления или предложения с грузинской или с абхазской стороны, которые для нас самые интересные, самые конструктивные, с которыми мы дальше можем работать. Может быть, эти вопросы вы могли бы включить в свои выступления? Мы, международные организации, хотя мы очень разные, по размеру, по влиянию, но мы все-таки составляем некое сообщество. Я вам просто дам один пример. Я сегодня как раз прослушал

две лекции, два урока, которые не совсем новые для меня, но... Первый урок, который я достаточно давно в какой-то мере выучил, но все-таки его стоит повторять – какие форматы могут создавать международные организации, международные посредники, чтобы ни одна сторона не чувствовала себя ущемленной на этих встречах. И тут всегда возникает проблема с абхазской стороной, которая только на этих неправительственных встречах имеет равный статус. И это действительно проблема для продвижения в смысле возникновения доверия и к международным институтам, потому что вам постоянно предлагают что-то якобы очень привлекательное, но пока это только на словах. Я понимаю и я думаю, что это проблема для международных организаций. И второй вопрос, который был для меня очень поучительным – почему бы действительно побольше не заниматься вопросом репатриации потомков махаджиров и не только отрицательно относиться к этому вопросу, как я это до сих пор видел в кругу международных организаций, потому что если для абхазской стороны это такой важный вопрос, почему бы это не рассмотреть как действительно некий потенциал для того, чтобы превратить эту проблему из очень острой в менее острой. Уже серьезное восприятие этого вопроса может помочь более спокойно говорить о вопросе в целом. Я думаю, что опять возникает проблема, что надо что-то предложить, а не только требовать.

Оливер Воллей – То, что я усвоил из сегодняшнего обсуждения – это понимание того, что необходим широкий спектр условий, чтобы сделать такой процесс, как возвращение, возможным. Мы сегодня достигли более четкого понимания этих условий.

Глядя на общую ситуацию, я должен сказать, что я немного обеспокоен тем, как идет обсуждение, о том, как этот вопрос о возвращении беженцев и ВПЛ ставится в грузино-абхазском диалоге. Грузинской стороне не достает именно этих нюансов. Слишком большой акцент, например, Тбилиси делает на понятие территориальной целостности, а также тесно увязывает вопрос возвращения с вопросом о статусе. На многих уровнях вопрос статуса пытаются провести через заднюю дверь. Это способ политизировать вопрос. Обе стороны пытаются политизировать проблемы. Если кто-то хочет решить вопрос о возвращении вынужденных переселенцев, то нужно серь-

езно задуматься о том, как деполитизировать этот вопрос. Вполне понятно, что вопрос о статусе остается открытым вопросом. Это серьезный и законный вопрос. Но если не подойти творчески к тому, как создать широкий спектр условий для возвращения, то я скептически отношусь к перспективам решения этого вопроса. Я надеюсь, что обсуждение, в частности, на грузинской стороне, станет более углубленным, поскольку, с моей точки зрения, есть динамика на абхазской стороне, к которой они могут апеллировать. Я также думаю, что надо ставить вопрос перед абхазской стороной о том, насколько они готовы обсуждать возможности или условия процесса возвращения, в том числе, за пределы Гали. Я думаю, можно обсудить очень интересные темы за этим столом, где мы можем услышать, что прогресс может быть достигнут при условии обеспечения безопасности, если обращается внимание на опасения абхазов в связи с демографическими вопросами, если будут предприниматься меры по укреплению доверия, если будет обеспечено устойчивое экономическое положение людей. Если все эти вопросы будут решаться, то может быть положительная динамика. Это итог того, что я получил от нашего сегодняшнего обсуждения.

Вальтер Кауфман – Мы сможем вернуться позднее к обсуждению множества условий, упомянутых Сабиной, потому что полезно обсудить их более подробно. Джонатан предложил рассмотреть их позже.

Вячеслав Чирикба – Я думаю, то, что Вальтер сказал очень важно, что на международной арене очень мало пространства, где абхазы могли бы заявить о своих проблемах. Это один из немногих форумов, где мы можем встретиться как равные, иметь равную возможность изложить свою точку зрения на ситуацию. Я думаю, что международное сообщество должно взять на себя ответственность за непредоставление равных условий абхазской стороне для озвучивания своих опасений за пределами встреч неправительственных организаций. Абхазия является де-факто государством, и поэтому можно было бы относиться к ней с большим уважением, чем как к небольшой проблеме Грузии или только в разрезе грузино-абхазских отношений.

Как отметила Сабина, грузины не рассматривают тех грузин, которые вернулись в Гал, в качестве вернувшегося населения. Но даже ОБСЕ, УВКБ, и ООН закрывают глаза на этот факт довольно масштабного с точки зрения количества довоенного населения, возвращения в данный конкретный регион. Я думаю, что грузинское правительство запрещает и международным организациям считать их вернувшимися. Это искажает всю ситуацию и выставляет абхазскую сторону в плохом свете, что, на мой взгляд, является целью правительства Грузии. Это дисбаланс, который необходимо устранить. В том, что это до сих пор не произошло, я виню международное сообщество, те организации, которые занимаются нашим конфликтом. В отношении выступления Пааты, которое, как всегда, было очень интересным, я хочу сказать, что очень сомневаюсь, что возвращение беженцев является более простым вопросом, нежели политический вопрос. Я думаю, что это такой же сложный вопрос, как политический. Повторяю, я не думаю, что возвращение беженцев – это более легкая решаемая задача, чем политическая составляющая этой проблемы. Она настолько же фундаментальна. Это все хорошо объяснил Ираклий и другие участники, сам Паата. Это – демографическая безопасность и исходя из нее политическая безопасность в целом небольшой абхазской нации. Поднимается вопрос о каких-то территориальных уступках как плату за какое-то понимание в других областях, то, что мы видели в кипрском варианте, но я считаю, что ни Кодорское ущелье, ни Гальский район не могут быть предметами торга между Абхазией и Грузией в каком-либо контексте. Абхазия и так очень маленькая страна и совершенно невозможно представить ее дальнейшее фрагментирование. И тогда возникает вопрос, почему бы Грузии щедро не отдать Самцхе-Джавахети Армении, где проживает большинство армян? Почему не отдать Борчалинский район Азербайджану, если там большинство азербайджанцев? Вот такая логика ни к чему не приведет. Приведет только к новым конфликтам. Кстати о Кодорском ущелье. Сейчас мы находимся в Турции. В части Стамбула живут цебельдинцы, которых Россия депортировала в XIX веке. Там коренное население не сваны, которые спустились позже, а цебельдинцы, которые живут тут недалеко в городе Беледи. Почему им нельзя вернуться в родные села в Цебельде, возникает

такой законный вопрос. Я считаю, что территориальный аспект, уступки, обмен, торг насчет территорий – он совершенно контрпродуктивный и абхазская сторона на него не пойдет никогда в жизни.

Вопрос грузинских учебников и грузинского языка в Гали... никто в Абхазии не возражает, что это язык обучения в школах. Проблема в учебниках. Грузинская историческая доктрина, у которой сейчас на услужении теория Ингороквы о прищлости абхазов, конечно, мало чему может научить в рамках примирения абхазов и грузин. Абхазы, согласно ей, являются пришельцами в Абхазии. Этому учат детей. Я встречался с молодыми грузинами, которые заканчивали университет и даже Тбилисский, а потом и Оксфордский, у них совершенно превратное представление о грузино-абхазской истории вообще, об абхазах, об Абхазском царстве, об абхазском элементе в истории Грузии. Абсолютно неадекватная историческая истина. Поэтому очень важный вопрос об адекватных учебниках, которые более или менее адекватно отражали бы историю. Вопрос в основном финансовый. Это вопрос даже не политический, а финансовый. Нет денег, чтобы абхазские учебники публиковать даже для абхазских сел. Села в Абхазии одна из самых больных тем и в плане оборудования школ, и в плане компьютеров, которых нет и в плане учебников тоже. Международное сообщество опять же дает деньги Грузии, чтобы она выпускала книжки на абхазском языке в Тбилиси. Кому они там нужны? Я получал около 10 книжек на абхазском языке, которые выпущены в Тбилиси, для кого – непонятно совершенно. А почему бы их не дать Абхазии, чтобы в Абхазии делали книжки на абхазском языке для абхазов, живущих там? Опять же такой странный дискриминационный подход.

Очень хороший пункт, который поднял Джонатан. Я создал большой проект по восстановлению абхазского архива, который грузины с удовольствием сожгли во время войны. Ко мне обращались на веб-сайт, не зная, что я абхазец, грузины из Абхазии, которые сделали общество по восстановлению архива, сожженного сепаратистами. И у меня просили деньги на это. То есть, они проекты очень хорошо подают и очень хорошо этот бизнес изучили. Мы пока еще не изучили хорошо, поэтому мы терпим лишения от этого. Так что вопрос скорее не политический, а экономический. Вот вы здесь – предста-

вители международного сообщества – дайте нам деньги, чтобы эти учебники создать. Деньги нужно заплатить историкам, которые делают или переведут абхазские учебники на грузинский язык, и прекрасно все будут изучать их. Это в принципе все, что я хотел сказать.

Еще у меня общее замечание к организации – очень мало времени для дискуссий, для обмена идеями. В основном доклады и какие-то вопросы. Но наша цель здесь, я пришел сюда, чтобы не только послушать очень интересный и важный доклад, но все-таки обменяться идеями и с грузинскими коллегами и с западными коллегами. Но когда выделяется пять минут на обсуждение очень важных проблем, из-за которых мы сюда приехали, тогда возникает вопрос – а зачем мы вообще сюда приехали. Можно читать все эти вещи в Интернете и все.

Петер Лоизос – У меня есть несколько маленьких замечаний. Одно из них адресовано Вальтеру. Молодые избиратели греки-киприоты оказались наиболее негативно настроенными против принятия плана К. Аннана. Это следствие того, что система образования в последние 30 лет была ориентирована на воспитание националистического духа в молодых людях. Такое образование не делает ничего, чтобы подготовить молодежь к новым и позитивным отношениям с турками-киприотами. Это негативный урок, который можно извлечь из Кипрской ситуации. Он заключается в том, что если конфликт длится слишком долго, то ненависть, даже если она исторически не была вечной, будет культивироваться националистическим образованием. Так что не делайте так, чтобы ваш конфликт длился на протяжении 30 лет, потому что через 30 лет будет невозможно или слишком поздно для того, чтобы примирить ваши общества. Во-вторых, мой комментарий в адрес Ираклия. Я опасался, что вы считаете Израиль и Косово положительными прецедентами для вашего случая. С моей точки зрения, эти прецеденты имеют очень малую долю легитимности в глазах международного сообщества. Израиль осуждается за оккупацию новых территорий и отказ разрешить палестинцам иметь полноценное гражданство в стране, которая фактически стала моноэтнической. Будущее Косово в качестве субъекта международного права является хрупким и проблематич-

ным. Идея международного протектората не является для меня привлекательной. Это проблематичный статус. Это некое подобие колониального субъекта, поскольку международное сообщество в качестве управляющего не всегда принимает решения более обоснованные, чем те, которые могут принять сами местные жители. Я бы не хотел идти по пути международного протектората.

Кто-то задал вопрос по поводу того, когда человек перестает быть ВПЛ? Нужно различать юридические права и экономические потребности и последствия на эмоциональном и когнитивном уровне. Их не обязательно всегда рассматривать одновременно. Ваш правовой статус и ваше право на правовую защиту и государственную поддержку могут продолжаться в течение определенного времени, временные рамки зависят от конкретной политики. Ваши экономические потребности могут быть удовлетворены быстрее или медленнее, в зависимости от государства, в котором вы живете, в зависимости от его экономического потенциала, от того, насколько сильно это государство, наконец, в зависимости от вашей личной энергии. Беспокоит то, что так мало было сказано в течение двух дней и международными представителями, и местными экспертами о том, что внутренне перемещенные лица и беженцы – это реальные люди. У них обычно есть две руки, две ноги, мозги и много энергии. Если им дать возможность реализовать свой человеческий потенциал, они в большинстве случаев очень хорошо используют эту возможность. Но я не слышал, чтобы кто-нибудь здесь говорил об этом. Это упущенная возможность.

Большое спасибо за предоставленную мне возможность участвовать в ваших непростых дискуссиях

Арчил Гегешидзе – Я начну с замечания к организаторам, которое относится не только к этой встрече, но большинству других встреч, которые проходили в рамках других проектов. Во всяком случае, с моим участием, когда я сам присутствовал и сам наблюдал, принимал участие в этих встречах и допускаю, что и в других встречах, где я не участвовал тоже присутствовал один момент, на котором я хочу сейчас небольшое внимание акцентировать. Речь идет о том, что так складывается обычно, что с грузинской стороны собираются участ-

ники, которые в основном критически относятся к официальной политике, властям и в целом слышится критика, очень острая критика. Я не сказал бы, что эта критика необъективная, но время, которое отводится этой критике практически занимает все возможное время и не остается времени для того, чтобы поговорить и о других аспектах нашей жизни, где не все так плохо, как складывается впечатление после таких дискуссий. Тем более, что наши абхазские коллеги по понятным причинам очень остро критикуют грузинскую политику, грузинских политиков. И когда за этим всем наблюдают наши коллеги из международных организаций, я думаю, что они в принципе получают такое впечатление, что если где-нибудь плохо, то это обязательно в Грузии и если где-нибудь хорошо или нормально, что обязательно в Абхазии. И как бы получается так, что все беды идут со стороны Грузии, во всех грехах нужно винить Грузию как относительно довоенного периода, так и послевоенного периода. Я не отрицаю, что может быть львиная доля ответственности лежит на Грузии, но не во всем же можно винить Грузию и не во всем же можно оправдать абхазскую сторону? Это раз.

Второе. За последнее время как бы имеется попытка при оценке каких-то ситуаций... мне кажется, что делаются неправильные попытки неправильные оценки случившегося или того, что сейчас происходит. Я бы опять-таки не согласился с тем, что факта этнической чистки не было. Я, несмотря на то, что выслушал аргументы против этого, я все равно не убежден был в обратном, что этнические чистки как таковой не было. Все-таки эти люди недобровольно переместились, эти люди, если это перемещение было массовым бегством, то бегство откуда?... Что, всем приснилось, что им кто-то угрожает, необоснованно приснилось и они необоснованно убежали куда-то? То есть, они могли остаться, но почему-то убежали. Мне кажется, что им все-таки что-то угрожало и поэтому они переместились и это есть этническая чистка, иначе если не было никакой угрозы, тогда зачем же опасения у абхазской стороны, что после их возвращения, там будет какая-то дестабилизация, стычки на бытовой или иной почве произойдут...

Реплика – не слышно.

Арчил Гегешидзе – ...но эти люди ведь жили десятилетиями у вас пока не было войны?... Они воевали? Все 260 000?

Реплика – не слышно.

Арчил Гегешидзе – Значит, получается, что все 200 с чем-то тысяч человек, которые переместились в Грузию, они все военные преступники и вообще речи не должно быть об их частичном возвращении или связывания их возвращения с репатриацией и т.д. Тогда вообще нужно снимать этот вопрос и не было бы смысла вообще проводить эту конференцию на эту тему.

Второе. По возвращению беженцев в Гали. Я согласен, что конечно факт возвращения состоялся. 50 или 55 тысяч человек вернулись и это действительно нельзя отрицать. Я думаю, что грузинские власти факт возвращения не отрицают. Просто называют это спонтанным возвращением, потому что считается, что это возвращение состоялось не на необходимых условиях... это не было достойное возвращение в условиях безопасности. Потом довоенная статистика говорила, что там проживало 90 000 человек, а вернулось всего лишь 55 000 из которых 35 000 живут постоянно, а 25 000 каждодневно мигрируют в Зугдидский район, а остальные 35 или 40 тысяч вообще не возвращались. То есть, возвращение в Гальский район не завершено. Да, те, которые вернулись в свои дома – их можно считать вернувшимися, но проблема на исчерпана, не завершена. И то, что до сих пор не завершена, вот это меня беспокоит. Почему она не завершается? Почему не доводится стандарт их жизни или оставшееся количество все еще не возвращается? И почему эта проблема остается нерешенной? Я бы не совсем согласился с грузинским правительством в том, что оно считает или не считает вообще процесс состоявшимся. Конечно, он частично состоялся. И он не завершен.

И вопрос относительно агрессивности беженцев ВПЛ. Вот здесь было сказано, что это самая агрессивная часть грузинского общества. Одновременно было сказано Сабиной, что экскомбатанты самые толерантные друг к другу. Можно было понять, что это один из самых миролюбивых сегментов грузинского общества в этом отношении. Я бы не согласился, что ВПЛ самые агрессивные, здесь Юля

частично об этом говорила. Наши исследования, в том числе исследования, которые я проводил, вам известны другие исследования, которые проводила Юля, и другие еще проводили, вот эта книжка, которую под эгидой норвежского совета была издана, все это показывает, что этот сегмент нашего общества все больше становится толерантным и настроение примирения все больше возобладает.

Я бы хотел пройти по желанию абхазской стороны услышать, что бы они хотели от грузинской стороны, какие уступки или решения они бы хотели видеть во всем этом процессе. Конечно, признание независимости со стороны Грузии, это первое. В принципе – невозвращение ВПЛ, потому что столько было опасений, аргументов и прочее приведено, что в принципе мы приходим к такому мнению, что ни в обозримом будущем, ни вообще не допускается возвращение беженцев, если и допускается, чтобы были названы цифры максимум в 20 тысяч и то, если это будет увязано с возвращением репатриантов. Третье – подписание соглашений о невозобновлении под существующими гарантиями. Вывод вооруженных сил из Кодори. Многомиллиардные компенсации за причиненный ущерб во время войны. Снятие санкций. Потом никаких территориальных обменов. А взамен мы ничего не услышали. В чем могла бы абхазская сторона проявить гибкость, отступить или проявить гибкость и что взамен Грузия получила бы на весь этот неполный список желаний. Вот будем дружить и жить в добрососедстве и все. Это не создает почву или условия для конструктивного диалога. И, как сказал Ивлиан, это действительно ослабляет наши позиции, тех, которым все труднее становится сопротивляться этим аргументам и настроениям, о которых Паата тоже в своем выступлении сказал, националистические настроения в Грузии вырастают, особенно на фоне последних решений и действий России. Пространство для маневра все меньше и меньше становится, а позиция абхазской стороны такая же негибкая, жесткая позиция, максималистская позиция – это еще больше усиливает позиции горячих голов в нашем правительстве, что действительно очень чревато. Сегодня единственная сдерживающая сила – это не мы с Ивлианом или с Паатой, это есть Запад и какая-то перспектива НАТО, которая после апрельского саммита под вопрос ставится. А на фоне

усиливающейся экспансии России... тем более, если в декабре, как ожидается, не будет приятно положительного решения, то этот фактор тоже может начать испаряться и это уже будет очень серьезным сигналом для всех. Я имею в виду нас с вами.

И я все-таки перейду сейчас на второй вопрос, который не касается нашей дискуссии. Я согласовал это с нашими абхазскими коллегами и хочу воспользоваться этим случаем и проинформировать наших коллег из европейских стран и институтов, что в рамках одной программы мы договорились с абхазскими коллегами провести исследование по теме подписания соглашения о невозобновлении военных действий. Речь идет о том, как изучить – какие факторы мешали и мешают этому, и при каких условиях можно было бы подписать это соглашение. И, конечно, видения будут разными, эти условия будут разными, но тема эта одна и в принципе по структуре и по логике эти исследования будут проводиться приблизительно симметрично. И одна из глав этого исследования касается международного опыта подписания или не подписания подобных соглашений. И мы бы хотели посоветоваться с вами, уважаемые эксперты, какие случаи могли бы послужить для нас самым хорошим примером и с точки зрения успешности и безуспешности? Где сработало это соглашение, где не сработало, где попытки подписания этого соглашения увенчались успехом, где такие попытки провалились и почему? Одна из обзорных глав в абхазском, так и в грузинском исследовании будет присутствовать, поэтому мы бы приветствовали, если бы вы нам подсказали на что обратить внимание. Это Кипр, Северная Ирландия и другие примеры.

Вальтер Кауфман – Большое спасибо, Арчил. Арчил в принципе перефразировал вопрос: что абхазские коллеги могут предложить грузинской стороне для того, чтобы их позиция, грубо говоря, облегчилась. В смысле, мирная грузинская позиция. Как она может быть укреплена абхазскими коллегами? Было замечание и к организаторам, на которое я хочу коротко ответить. Да, у меня тоже такое ощущение, что тут что-то не совсем в порядке. Я бы не сказал, что мы приглашаем специально тех, от которых мы уверены, что они будут заниматься вот этим «Georgia-bashing» (клеймить Грузию). Мы ста-

раемся пригласить тех, кто выражает интерес к диалогу в этом процессе. И тут возникает проблема, что, к сожалению, те, которые обычно не занимаются «Georgia-bashing», они не очень заинтересованы в этом процессе. И в этом проблема. Это уже замкнутый круг, потому что они сюда не хотят, потому что они боятся, что будет именно «Georgia-bashing». Частично в этом проблема организаторов и вина организаторов, частично все-таки ответственность самих участников и грузинских, и абхазских. Если вам кажется, что мало звучало критического в осмыслении ситуации в Абхазии, то это меньше вопрос к организаторам, а к абхазским коллегам, если вам кажется, что слишком много было критики в адрес Грузии, то это вопрос и к грузинским коллегам. Поэтому я разделяю это, но не считаю, что сам могу это решить. Мы стараемся приглашать тех грузин, которые заинтересованы в диалоге. Грузины, которые не занимаются нападениями, не принимают наше приглашение. Это становится серьезной проблемой.

Каупо Канд – У меня есть вопрос к абхазам относительно абхазских беженцев и внутренне перемещенных лиц. Проводились ли какие либо исследования в отношении абхазских беженцев и внутренне перемещенных лиц, которые были вынуждены оставить свою ответственность в самой Грузии? Сколько таких лиц, и в соответствии с текущей политикой имеют ли они право на возвращение? Получили ли они какую-нибудь компенсацию за ту собственности, которую они оставили в другой части Грузии? У меня есть вопрос к нашим коллегам из Гальского района. Как вы считаете, соблюдается ли свобода передвижения в пределах Абхазии сегодня? Могут ли жители Гальского района Абхазии свободно перемещаться в Сухуми, чтобы попасть на работу, снять квартиру и найти работу в Сухуме. Я говорю о свободе передвижения в пределах территории Абхазии. Я также хотел бы сделать одно пояснение Ираклию. Я получил удовольствие от вашей презентации. Я думаю, что должно быть совершенно ясно, что позиции Запада, включая ЕС и США, и позиция Российской Федерации в отношении территориальной целостности Грузии не отличаются. Как вы знаете, Российская Федерация полностью признает территориальную целостность Грузии в пределах ее

международно-признанных границ. Запад придерживается той же позиции. Я не вижу никакой критики Запада по этому вопросу. По этой причине я бы сказал, что несправедливо игнорировать искреннее желание Запада предоставить помощь в разрешении этого конфликта, основываясь на признании Западом территориальной целостности Грузии. Запад действительно пытается быть третьим игроком, объективным игроком.

Запад пытается получить согласие всех сторон, прежде чем предпринять какие-либо шаги. По этой причине, вероятно, роль Запада была не очень видна. Но Запад избегает односторонних шагов, что нельзя сказать обо всех остальных действующих лицах и игроках в регионе. Если стороны потребуют от другой стороны не предпринимать никаких односторонних действий, но в то же время сами будут делать односторонние шаги, то я бы сказал, что это не искренняя позиция. Это подрывает усилия по достижению согласия всех сторон, которое необходимо для того, чтобы предпринять тот или иной шаг. ЕС не будет предпринимать каких-либо односторонних действий. Именно поэтому наша помощь не была быстрой. Мы действительно пытаемся найти точки соприкосновения.

Я думаю, мы видим некоторые позитивные примеры – Ингури-ГЭС, например. Если, например, ЕС не профинансировал бы реконструкцию и ремонт Ингури ГЭС я думаю, что половина Абхазии сейчас сидела бы в темноте и, возможно, половина Зугдиди. Таким образом, я считаю, что есть некоторые точки соприкосновения, есть некоторые положительные примеры, и мы действительно должны попытаться найти больше таких примеров. Я не знаю где, но мы должны попробовать их найти. То, что может сделать ЕС, это обеспечить помощь в развитии экономики. Визит Хавьера Соланы в Сухуми и Тбилиси помог найти общие интересы, чтобы восстановить разорванные экономические связи. Я думаю, что это является той областью, в которой ЕС может быть более активным, оказывать помощь и делиться опытом. Это может произойти только с согласия всех сторон. Это не будут односторонние шаги ЕС. Я надеюсь, что не будет односторонних шагов с любой другой стороны. В этих рамках мы можем обсуждать некоторые договоренности по восстановлению экономических связей между различными регионами.

Вторая возможность, которую ЕС сможет предоставить – это безопасность. В результате наши контакты в Абхазии и Тбилиси, мы понимаем, что есть опасение со всех сторон по вопросам безопасности. Я думаю, что вчерашние и сегодняшние презентации показали, что существуют проблемы безопасности для возвращающихся в Гальский район, а, возможно, и за его пределы. С другой стороны, из нашего общения в Сухуми, мы знаем, что абхазская сторона искренне беспокоится о своей собственной безопасности. Это экзистенциальная озабоченность так или иначе должна быть снята. Я верю, что ЕС может сыграть важную роль. Всеми сторонами ЕС рассматривается как беспристрастный игрок, который не предпринимает односторонних действий, не относится предвзято той или иной стороне. Вот почему я думаю, что ЕС предлагает решение по обеспечению безопасности для всех сторон, а не только для одной стороны, не только для возвращающихся внутренне перемещенных лиц, но и для местного населения.

Я не исключаю, например, возможность того, что во время наших встреч в Сухуми мы можем обсуждать вопрос Кодори. В Сухуми выражают обеспокоенность тем, что “ястребы” в Тбилиси готовят какие-то военные действия в Кодори. Я не исключаю, что в целях преодоления этой проблемы ЕС в принципе мог бы иметь какое-то присутствие на местах. Я бы поспорил на тему того, что присутствие ЕС на местах, даже если его миссия не военная, а гражданская, и даже если речь не идет о масштабном присутствии, принесет гораздо большую пользу в решении проблемы безопасности абхазов, будучи важным сдерживающим фактором для некоторых деятелей в Тбилиси, рассчитывающих на военную силу, чем 10 000 русских десантников из Пскова в Абхазии. Они находятся рядом с Эстонией, и мы их знаем очень хорошо.

Таков подход ЕС. Всем известно, что у нас нет консенсуса на данный момент в отношении многих вопросов по Грузии, особенно в ЕС, это не секрет. Но есть общий консенсус в рамках ЕС между всеми странами, что ЕС хочет быть более активным и рад оказать помощь всем сторонам. Это искреннее предложение. Я надеюсь, что стороны смогут понять, что это именно та роль, которую ЕС может реально играть. Эта роль является очень важной. Она может поддер-

живать стабильность. ЕС может помочь сохранить статус-кво для тех, кто в нем заинтересован, и он действительно может действовать в качестве сдерживающего фактора для некоторых сил. Я готов также утверждать, что присутствие ЕС на местах будет препятствовать попыткам любой третьей стране аннексировать территорию. Если стороны хотят поддерживать статус-кво, то ЕС может сделать это своим присутствием на местах.

Нателла Акаба – Я во-первых, благодарю организаторов. Мне это показалось очень интересной дискуссией. Темы были как раз очень актуальные и очень хорошо перекликаются с тем, чем сейчас я лично занимаюсь. И вообще гражданское общество Абхазии, мне кажется, созрело для того, чтобы дискутировать на эту, конечно, очень болезненную, но в то же время чрезвычайно важную для будущего Абхазии тему. То есть, проблема беженцев и проблема миграции в более широком контексте и репатриация. Но прежде всего я бы хотела отреагировать на ваши вопросы, хотя это не исключает того, что и сами гальцы дополняют мой ответ. Насколько мне известно, жители Гальского района имеют полную возможность передвигаться по территории Абхазии, и как тут уже упоминалось, многие из них работают на стройках по всей территории Абхазии, в том числе в Гаграх, в Пицунде, в Сухуме и в других местах. Другое дело, насколько они обеспечены документами. Вот этот вопрос опять встает и действительно он довольно острый. Не у всех из них есть полноценные абхазские документы. Тем не менее, определенные справки или формы № 9 у подавляющего большинства жителей Гальского района есть, и они имеют возможность передвигаться. Единственное – с этой формой нельзя пересекать границу по реке Псоу, то есть российско-абхазскую границу, для этого надо иметь паспорт Российской Федерации или какой-то другой. Кроме того, на сухумском рынке в последнее время довольно много гальцев, которые привозят свою сельскохозяйственную продукцию и торгуют там. Так что те, кто думают, что Гальский район превратился в какую-то резервацию, они заблуждаются, хотя конечно, очень много предстоит сделать для того, чтобы жители Гальского района почувствовали себя в большей безопасности во всех смыслах, то есть, чтобы они почувствовали себя

полноценными гражданами. Мне хотелось отреагировать на такое эмоциональное выступление Арчила, кстати говоря, для меня несколько неожиданными были некоторые его заявления. Но тем и интереснее наша дискуссия... Относительно этнической чистки... Наверное, все-таки нужны какие-то весомые основания для того, чтобы такое серьезное обвинение предъявлять. Насколько мне известно, ни одной миссии по установлению фактов, которая бы подтвердила наличие факта этнической чистки, в Абхазии не было. Была миссия в конце 1993 года, то есть сразу после окончания войны, миссия ООН из комитета по правам человека ООН и эта миссия установила, что в результате ввода грузинских войск в Абхазию были совершены с обеих сторон серьезные массовые нарушения прав человека и там не было никакого упоминания об этнической чистке. А те решения и резолюции, которые были приняты, они были приняты только на основании грузинской информации. И мне это кажется нечестным. Потому что должна была приехать какая-то группа правозащитников или юристов, и они на месте должны были разобраться с этим. Теперь это кочует из одного документа в другой, такое жесткое определение... не знаю, насколько это способствует установлению мира. Думаю, что наоборот, это отдаляет процесс примирения и восстановления доверия между сторонами. Мне бы хотелось сказать теперь больше о той теме, которая в данный момент меня очень волнует, то есть, возвращение беженцев. Мне кажется, что существует несколько препятствий на пути этого процесса. И их довольно много. Я кое-что записала – в процессе дискуссий этих дней я почерпнула для себя очень много полезного. Но я бы хотела, не задерживая вас долго, назвать только несколько таких причин, которые препятствуют.

Первая. Мне кажется, что все-таки было ошибкой непризнание того, что в Гальский район возвратилось подавляющее большинство довоенного населения. Дело в том, что абхазская сторона рассматривала это как жест доброй воли. Может быть, надеясь на то, что за ним последуют ответные жесты с грузинской стороны, вместо этого она получила отказ признать возвращение состоявшимся. И это сегодня оценивается некоторыми представителями абхазского общества довольно негативно. Они говорят: «И не надо было возвращать,

все равно никто не оценил этот порыв». В принципе у меня такое ощущение, что это санкционированное возвращение было возможно только в 1998 году. Я не имею в виду, когда люди сами возвращались, а вот то, что абхазская власть пошла на такой призыв вернуться. Это стало возможным только благодаря очень мощному авторитету, которым пользовался первый президент Владислав Ардзинба. Я не думаю, что сегодня это было бы возможно. Это было возможно только в условиях такого несколько авторитарного стиля правления, которое было присуще Владиславу Ардзинба. Сегодня я не думаю, что это решение могло бы быть воспринято в абхазском обществе. Тем более, что это не было по достоинству оценено никем – ни Грузией, ни международным сообществом. Мне кажется, что это ошибка. Кроме того, мне кажется ошибкой игнорирование и грузинскими властями и представителями международного сообщества прав тех граждан Абхазии, которые проживают сегодня на ее территории и что приоритет отдается только праву на возвращение, которое, безусловно, существует и безусловно его надо уважать, никто не может отрицать права на возвращение. Но при этом нельзя отрицать и права тех, кто сегодня живет в Абхазии, обеспечение их базовых нужд, таких как безопасность, идентичность, политическое участие. Мы все прекрасно помним довоенную ситуацию, когда вот этот демографический дисбаланс привел к тому, что фактически абхазы все время ощущали угрозу того, что в конце концов их мнение просто не будет учитываться. Мы все помним, как мы не могли изучать историю Абхазии, нам этого просто не разрешали. Только в кошмарном сне я могу себе представить, что после всего того, что произошло, мы опять вернемся в эту ситуацию. Это означает воспроизведение тех причин, которые и привели к началу войны. Как можно сейчас говорить и требовать восстановления довоенной демографической ситуации? Другое дело, если будет мир, если грузины и абхазы найдут какой-то способ сосуществования, эти процессы будут идти сами по себе. Но для этого нужно время и ничего нельзя навязывать, ничего нельзя форсировать.

И еще одно небольшое замечание. Вот это завышение числа беженцев, конечно, играет роковую роль. Мне казалось бы, что сами беженцы должны против этого выступать. И мне бы хотелось, что-

бы у беженцев, наконец, появилось свое гражданское общество, свои локальные лидеры общин, или общественные или общественно-политические организации, которые наконец сами бы начали лоббировать свои интересы. Сначала, конечно, надо сформулировать эти интересы. Мне кажется, что совершенно не в их интересах вот эта манипуляция цифрами. Я бы пожелала этим людям, которым конечно можно сочувствовать, все-таки самим пытаться строить свое будущее. Извините, может быть, за чрезмерную эмоциональность.

Срджан Диздаревич – Я хочу поделиться тем, во что я верю, при этом я никого не критикую. Первое – по вопросу имущества. Мое убеждение таково, что никто не может поставить под сомнение право собственности, не вступив в противоречие с другими правами, которые являются частью Европейской конвенции по правам человека и свободам. Владелец собственности может решить, что делать с собственностью, но решения не могут быть навязаны ему. Компенсация не может быть принята за правило, а только как исключение при определенных обстоятельствах, которых не так много.

Мое второе замечание – о ненависти и любви. Конечно, это играет роль. Во многих других странах тоже существует ненависть, например, в Квебеке, и есть также много случаев в Европе. Важно то, что есть уважение к международным и местным законам. Верховенство права – вот, что определяет поведение каждого, а не эмоции, не ненависть или любовь. Правила, которые применяются, должны применяться в равной мере ко всем и каждому, независимо от происхождения.

Мое третье замечание – о преступниках и тех, кто принимает решения в отношении преступников. Здесь важны две вещи. Одна из них – принцип презумпции невиновности. Во-вторых, только суд может решать, кто является преступником, а кто нет. Конечно, в этом контексте амнистия является проявлением доброй воли. Это жест по отношению к отдельным лицам и группам для того, чтобы изменить политический климат. Таким образом, это не субъективная вещь, когда мы говорим о преступлениях или преступниках и тех, кто не виновен.

Наконец, о правде и процессе примирения. Мой подход заключается в том, что никогда не бывает слишком рано, и никогда не бы-

вадет слишком поздно начать что-то делать, вносить вклад в нормализацию отношений, находящихся под угрозой. Этот процесс позволяет избежать непримиримых ситуаций, когда все выглядит в черно-белом цвете, помогает избегать упрощенных подходов к ситуации. Он предполагает, что вы включаете в него рассказы жертв. Иногда сами виновники злодеяний вам могут рассказать истории, в которые были вовлечены. Даже если ситуация кажется непримиримой, всегда есть исключения. В нашем случае, например, в Боснии, это означает, что сербам пришлось защищать своих мусульманских соседей. Первой жертвой в городе, где были совершены страшные преступления, был серб, который был убит сербами за то, что хотел защитить своих мусульманских соседей. На такие истории никто не обращает внимания, если нет подобного процесса. Но когда ты пытаешься сделать что-то, то ты узнаешь истории, которые не вписываются в черно-белую картину.

Странам, вовлеченным в конфликт, может помочь только готовность соблюдать эти европейские ценности и стандарты, и готовность доказать, что люди, живущие здесь соответствуют европейскому характеру.

Арда Инал-Ипа – Я тоже начну с ответа Арчилу и хотела бы успокоить его в том, что на самом деле вот такой критический подход со стороны грузинских участников к грузинским властям производит очень серьезное впечатление, которое вызывает уважение к экспертам, которые глубоко анализируют ситуацию, позицию властей и находят критические аргументы. Мне кажется, что не стоит сетовать по этому поводу. Я, например, под большим впечатлением от такой аргументированной критики. Мне кажется, что если у нас ее не хватает, то жаль. Что касается того, почему мы действительно в такой роли не можем выступить, то я согласна с Паатой, что сейчас мяч находится все-таки на грузинской стороне. Потому что, если мы возьмем вопрос с Кодорским ущельем и с прекращением переговорного процесса, с требованием подписания мирного договора, то все-таки здесь шаг за грузинской стороной. Если еще говорить о том, к каким мерам прибегает часто грузинское правительство, вспомним инциденты с гальцами Сигуа и Чакоберия и недавний спектакль в

Хурче. Вы знаете, очень сложно не критиковать такие действия. Этот спектакль был разоблачен, но очень много спектаклей остаются неразоблаченными, которые тиражируются во многих средствах массовой информации всего мира. Вы же знаете об этом инциденте? Когда обвиняется абхазская сторона, а на самом деле используют и стрельбу, и фактически создают угрожающую ситуацию по отношению к гальцам, которые пересекли границу, все это считается достойными методами для того, чтобы бросить тень на власти Абхазии. Теперь, что касается моментов, о которых мы всего несколько раз говорили – о чувствах, о ненависти и т.д. Я не со всеми формулировками, которые прозвучали в докладе Ираклия, согласна, я ему об этом сказала. Но на самом деле и отрицать тот факт, что образ врага существует, нельзя. Мне кажется, что надо признать этот факт и думать, как с этим работать, потому что это признак травмы, которую еще не изжили. И в этом смысле я не соглашусь с Паатой, который говорит, что важно то, что многие беженцы близки по обычаям абхазской стороне. Вот эта близость никогда не бывает достаточной для того, чтобы не возникали какие-то претензии друг к другу. Напротив, больше претензий в абхазском обществе остается к тем, кто жил рядом. Многие пытаются решить проблему, начиная с самого критического момента, с военных действий. Но я считаю, что так же, как и в случае с больным, всегда нужно выяснить, что предшествовало болезни, все обстоятельства нужно выяснить. Что касается взаимоотношений с грузинским населением до войны, то здесь мы очень часто отбрасываем драматическую историю нескольких предвоенных лет, когда – вы помните митинги с лозунгами о том, что «абхазы – это грузины», «уходите с нашей земли» и т.д. Все это очень неприятные вещи, не хочется о них говорить, но когда о них забывают, то приходится выступать роли человека, напоминающего неприятные вещи. Если говорить о самих военных действиях, то здесь конечно всплывают воспоминания о времени летнего перемирия, когда практически было принято решение о том, что будет достигнуто соглашение о мире и абхазы вернутся в свои дома. В принципе все, сидящие здесь представители абхазской стороны в то время были либо беженцами, либо внутренне перемещенными лицами. И тогда, в течение нескольких дней в Сухуме проходили многотысячные митинги, где местные

грузины скандировали лозунги о том, что они не допустят ни одного абхаза в город. Когда заканчивалась война, абхазы тоже очень хорошо помнят о том, что говорил Шеварднадзе: абхазам будет обеспечен коридор в Сочи, все покиньте эту землю, мы вас не будем убивать, но вы должны покинуть Абхазию. Это тоже все помнят. И когда все это замалчивается, не проговаривается, не высказано, остается большое неудовлетворение. Я очень хорошо понимаю, что в данном случае действительно вот так несправедливо устанавливается коллективная вина. Я, например, знаю многих грузин, которые в Сухуме помогали выживать нашим старикам в очень тяжелых условиях, рискуя жизнью. Мы очень им благодарны и многие из этих людей не вернулись и считают невозможным вернуться, к сожалению, в свой город. Поэтому я сейчас хотела перейти к этому вопросу о справедливости. Действительно, когда начинается война, мы должны понимать, что справедливость умирает. Я очень хороший урок извлекла в Мадриде, когда выступал бывший министр иностранных дел Израиля Шломо Бенами, он очень активно участвует в миротворческом процессе, процессе урегулирования, очень интересные предлагает варианты разрешения ситуаций, и он сказал: «Мы поняли, что когда мы пытаемся предложить какие-то модели на основе справедливости, это не срабатывает, потому что каждая сторона очень субъективно понимает справедливость». И на самом деле, как можно восстановить справедливость по отношению к матери, которая потеряла сына? Мне кажется, что это невозможно. Поэтому давайте думать о безопасности, о стабильности, о возможности дальнейшего развития. Мне кажется, что это было бы очень позитивно и имело бы какую-то перспективу. Теперь, что касается исследования, которое упомянул Ираклий. Мне хотелось бы сказать об одном из результатов этого исследования. Когда на вопрос о том, в каком случае, при каких обстоятельствах вы видите решение проблемы грузинских беженцев, отдельные люди (их очень мало, но они есть) говорили, что если Абхазия будет признана международным сообществом, в том числе Грузией, как независимое государство – мы могли бы при определенных условиях найти взаимоприемлемое решение. Поэтому я категорически не согласна с Паатой, который говорит, что для него более вероятно возвращение, чем политическое решение. Я

хочу сказать, что решение проблемы беженцев в той или иной форме можно будет искать только после политического решения конфликта, после признания независимости, когда абхазская сторона будет себя чувствовать и более защищенной, и более ответственной.

Вальтер Кауфман – Спасибо. Коммуникация, как мы все знаем, очень сложная вещь и то, что человек слышит, редко совпадает с тем, что человек сказал. Но Паата возможно потом будет поправлять. Он у нас в списке.

Тамуна Кордзая – Я хочу поблагодарить всех, потому что каждое высказанное здесь мнение, было особенно важным для всех присутствующих здесь людей. Вопрос статуса Абхазии особенно болезненный для обеих сторон и, как я заметила, тут трудно прийти до консенсуса или принять такое решение, которое будет приемлемо для обеих сторон. Что касается права на свободное передвижение, я специально употребляю этот термин и не употребляю «право на возвращение». Между прочим, я хотела бы отметить, что когда мы разрабатывали стратегию насчет ВПЛ в Грузии, тогда я тоже отмечала, что лучше употреблять термин право на свободное передвижение, потому что право на возвращение ассоциируется с более сложной ситуацией для абхазской стороны. Почему-то это ассоциируется всегда с тем, что право на возвращение означает, что все ВПЛ обязательно вернутся, что правительство Грузии их посадит всех вместе и отправит в Абхазию. Это неправильно. И мы все осознаем, что это не может быть. И самое главное – я бы хотела отметить, что, несмотря на то, что мы критически оцениваем действия нашего правительства, я думаю, что это и доказывает, и спасибо госпоже Арде за то, что она отметила, это доказывает то, что мы особенно серьезно относимся к этим вопросам. Но на самом деле ситуация в Грузии так или иначе изменилась. Может быть, процесс идет очень медленно, но он, по крайней мере, сдвинулся с принятием этой стратегии. Почему? Так называемое чемоданное настроение уже осталось в прошлом в Грузии. Потому что, разрабатывая эту стратегию, наше общество осознало, что возвращение не может быть таким объемным и то, что все не могут возвращаться, все не хотят вернуться и т.д. Это

воля самого человека, который может возвратиться. Но главным исходящим моментом во время разработки было то, что у каждого человека была возможность жить... иметь достойное жилье, чтобы он мог достойно жить и интегрироваться на месте, где он сейчас находится. И это бы способствовало урегулированию этих для нас болезненных вопросов, его достойному возвращению, которое бы облегчило вопросы и абхазской стороне, и грузинской стороне чисто в экономическом смысле. И я думаю, что несмотря на то, что план действия для этой стратегии не принят еще государством, это вопрос времени, но курс свой наше государство уже показало. Оно показало, что оно не имеет ни в коем случае в виду того, что всех обязательно будет возвращать. Это волевой момент, тот, кто решит и захочет вернуться, он наверное вернется, естественно, с согласия абхазской стороны и после того, как настанет консенсус. И те опасения, которые есть у абхазской стороны, они абсолютно легитимны, они абсолютно понятны лично для меня и, наверное, для грузинской стороны. Я думаю, что во время разработки эти опасения, так или иначе, представителями НПО серьезно учитывались. Вопрос в том, что у нас есть точка, где мы можем поговорить и особенно достигнуть каких-то соглашений. Именно вопрос о том – кто, как, когда и сколько. Например, вопрос – сколько людей беженцев или ВПЛ (не имеет для меня особого значения термин, который будет употребляться)? Трудно подсчитать, потому что как госпожа Юлия сказала, может быть в момент возвращения кто-то не решится вернуться. И это уменьшит количество. А может быть, кто-то захочет. Поэтому точное количество, если мы даже сегодня пересчитаем, точное количество просто невозможно установить. Поэтому я думаю, что главное, что я сама извлекла из нашей конференции это то, что наверное грузинской стороне нужно больше работать и особенно НПО нужно больше работать с ВПЛ, чтобы они более хорошо осознали все это, более активно интегрировались на своих местах и после того, как наши отношения с абхазской и с грузинской стороны станут более интенсивными, можно будет еще глубже об этих вопросах поговорить. Но на данном этапе нам придется активно работать именно над интеграцией наших ВПЛ на местах, где они живут. Спасибо.

Джонатан Коэн – Я хочу остановиться на некоторых вопросах более широкого спектра, чтобы создать контекст, в котором можно было бы говорить более подробно о возвращении внутренне перемещенных лиц и репатриации. Все-таки, темой конференции является миграция, а не только возвращение ВПЛ. Во-первых, я не могу не согласиться с замечанием Батала о несостоятельности международного сообщества в отношении конфликта. Это относит нас к самому началу конфликта и к подходу, который международное сообщество демонстрировало в отношении конфликта. Я думаю, что это относится к тому, что говорил Каупо о роли ЕС. Мы должны быть честными. Международное сообщество не занимает непредвзятой позиции. Одно дело, когда международное сообщество занимает ту или иную позицию по поводу территориальной целостности государства, члена ООН. Но, на самом деле произошло то, что ООН выступила в качестве посредника, но с самого начала была посредником, который принял одну сторону. Это не беспристрастное посредничество. Я думаю, что это мнение, которое можно сейчас услышать даже на самом высоком уровне в ООН. Это весьма проблематичная ситуация, влияющая на возможность ООН играть роль в урегулировании.

Я думаю, что это абсолютно релевантно по отношению к тому, что говорил Каупо о ЕС. Какими благими не были бы намерения ЕС, Евросоюз не показал себя до сих пор как беспристрастный игрок. Это проявляется даже в маленьких вопросах. Мы в предыдущие дни обсуждали вопрос о том, как ЕС в прошлом поддерживал проекты в Абхазии, и как он умудрился оказаться в ситуации, когда он уже не может оказывать помощь в том объеме, который был три года назад. Или, например, сейчас послы ЕС в Грузии и сама Еврокомиссия серьезно пересматривают свою позицию в отношении того, поддерживать ли подобные нашей конференции мероприятия, если абхазы приезжают на них с российскими паспортами. Я привел только два примера предвзятого отношения. Я думаю, мы должны серьезно подумать о том, как такие подходы влияют на нашу возможность быть непредвзятыми медиаторами и вносить вклад в мирный процесс.

Во-вторых, что касается вопроса безопасности. Абхазия постоянно ставит перед Грузией вопрос по поводу безопасности, и Грузии постоянно не удается ответить на этот вопрос. Грузия в ответ гово-

рит о ЕС, НАТО или экономическом развитии. Но это не отвечает очень серьезным опасениям по поводу идентичности и сохранения самобытности абхазов.

В течение 15 лет абхазы жили в условиях угрозы возможного возобновления боевых действий. Рассуждения о том, что безоружные полицейские силы ЕС могут решить проблему безопасности совершенно нереалистичны. Нравится нам это или нет, но присутствие 2 000 или 20 000 молодых русских солдат из Пскова или откуда-то еще – вот это реальная гарантия безопасности. У меня серьезные опасения по поводу, того, что это может означать для Абхазии. Но, тем не менее, это реальная гарантия безопасности. До тех пор, пока международное сообщество не скажет, что значат реальные гарантии безопасности, мы не сможем решить этот вопрос. Например, если мы говорим о международной полиции, то в моем понимании преступность в Гальском районе вероятно, не хуже, чем в Зугдиди. Возможно, что ситуация в Зугдиди даже хуже.

К примеру, можно правомерно и справедливо утверждать, что ситуация на местах требует более эффективной деятельности полиции. Но для этих целей в Гальском районе не нужны силы по поддержанию мира. Однако с точки зрения восприятия абхазами угрозы, под которой они живут, трудно представить иные силы, нежели миротворческие силы по поддержанию мира, которые могли бы сохранять нынешнюю стабильность, какой бы хрупкой она ни была. Еще один момент, который является большим вопросом – это демография. Это подводит нас к вопросу о репатриации. Мы не обсуждали этот вопрос в деталях. В той степени, в какой репатриация потомков махаджиров является реальной перспективой, представляются абсолютно легитимными аргументы о том, какие препятствия создает настоящий политический и экономический контекст. Он действительно оказывает большое влияние. Но международный опыт показывает, что даже в те страны, в которых есть гораздо лучшие условия для возвращения людей, люди не возвращаются, если перемещение длилось несколько поколений. Таким образом, хотя это совершенно законное стремление абхазов сделать все возможное для обеспечения возвращения диаспоры, это все-таки стратегическое решение. С абхазской точки зрения это правильное решение, но Аб-

хазии надо задуматься, решит ли это ее демографические проблемы. Лично я думаю, что грузинское правительство упустило стратегическую возможность на многие годы, потому что я лично, к сожалению, не верю, что многие вернуться. Но если бы Грузия действительно старалась укреплять доверие, делая что-то, что в интересах ее визави, а не в ее собственных интересах, это действительно послужило бы укреплению доверия. Это та область, в которой грузинская сторона упустила возможности.

Что касается моего грубого вмешательства в твой комментарий, Слава, по поводу образовательных проектов в Гальском районе, я думаю, вы абсолютно правы, что существуют финансовые императивы, которые помешали оказать помощь в области образования в Гальском районе в том объеме, о котором говорил Паата. Но я также думаю, что есть элемент неискренности в этом. Я не думаю, что это просто финансовый вопрос. Я думаю, что здесь мы имеем дело с политическим вопросом. Абхазское правительство не занимается самыми главными проблемами в Гальском районе, и это, как подчеркнул Паата, наносит ущерб интересам Абхазии. Абхазия, также как и Грузия, могла бы получить выгоду от ...

Вячеслав Чирикба – Они начинают сейчас ...

Джонатан Коэн – Они начинают, но очень медленно. Вот маленький пример: я беседовал с Сергеем Шамба и Президентом Багапш две недели назад о состоянии дорог в Гали. Это абсурд, что дороги продолжают находиться в таком плохом состоянии. Я знаю, такое положение по всей территории Абхазии. Сейчас в Абхазии осуществляется программа строительства дорог. Я очень надеюсь, что дороги в Гальском районе будут частью этой реконструкции, и я знаю, что это планируется. Мне бы хотелось, чтобы это действительно осуществилось. Я знаю, что есть озабоченность и с абхазской стороны. Кто-то может сказать: для чего строить лучшие дороги в Гали? Чтобы грузинские грузовики и танки могли войти снова? Это реальная обеспокоенность. Но правда и в том, что грузинские танки и грузовики плохие дороги не остановят, в то время как, построив хорошие дороги вы значительно измените к лучшему жизнь людей, которые в настоящее время живут в Гали.

Вячеслав Чирикба – Это прежде всего финансовая проблема.

Джонатан Коэн – Дороги в Абхазии в настоящее время перестраиваются за счет российского капитала, насколько я знаю. Я понимаю, Слава, что есть очень много вещей, которые можно сделать в жизни без денег, но строительство дорог не является одним из них. Вместе с тем, есть очень много вещей, которые могут быть сделаны без денег в Абхазии для улучшения условий жизни жителей Гали. Мы должны спросить себя, с юридической точки зрения существуют ли равные условия для всех? Дилемма, которую мы имеем в этом зале заключается в том, что вот здесь в зале 7 или 8 участников из Абхазии. Это те 7 или 8 человек в Абхазии, которые сделали больше, чем кто-либо, для улучшения условий жизни населения Гальского района. Я думаю, что это достойно уважения. К сожалению, политическое сообщество в Абхазии не ответило на этот вызов, и оно теряет много возможностей в плане того, как Абхазия воспринимается международным сообществом, а вы серьезно теряете доверие Гальского населения. Не мне вам говорить, вы те, кто лучше всех понимают эту ситуацию.

Теперь замечание по поводу комментария Арчила. Арчил, ты изложил рациональную стратегию, которой должно было бы руководствоваться грузинское правительство, чтобы коренным образом изменить существующий контекст. В конце ты сказал: «Но мы ничего не услышали от абхазской стороны, что заставило бы нас думать, что этой стратегии надо следовать». Я вижу эту ситуацию по-другому. Я не думаю, что вы услышите что-либо в ответ от абхазской стороны. Поставьте себя на место абхазских властей и людей, живущих в Абхазии. С их точки зрения от сегодняшнего мирного процесса они не могут получить то, чего хотят. Я не могу сказать, как Паата, что сейчас «мяч» на грузинской стороне, с моей точки зрения перспективы у ситуации более мрачные, и я говорил об этом на конференции в Париже, которую организовала Сабина Фишер. В английском языке есть поговорка: «Индейки не голосуют за Рождество». Я не знаю, как лучше это перевести на русский язык. Но абхазы не будут, в моем понимании, делать что-либо, что потенциально ослабит их положение. Я бы сказал, что Грузия сама должна начать про-

цесс, который вы описали, потому только начав что-то делать, можно добиться изменения контекста. Чтобы изменить контекст, надо сделать целую серию шагов. Если Грузия была бы готова к тому, чтобы менять контекст, возможно, произошли бы вещи, которые сегодня нам трудно представить. Я помню беседы с очень высокопоставленным чиновником в Абхазии во время моей последней поездки туда. Он сказал, что если бы в 1996 году Грузия и Абхазия подписали Союзный договор, то сегодня Абхазия была бы частью единого грузинского государства сейчас. Можно спорить по этому поводу, но это мнение высокопоставленного чиновника. Почему я об этом говорю? Потому что динамика может меняться неожиданным образом. Грузия в том положении, когда она могла бы создавать динамику. Абхазия не в состоянии это сделать, потому что с ее точки зрения это не отвечает ее интересам. .. Вы можете сказать: «Не слишком ли поздно? Россия поглотила Абхазию». Для того, чтобы Абхазия выжила, придется принимать некоторые трудные решения. Но международное сообщество слишком потакало грузинскому правительству. Думать, что оно может исправить ситуацию одним или двумя визитами Хавьера Соланы значит, что мы выбираем долгий путь. Я знаю, что это не то, что вы имели в виду, Каупо.

Что касается этнических чисток. Мне кажется, Рейчел коснулась вопроса о балансе между правосудием и разрешением конфликта, и другие тоже затронули этот вопрос. Я не хочу спорить о том, была ли этническая чистка. Ужасные вещи были совершены по отношению к людям в конце войны. Но грузинское правительство должно спросить себя, почему оно добивается от международного сообщества, чтобы оно назвало это этнической чисткой. Это помогает Грузии в разрешении конфликта? Тогда по крайней мере, должно быть немного честности со стороны грузинского правительства, чтобы признать, что была реальная угроза геноцида в Абхазии. Мне иногда бывает очень больно, когда я слышу, как грузинские власти говорят о геноциде в отношении грузинского населения в результате этого конфликта. Но ведь мы помним, что был грузинский министр, который говорил о возможности пожертвовать 100 000 грузинских солдат для того, чтобы уничтожить 93 000 абхазов. Вот это и есть язык геноцида. Вы должны спросить себя, а

то, что произошло в начале войны, это не было этнической чисткой? Если вы собираетесь использовать термин «этническая чистка», то надо использовать его пропорционально. Если бы грузинское правительство предложило резолюцию ООН, в которой говорилось бы, что грузинское правительство не несет ответственность за преступления против человечности в 1992 году, а абхазская сторона – в конце конфликта, то тогда вы бы подняли трудную тему, но при этом говорили бы на языке паритета. Я лично думаю о том, что это могло бы изменить восприятие в Абхазии в отношении возможностей для продвижения вперед.

Для нас здесь сложность в том, что довольно часто принято говорить о разделении ответственности. Хотя интересно, что за последние 2 дня очень мало говорилось об ответственности России. Это то, что часто происходит во время обсуждения этого конфликта. Это во многом является шагом вперед. Но если мы хотим обсуждать, в каком направлении двигаться дальше, то я думаю, что Эрин задала важный вопрос об укреплении доверия. Я думаю, что характер нашего обсуждения в течение этих двух дней свидетельствует о том, что вы как группа людей достигли высокой степени доверия друг к другу, благодаря вашей способности обсуждать самые трудные вопросы, волнующие ваши общества. 10 лет тому назад, когда вы начинали говорить друг с другом, вы, наверное, сами не могли представить, что так будет. 10 лет тому назад вы обходили сложные вопросы.

Мое последнее замечание касается просьбы Арчила о поддержке в вопросах безопасности. На сайте «Ресурсы примирения» есть база данных по мирным процессам, в которых содержится информация по целому ряду аспектов мирного процесса. На основе выпусков “Accord”, мы составили каталог различных компонентов мирных соглашений, по вопросам безопасности и тому подобное. Вы можете обратить внимание на опыт Северной Ирландии, опыт на Филиппинах и в Анголе по этому вопросу.... ..

Вальтер Кауфман – Спасибо. У нас осталось 30 минут и 8 выступающих, поэтому я прошу вас понять, почему я больше никого не буду записывать.

Паата Закареишвили – Я решил выступить после выступления Арчила и по поводу геноцида и этническую чистку, о которой говорил Джонатан. В первую очередь о том, что грузинская сторона, всегда, на конференциях более критична по отношению к своим властям, а абхазская сторона тоже критична к грузинским властям. Мне такая ситуация понятна. Критикуя грузинскую политику, тем самым хочу, чтобы абхазы точно знали, от имени какого государства или общества я с ними разговариваю. Если образно говорить, мы не проверяем абхазам зубы, любая Абхазия для нас приемлема, лишь бы ее вернуть. Но абхазам не нравится любая Грузия. Мы должны показать им настоящую Грузию. Если, мы будем врать, тем самым они еще больше от нас будут отдаляться. Абхазы все знают о том, что в Грузии происходит. Они у нас уточняя детали, проверяют насколько мы искренны. Они сразу же поймут, если будем врать. И соответственно никакого доверия между нами не будет. Также, мне тоже интересно, что происходит в Абхазии, я тоже знаю, что происходит в Абхазии, я сразу понимаю то, что они говорят, я тоже чувствую, они врут или говорят правду. У меня тоже нет никаких сомнений. Это как раз та площадка, где мы обмениваемся мнениями.

А то, что в нашей команде нет тех, которые обычно хвалят власти, это не из за этого проекта. Такая категория людей не только на эти встречи не считают нужным приезжать, они и в Тбилиси с нами не разговаривают. В Грузии никакого диалога нет. Опустели все телевизионные и радио эфиры, люди от власти не приходят с нами разговаривать или участвовать в дебатах. Они и с абхазами не хотят встречаться. Сколько раз мы их приглашаем. Сколько раз я приглашал на эти встречи Александра Рондели или Гию Нодия. Всегда находят причину для отказа. Вот Давид Дарчиашвили обычно соглашался приезжать на эти встречи, но все чаще и чаще оставался довольной таким форматом общения. То есть, очень трудно находить таких людей, которые хотят вместе с нами или без нас встречаться с абхазами. На абхазской стороне то же самое. уверен, что не все абхазы рады встречаться с грузинами. И та команда, которая чаще всего с нами встречается, именно те люди, которые считают, что с грузинами надо разговаривать. Потому что, как они считают, именно от Грузии исходит угроза для Абхазии и соответственно они должны

знать, что это за страна. И соответственно они хотят быть информированными. Большинство абхазов в нашу сторону вообще не смотрят. Я знаю таких людей очень много со времен войны.

Насчет этнической чистки. Конечно, это очень больной вопрос. На самом деле этническая чистка была, я свидетель во многих случаях. Это лицо войны. Должен сказать, что массовый исход через Сванетию – это не было этнической чисткой. Этническая чистка была во время войны, когда в деревнях убивали грузин... например, Ахалисопели в Гудаутском районе... то, что я видел постоянно, потому что я этим делом занимался. В Гудаутском районе, возле Гагры, Алахадзы... всегда в неделю раз приходила информация, что убили грузинского жителя... и люди просили, умоляли, чтобы их вывезли оттуда, что им угрожают, к ним приходят... у меня до сих пор есть письма людей, которые уже мертвы. Я не успел прийти и помочь этим людям. На самом деле это было. Например, все деревни выше Сухуми – Сухумгэс, Шрома – эти уже оставленные деревни были сожжены перед моими глазами. Покинутые деревни сжигают, чтобы потом люди не могли туда вернуться. Я доволен, что в Грузии перестали говорить о геноциде... недалновидная позиция. Не было признаков геноцида, но этническая чистка была. Я не знаю войны, после второй мировой войны, где бы не было этнической чистки.

Я постоянно задаю себе вопрос, что нам дает то, что мы все время говорим об этнической чистке? Что мы получаем от этого? Задаю этот вопрос грузинам. Мы от этого абхазов больше приобретаем или теряем? По-моему все понимают, что мы больше теряем. Хотя считаю, что это серьезный вопрос. Если говорить об одном, то надо говорить и о другом. Насилие было с обеих сторон. Перед моими глазами грузины расстреливали пленных, и абхазы расстреливали пленных. Ужасные вещи я видел. Но это лицо войны. Не об этом надо постоянно говорить. Сейчас надо говорить о том, как из этого всего выйти.

Здесь было сказано об ИнгурГЭСе. Абсолютно ясно, что не информированы об этой ситуации, потому что ИнгурГЭС состоит из двух частей – из каскада, и электростанции. Каскад находится на грузинской стороне, а электростанция находится на абхазской стороне. Первый же день после окончания войны начал работать Ин-

гурГЭС. ИнгурГЭС без грузин и абхазов не будет работать. И грузины получают свет от абхазов, и абхазы получают свет от грузин. Так что это взаимный интерес и по другому не как не получился бы.

Юлия Харашвили – Сегодня я очень много говорю, потому что редко приходится видеться. Постараюсь коротко. Хочу продолжить мысль Арды и Тамуны и сказать, что я себя не отношу ни к позиции, ни к оппозиции. Мне казалось, что я о процессе создания стратегии говорила в нейтральных тонах, потому что я считаю, что это очень позитивная, не первое, но доведенное до конца позитивное мероприятие правительства по отношению к перемещенным лицам. И у нас не было времени, и сегодня я об этом не буду говорить, но завтра, если будет интерес, я с удовольствием поговорю о тех вызовах, которые существуют для интеграции перемещенных лиц внутри. То есть, как их расселять из коммунальных центров, как помогать людям, которые живут в частном секторе, которых сейчас уже 60 процентов, где брать на все это деньги и как преодолеть вот эти две тенденции в грузинском правительстве, о которых мы вскользь говорили. Это первое, что я хотела сказать. То есть, мы думаем, что позитивные тенденции в Грузии есть, я не скажу, что они сильно нарастают, они идут с трудом, но они идут и они расширяются.

Второе, что я хотела сказать – о собственности. Грузия – это одна из немногих стран, если Эрин согласится, где перемещенным лицам не отказано в праве собственности. В Азербайджане, например, людей расселяют, им дают сейчас более или менее благоустроенное жилье, но право собственности на это не дают. В Грузии это право собственности после 2003 года дано было тоже после определенных дебатов. Но сейчас очень дебатруется вопрос о том, как сохранить и как узаконить ту собственность, которую люди оставили. Собственность – одна из ключевых проблем. Это и Ираклий отметил в своем сообщении и мы все это как бы знаем. Возможный передел собственности в случае возвращения – это тоже большой вызов. Есть принципы Пинейру, есть другие международные документы, есть резолюции ООН, которые подтверждают, кому эта собственность принадлежит, но при всем своем желании грузинское правительство не может полностью узаконить свою собственность, если не будет ней-

тральной комиссии, которая бы обследовала наличие этой собственности на местах предыдущего проживания. Хотя это очень невыгодный шаг для абхазской стороны, но пойти на такой шаг – тоже могло бы быть каким-то этапом смягчения ситуации или по крайней мере каким-то большим плюсом. Я думаю, что хотя мы много лет сотрудничаем, мы не все знаем, кто и чем занимается. Я знаю, что мои абхазские коллеги знают, что например, мы делали лагеря мира, но не все знают, что еще наша организация делала. Мы много работали, когда-то вместе с Баталом начинали, по психологической реабилитации и по медицинской реабилитации с Ардой. Огромное спасибо Петеру, я получила книжку о состоянии здоровья греческих беженцев после войны. Я хочу сказать, что эта возможные сферы сотрудничества. То есть, у меня более общий вопрос – вообще видят ли мои абхазские коллеги и коллеги из международных организаций возможность сотрудничества абхазских и грузинских неправительственных организаций для улучшения ситуации жителей Гальского района вне зависимости от национальности? Воспринимается ли это как одна из реальных возможностей готовить сотрудничество правительственных структур или по крайней мере снижать напряженность в отношении правительственных структур обеих сторон по отношению к этим людям и в то же время реально повышать их статус и их условия жизни? Я просто хочу сказать, что по нашим исследованиям здоровье жителей Гальского района очень серьезным вызовам подвергается, особенно женщин и девочек. Поскольку мы – женская организация и занимались этими исследованиями, мы поддерживаем бесплатные медицинские мобильные группы, которые работают с внутренне перемещенными лицами, с местным населением, живущим в отдаленных деревнях и в том числе и в постконфликтных зонах. Я думаю, что это очень серьезная проблема, с последствиями которой и абхазское общество и грузинское общество и общество, проживающее в Гали непосредственно столкнутся через несколько лет. Это последствия тех медицинских проблем и психосоматических заболеваний, с которыми мы сейчас под политическими лозунгами меньше даем возможностей справиться...

И то, о чем говорила Арда, очень важно. Потому что у нас все время об этом идет рефлексия. Это о том, что понятие справедливо-

сти очень трудно примирить и очень часто ставится перед нами дилемма – мир или справедливость. То есть, важнее восстановить справедливость, которая очень разная или важнее иметь мир. Ну, то, что мы сегодня имеем – это совсем не мир, это, может быть, прекращение огня или... как это назвать я не знаю, я все-таки больше практик, чем теоретик... Может быть, здесь нужен рецепт не только восстановления справедливости, чего мы все очень хотим, но что очень трудно достичь. Я очень хорошо понимаю... наверное, никто так не понимает абхазов, как грузины, которые жили в Абхазии, поэтому я должна сказать, что нужен, может быть, рецепт не восстановления справедливости, а действительно верховенства закона, которое будет для всех и с которым ты вынужден примириться, потому что это закон. Такие предложения у меня есть.

И на вопрос – видят ли все-таки коллеги возможность сотрудничества организаций, я бы хотела получить ответ.

Вальтер Кауфман – К сожалению, я вынужден перейти к репрессивным мерам и прерывать. Я себе записал слово «Гали», потому что были вопросы к гальцам насчет передвижения. Частично на этот вопрос ответила Нателла, но все-таки может быть есть аспекты, на которые стоит обратить внимание.

Георгий Джонджуа – Я бы хотел выступить по другой теме. По моему мнению, нужно думать о таком варианте перемирия, который мог бы устраивать и абхазскую, и грузинскую стороны. Это может быть нереально, может быть, глупо, но может быть в этом единственный выход. Прошу вас выслушать мое видение решения проблемы, а потом можно будет поговорить о плюсах и минусах этого варианта. Хочу начать с абхазской стороны, в чем плюс для абхазской стороны в развитии уровня жизни Гальского района? Как может это использовать абхазская сторона? Она может на примере Гальского района показать, что Абхазия заслуживает независимости. Есть же цель у Абхазии быть независимым государством? И в ее интересах, если она больше внимания уделит гальскому, то есть грузинскому населению, чтобы показывать Гальский район как пример международным организациям, от которых они будут ждать признания. Улуч-

шение ситуации в Гальском районе будет примером того, что они движутся по пути к демократии. И это будет плюсом для Абхазии. Также и для строительства государства – у любого государства есть интерес, чтобы его жители имели высокий уровень жизни. В чем в этом плюс для Грузии и что может Грузия сделать, чтобы улучшить уровень жизни жителей Гали? Плюс в том, что если Грузия будет своими методами, допустим, финансами, какими-нибудь кредитами помогать... да, есть такой момент, что абхазская сторона не очень хочет, чтобы грузинская сторона помогала гальцам, но это можно сделать по-другому, используя вот эти международные организации, чтобы обеспечивать больше кредитов, другой помощи, чтобы у людей был более высокий уровень жизни. В этом случае позиции Грузии будут усиливаться. Чем лучше и богаче будут жить грузины в Абхазии, чем больше у них будет возможностей передвигаться в Сухуми или в другие города Абхазии, тем больше у них будет связей и знакомств и это само собой будет способствовать примирению и дружественным отношениям. Гальское население способно везде найти выход из положения. Могу сказать, что даже до войны Гальский район был очень богатым районом. Там в основном жители были богатые или среднего класса. Даже могу привести в пример моего дедушку, который в 1979 году, в коммунистическое время, приобрел машину принца Иордании. И не только мой дедушка, но и многие хорошо жили в то время.

Лиана Кварчелия – Я хотела бы все-таки отреагировать на то, что сказал господин Канд по поводу того, что и Россия, и Запад признают территориальную целостность Грузии. Все понимают, что Россия декларирует признание целостности Грузии, но в реальности у нее не вполне прямолинейная позиция в этом отношении. Например, Путин, оценивая последние «мирные предложения» Саакашвили, сказал, что это прекрасные предложения, но одновременно отметил, что они не имеют никакого смысла, если их не примет абхазская сторона. С этим трудно не согласиться. Я бы хотела сказать господину Канду следующее: поверьте, вы нам не открываете глаза на то, что у России есть свои собственные государственные интересы. Как раз то, что у России в отношении «территориальной целостности»

ти» Грузии в отличие от Запада не столь однозначный подход, дает нам определенное пространство для выживания, то пространство, которое, к сожалению, не дает нам Запад. И в качестве примера приведу реакцию новой и старой Европы на выход России из режима санкций. Старая Европа, не сумевшая убедить Грузию в контр-продуктивности санкций, обижена на то, что Россия ее опередила. А министр иностранных дел Эстонии заявил, что Россия выходом из санкций поощряет сепаратизм в Абхазии и Южной Осетии. Поверьте, больше чем Грузия никто не поощряет сепаратизм в Абхазии. Я считаю, что Евросоюз мог бы в данной ситуации присоединиться к разблокированию Абхазии и, к примеру, способствовать открытию бабушарского аэропорта.

Что касается вашего предложения по поводу возможных гарантий безопасности со стороны ЕС, то я думаю, что в ситуации, когда ЕС занимает одностороннюю, про-грузинскую позицию и «поддерживает территориальную целостность» Грузии, присутствие ЕС будет рассматриваться абхазской стороной исключительно как инструмент для возвращения грузинских беженцев. Когда вы говорите о том, что Европейский Союз пытается занять сбалансированную позицию, то возникает вопрос: каким образом эта позиция сбалансирована, если вы предлагаете продолжать разговаривать в рамках территориальной целостности? Как это отражает интересы абхазской стороны? А вы ведь утверждаете, что Европейский Союз пытается учитывать интересы обеих сторон.

Что касается Гальского района и свободы передвижения жителей этого района. Да, конечно, формально они имеют право на свободное передвижение внутри Абхазии и, наверное, любой, кто захочет, может перейти границу на Псоу, если есть соответствующие документы. Чтобы перейти границу, кстати говоря, надо иметь российский паспорт. С абхазским паспортом пока что переходить невозможно, с грузинским – тем более. Нельзя сказать, что гальцы чувствуют себя в абсолютной безопасности. И не все в одинаковом положении. Те, кто имеют родственников, я имею в виду родственников-абхазов, гораздо более свободно передвигаются. Я знаю случаи, когда в достаточно грубой форме производилась проверка документов жителей гальского района абхазскими службами. Такие случаи имеют место.

В целом по отношению к Гальскому району абхазская сторона должна выработать системный, государственный подход, который учитывал бы и языковой аспект, и социальные, и экономические моменты и т.д. Коба сказал, по-моему, вчера, что гальцы стали возвращаться в свои дома, не дожидаясь ни от грузинских, ни от абхазских властей, когда им дадут «добро» на возвращение. Так оно, собственно говоря, и было. В 1999 году Президент Абхазии объявил о том, что Абхазия в одностороннем порядке возвращает беженцев. Это был, конечно, скорее политический шаг, чем гуманитарный. Но это означало, что Абхазия официально берет на себя ответственность за безопасность этих людей. Я, честно говоря, не понимаю, почему международное сообщество пошло на поводу у грузинских властей и не зарегистрировало возвратившихся гальцев, ведь это бы усилило ответственность абхазской стороны и предполагало бы гораздо более серьезные обязательства. Так что, мяч на стороне международного сообщества.

Марк Берендт – Я планировал говорить 10 минут, но раз нет времени... у меня 3 пункта. Во-первых, спасибо всем. Когда я поднимал свою руку, я хотел вызывать интеллектуальную честность, потому что были некоторые смутные моменты, когда я видел, что политизированность в разных вопросах брала больше верх, чем гуманность. Честно говоря, я не ожидал, но вижу в конце этого заседания, что вот эта группа пошла на обсуждение заявленной темы, и я считаю, что состоялся очень успешный разговор. Я считаю важным, что люди открыто были готовы говорить о вещах, про которые долгие годы не говорили. Последний пункт по поводу жестов. Нателла сказала, что было бы хорошо, если грузинская сторона восприняла бы возвращение беженцев в Гали как добровольный жест. Ну хорошо, абхазская сторона получила бы какую-то выгоду именно со стороны Грузии, если бы Грузия вообще признала это. И я думаю, что действительно было очень много разных жестов в течение последних 15 лет. Хотя были разные моменты, где были жесты с обеих сторон, которые абсолютно не были отмечены. Сам факт жеста игнорировался, и потом ответной реакцией была обида. И вот это чувство обиды есть, может быть, с абхазской стороны по поводу возвращения беженцев в Галь-

ский район, то же самое чувство обиды, наверное, есть с грузинской стороны относительно, может быть, не очень элегантных шагов Саакашвили, которые он сделал сразу после прихода к власти (сейчас, конечно, все абсолютно изменилось). Были какие-то жесты, которые не воспринялись и может быть одной из причин ситуации, с которой мы сейчас сталкиваемся, является то, что они не воспринялись в свое время. Он не получил какой-то кредит за это. И будет хорошо, если будущие жесты будут как-то отмечаться.

Багал Кобахия – Наша встреча режиссируется по принципу Станиславского. Называется всегда «не верю». Что бы ни говорил один, другой говорит: «Не верю». Я по этому принципу хочу сказать, что не верю я представителям Евросоюза в том, что они искренне готовы соблюдать базовые права человека жителей Абхазии, если заметить на них российских миротворцев, потому что если они готовы были это делать, у них было достаточно оснований в течение 15 лет обращать внимание на эти права. Потому что, если бы не Россия, то мы не имели бы это право на передвижение, право на какое-то образование за пределами Абхазии и т.д. Поэтому я не верю, дорогой мой Арчил. У тебя недоумение по поводу этнических чисток, и не верю я, что ты не знаешь о том, что во время войны были такие же акции и с грузинской стороны, что война – это не забрасывание розами друг друга. К сожалению, война – это стрельба в одну и другую сторону. Просто проблема в том, что с Юлей об этом мне легче в общем-то говорить, потому что я знаю, что она понимает, что такое потерять что-то и она предполагает, что она может еще больше потерять в случае эскалации конфликта. С вами сложнее говорить, я вообще не хочу говорить на эту тему...

В отношении Гальского района я просто скажу, что ситуация в области здравоохранения в Гальском районе значительно лучше нежели в Зугдидском. И значительно лучше, чем в некоторых районах Грузии. Я лично пешком, и Коба знает об этом, обследовал практически все амбулатории, которые находятся в нижней зоне Гальского района. Дай бог, чтобы лет через пять-десять точно так же были оснащены наши сельские пункты в остальной части Абхазии. Вот такое оборудование, зарплата сотрудников вот этих медицинских ком-

плексов скорой помощи хотя бы в нижней зоне до 500 лари. Финансирует их министерство здравоохранения так называемой автономной республики Абхазия. К сожалению, абхазы не в состоянии сегодня финансировать эти амбулатории. И у грузинского населения в Гали, конечно, есть возможность поехать и поправить свое здоровье в Грузии, как это и делают, ко мне часто обращаются с такими проблемами. У абхазов 15 лет были минимальными эти возможности из-за того, что не было документов, средств и т.д., потому что иногда нам надо было ехать в Россию. Но я не считаю, что все там благополучно. Но просто я не хочу, чтобы рай был на отдельно взятой территории, например, только в Гале. Потому что если рай мы создадим только в Гале, то это приведет к тому, что у них опять будут проблемы. В отношении того, насколько они могли бы передвигаться по Абхазии. Нателла уже ответила, но я просто хотел сказать такой факт. Я часто слышу, когда на вопрос: «Ты откуда?», человек из Гала отвечает, что он из Грузии. Очень хорошо. Или «Ты откуда?» – И ответ: «Я из Абхазии». Это проблема идентичности человека, который там живет, кем он себя ощущает. Если он ощущает себя частью абхазского пространства, то ему легче интегрироваться и легче переезжать. На самом деле, грузинская речь слышна в Абхазии на рынках, но я не говорю – есть эти проблемы. И кто бы сомневался. Можно подумывать, что сейчас в Грузии на абхазском языке поют. Только в институте кавказском книжки читают.

Вот такое состояние де жа вю. В рамках этого процесса 6 или 7 лет назад в Сочи, тогда Тинатин Хидашели была, мы обсуждали, насколько продумано было финансирование грузинских неправительственных организаций по изданию абхазских книг для того, что восполнить культурный геноцид, который был во время войны совершен. И тогда нас тоже упрекали: «Почему вы не просите?». Джонатан, никогда не бывает так, чтобы абхазские проекты, ориентированные на восстановление культурных ценностей в Абхазии принимались во внимание. Не считая маленького проекта Ресурсов примирения по архиву, который вы оплатили. Но это несоразмерно с тем, на какие деньги издавался нартский эпос в иллюстрированных роскошных изданиях и другие издания в Тбилиси. Но я все-таки считаю, что более гуманно было бы, чтобы абхазы восстановили имен-

но тот культурный потенциал, который был в общем-то разрушен во время войны. Это немножко... не хотел слово «цинично» говорить, но достаточно цинично и воспринималось абхазами довольно болезненно – сжечь у нас эти книги, а потом финансировать в Грузии проекты по восстановлению этих ценностей. Только лишь об этом идет разговор. Фонд Сороса, когда начал работать в Абхазии, чуть-чуть пытался в этой сфере что-то делать, но не так уж много денег было. Но это уже мы обсуждали. И опять же неправильно тут Рейчел сказала: «Вы готовы, если Евросоюз, допустим, даст книги, чтобы переводились на грузинский язык?». Нет, не готовы. Вот такая торговля... Вот вы спросили – готовы ли мы развивать экономические совместные проекты? А если не будут совместные проекты, то плевать на то, что происходит в Абхазии? Почему Евросоюз рассматривает проблему только в том случае, если это совместный проект, если это будет работать на построение мер доверия? А вы помогите создать нормальные цивилизованные условия в Абхазии. Может быть, мы сами вас тогда будем тащить и говорить: «Давайте, помогите нам построить доверие с соседями, мы хотим расширить пространство для передвижения. Мы задыхаемся в этом маленьком пространстве». Но понимаете, пока мы не создадим необходимый технический и методологический уровень для издания книг на абхазском языке, издавать книги на грузинском языке вряд ли у кого-то из нас будет желание. Не исчезнет грузинский язык, армянский язык... все это прекрасно знают. Абхазия это не та территория, которая в состоянии решать проблемы сохранения армянского, грузинского, русского, эстонского и т.д. языков. Но помогать тем, кто живет на территории Абхазии, всем этническим группам развиваться в своей культуре, да, безусловно, мы за этим будем следить. Но просто не надо делать такие перекосы.

Оливер Воллей – Что касается мер безопасности. Я думаю, что в первую очередь стороны несут ответственность за соблюдение существующего соглашения о прекращении огня. На Кипре всегда был очень хорошо оснащенный международный контингент по поддержанию мира и буферная зона разделения сторон. Вероятно, это вторая старейшая миротворческая миссия, которая существует в Орга-

низации Объединенных Наций. В середине 1980-х греко-кипрские женщины организовали шествие в буферную зону, предполагая провести марш на север. Их задержали полицейские силы турецких киприотов и отправили обратно. Десять лет спустя группа мотобайкеров из греков-киприотов начала марш из Берлина, объединенной столицы, в последнюю разделенную столицу, на Кипре. Они прошли через буферную зону, через кордоны миротворцев ООН. Кто ждал их в буферной зоне? Серые волки, импортируемые из Турции, вооруженные палками избили байкеров, в результате чего один человек погиб. Он не был вооружен и не мог защищаться. Это было снято на видеопленку. На следующей неделе там была демонстрация в связи с этим убийством. Опять же, греческий киприот-демонстрант пробрался через все кордоны, через ООН, опять вошел в буферную зону, прошел на контрольно-пропускной пункт турецких киприотов. И когда один из охранников поднимал турецкий флаг, он попытался его сорвать. Турецкий солдат застрелил его. Он скончался на месте. Сегодня вы можете увидеть его свадебное фото на контрольно-пропускном пункте.

Все это говорит о том, что необходимо иметь надежный механизм для поддержания мира. Но даже при наличии такого механизма, если стороны не уважают его, не хотят, чтобы он работал, они могут его сорвать. Они могут посылать женщин, они могут направить байкеров, они могут направить демонстрантов, и в следующий раз кто-то будет направлять студентов, которые сядут в молодежных лагерях близко к буферной зоне или в зоне безопасности. Так что, обязанность сторон соблюдать прекращение огня. Некоторое время назад грузины приняли некоторые позитивные шаги по избавлению от Лесных Братьев и Белого Легиона. Но в данный момент мы видим постоянное апробирование на прочность соглашения о прекращении огня. Как сторонний наблюдатель я спрашиваю себя, и я не одинок в этом, если Московское соглашение 1994 о прекращении огня не достаточно хорошее, чтобы поддерживать мир, то тогда какое соглашение о прекращении огня может обеспечить этот мир? Надо работать с тем, что есть в наличии. Не надо испытывать на прочность, это совсем не помогает умиротворению ситуации.

Вальтер Кауфман – Двухдневные очень интересные дискуссии завершаются. Я думаю, что наши дискуссии были очень своевременными, очень уместными. Как Ирина напомнила мне, наша конференция совпала с днем беженцев. Давайте попробуем продолжить этот разговор и давайте попытаемся сосредоточить внимание на том, какие решения могут помочь пострадавшим людям. Я думаю, нам надо помнить замечание Петера о том, что мы говорим о реальных людях, а не просто о внутренне перемещенных лицах по обе стороны конфликта. Не надо смотреть на них как на проблему, надо смотреть на них как на потенциал. Это была вторая очень важная часть его замечания.

Я хочу поблагодарить, прежде всего, наших международных гостей, которые сделали эту конференцию чрезвычайно богатой и очень интересной. Большое спасибо за помощь. Спасибо большое за то, что поделились опытом Кипра, Боснии и Герцеговины и Хорватии. Это целенаправленный и своевременный вклад. Я также хочу поблагодарить Тамуну Швангирадзе за организацию этой конференции, решение всех сложных организационных вопросов. И, наконец, я благодарю переводчиков, которые были прекрасными посредниками наших дискуссий.

PARTICIPANTS

Participants from Abkhazian Side

- 1) Natella Akaba, Association of Women of Abkhazia
- 2) Vjacheslav Chirikba, Abkhazian Institute for Humanitarian Research
- 3) Manana Gurgulia, Media Club
- 4) Arda Inal-Ipa, Abkhaz coordinator of Georgian-Abkhaz dialogue projects, Centre for Humanitarian Programmes
- 5) Irakli Khintba, Political scientist
- 6) Batal Kobakhia, Member of Abkhazian Parliament
- 7) Liana Kvarchelia, Centre for Humanitarian Programmes

Gal/i Region

- 8) Koba Rigvava, School director
- 9) George Jonjua

Participants from Georgian Side

- 10) Eliso Chapidze, Newspaper “Rezonansi”
- 11) Archil M. Gegeshidze, Georgian Foundation for Strategic and International Studies
- 12) Tamuna Karosanidze, Transparency International
- 13) Ivlian Khaindrava, Former Member of Georgian Parliament
- 14) Julia Kharashvili, IDP Women’s Association
- 15) Tamara Kordzaia, Georgian Young Lawyers Association
- 16) Paata Zakareishvili, Georgian coordinator of Georgian-Abkhazian dialogue projects

International Participants

- 17) Marc Behrendt, International Alert, London
- 18) Srđan Dizdarević, Helsinki Committee for Human Rights, Sarajevo
- 19) Sabine Fischer, European Institute for Security Studies, Paris

- 20) Céline Francis, PhD candidate in Political Science at the VUB, Belgium
- 21) Sabine Freizer, International Crisis Group, Brussels
- 22) Antje Herrberg, Crisis Management Initiative, Brussels
- 23) Emil Heršak, Institute for Migration and Ethnic Studies, Zagreb
- 24) Kaupo Känd, Political Adviser to the EUSR for the South Caucasus in Tbilisi
- 25) Peter Loizos, Intercollege Cyprus, Dep. of Sociology, Nikosia
- 26) Erin Mooney, UNHCR Bosnia, Sarajevo
- 27) Luis Peral, Toledo International Centre for Peace, Toledo
- 28) Oliver Wolleh, Berghof Center, Berlin

Organizers

- 29) Rachel Clogg, NGO Conciliation Resources, London
- 30) Jonathan Cohen, NGO Conciliation Resources, London
- 31) Paula Garb, University of California, Irvine
- 32) Bastian Hermisson, Heinrich Böll Foundation, Berlin
- 33) Walter Kaufmann, Heinrich-Böll-Foundation, Tbilisi
- 34) Iris Kempe, Heinrich-Böll-Foundation, Tbilisi
- 35) Nino Lejava, Heinrich-Böll-Foundation, Tbilisi
- 36) Tamuna Shvangiradze, Heinrich-Böll-Foundation, Tbilisi

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СБОРНИКОВ

1. РОЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ В МИРОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Март, 1999 г. Сочи

Пола Гарб. Предисловие	5
Нателла Акаба. Конфликты нового времени	7
Георгий Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (На основании личного опыта)	17
Марина Барцыц. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов	38
Леван Герадзе. Роль гражданского общества в предотвращении и решении вооруженных конфликтов(На примере Грузии)	55
Аслан Гуажба. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии	59
Манана Гургулия. Народная дипломатия: реальность и иллюзии	110
Олег Дамениа. Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл	131
Роман Дбар. Тема экологии в гражданской дипломатии на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений	143
Шалва Джаошвили. Экологические проблемы восточной части Чёрного моря и их роль в народной дипломатии	153
Арда Инал-ипа. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте	168
Лиана Кварцелия. Неправительственные организации и народная дипломатия (на примере абхазо-грузинских взаимоотношений)	177
Батал Кобахия. Различные уровни дипломатии (официальной и неофициальной) по преодолению абхазо-грузинского конфликта	186
Абесалом Лепсая. Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы	201
Марина Никурадзе. Народная дипломатия в грузино-абхазском конфликте: пути развития глазами участников	220
Нодар Сарджвеладзе. Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии	232
Марина Элбакидзе. Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования)	247

2. МАТЕРИАЛЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ *Конобеево (Московская область)*

Август, 1999

Пола Гарб. Предисловие	7
Нателла Акаба. О некоторых популярных мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений)	9
Георгий Анчабадзе. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта	20
Марина Барциц. Культурно-психологические традиции абхазов и конфликт	41
Торнике Гордадзе. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта	51
Аслан Гуажба. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (абхазы и адыги)	66
Олег Дамения. Абхазо-грузинский конфликт: Проблемы и перспективы урегулирования	83
Роман Дбар. Ресурсы и трудности экологической темы в гражданской дипломатии (на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений)	100
Паата Закареишвили. Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта	110
Арда Инал-Ипа. Вопрос о земле и другие проблемы абхазо-грузинского урегулирования	117
Марина Никурадзе. В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта	126
Нодар Сарджвеладзе. Опыт фасилитации диалога старейшин Грузии и Абхазии	135
Марина Элбакидзе. Военные о роли народной дипломатии в трансформации абхазского конфликта (результаты социологического исследования)	143

3. СТЕНОГРАММЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКИХ ВСТРЕЧ И ТЕЛЕПЕРЕДАЧ ПО АБХАЗСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Декабрь, 1999

Серия телепередач о грузино-абхазском конфликте	5
Право наций на самоопределение	7
Телепередача «Ретроспектива»	19
Абхазия – пути разрешения конфликта	37
Встречи представителей грузинских НПО с общественностью Абхазии в рамках проекта «Исследования народной дипломатии в разрешении абхазо-грузинского конфликта»	53

4. МАТЕРИАЛЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, БЕЖЕНЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Москва, 25-27 марта 2000 г.

Предисловие	7
Foreword	9
Манана Гургулия. Гражданское общество в Абхазии: тенденции развития	11
Нателла Акаба. Гражданское общество и мирные инициативы	22
Давид Силагадзе. Народная дипломатия в абхазском конфликте (из опыта неправительственного общественного движение “Примирение”)	33
Абесалом Лепсая. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование.	60
Давид Бердзенишвили. Единство через разделение. Проблемы регионализма Грузии и общего грузино-абхазского государства	88
Сергей Арутюнов. Еще один вариант урегулирования грузино-абхазского конфликта	98
Станислав Лакоба. Грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе	104
Тинико Хидашели. Регулирование конфликта путем государственно-территориального устройства	130
Гиоргий Хубуа. Федерализм как средство преодоления конфликтов	147
Лиана Кварчелия. Современный контекст и перспективы грузино-абхазского урегулирования (материалы исследования общественного мнения методом фокус-групп)	174
Батал Кобахия. Отношение к проблеме беженцев (результаты опроса методом фокус-групп)	186
Нодар Сарджвеладзе, Дареджан Джавахишвили, Теймураз Сихарулидзе. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию	221
Арда Инал-Ипа. О текущем моменте	242

5. Материалы грузино-абхазской конференции: преemptивность культур в контексте государственного строительства

Адлер, 26-28 августа 2000 г.

Foreword	4
Предисловие	5
Участники и мотивации	7-29
Рассказы о других встречах	29-51
Зураб Джапуа. Традиционные формы примирения в повествовательном фольклоре абхазов	51-58, 243-266
Марина Барцыц. Из культуры мира в абхазской традиции	58-69
Ираклий Сургуладзе. Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта	77-82, 266-279
Аслан Гуажба. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе	82-85, 279-296
Тамара Шакрыл. Проблема четкой определенности языка общения официальной и неофициальной дипломатии в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта	99-119
Далила Пилия. Становление новой абхазской государственности	120-126, 296-309
Нодар Сарджвеладзе. Вместо доклада	137-144
Георгий Анчабадзе. Грузино-абхазское государство: историческая традиция и перспективы	147-150, 309-324
Нателла Акаба. Межнациональные отношения в условиях перехода к демократии	156-167
Олег Дамениа. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования	185-190, 324-336
Лаша Бакрадзе. Абхазия 1918 года в документах германского МИДа	194-199, 336-342
Георгий Гвахария. Кино и телевидение как «чужое этническое пространство»	208-213
Марина Элбакидзе. Применение психологической модели для описания грузино-абхазского конфликта	216-222
Марина Пагава. Перемещенные	342-359
Summaries	349-359

6. ТБИЛИССКИЕ ВСТРЕЧИ

Октябрь-декабрь 2000 г.

Foreword.....	5
Предисловие	7
Теледискуссия: Народная дипломатия на примере грузинско-абхазских отношений	9
Теледискуссия: Экономические санкции против Абхазии	23
Встреча в Кавказском институте мира, демократии и развития	47

7. МАТЕРИАЛЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: “ПАКТ СТАБИЛЬНОСТИ НА КАВКАЗЕ И СТРАТЕГИЯ МИРОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА”

Сочи, 19-23 марта 2001 г.

Foreword	5
Предисловие	6
Тинико Хидашели. Пакт стабильности Кавказа	7
Нателла Акаба. Пакт стабильности для Кавказа как модель общекавказской интеграции	20
Эмзар Джгереная, Заза Шатиришвили. Грузия – Абхазия: проблемы идентичности	61
Арда Инал-Ипа. Понимание интересов сторон – требование современного этапа урегулирования	86
Джон Пол Ледерах. Стратегии миростроительства в теории и на практике	121
Давид Бердзенишвили. Тбилиси – Сухуми: до и после промежуточного периода	141
Абесалом Лепсяя. К проектам урегулирования. Возможны ли промежуточные модели?	158
Зураб Чиаберашвили. Обреченные на совместную жизнь	221
Summaries	233

8. МАТЕРИАЛЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: “АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ СТОРОН НА ПУТИ К ВЫРАБОТКЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ”

Сочи, 20-25 августа 2001 г.

Foreword	5
Предисловие	6
Нодар Сарджвеладзе. Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ	7
О. Н. Дамениа. Базовые интересы сторон конфликта как основа его ненасильственного урегулирования	27
Зураб Чиаберашвили. Абхазия и Грузия: государственность и права личности	45
Нателла Акаба. От конфликта интересов к сотрудничеству	90
Георгий Анчабадзе. Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия	138
Давид Бердзенишвили. Открытие Абхазии: проект совместного концерна	175
Абесалом Лепсая. Положение обязывает	213
Summaries	236

9. МАТЕРИАЛЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “ПЕРВЫЕ ИТОГИ”

Москва, 4-8 июля 2002 г.

Foreword	5
Предисловие	7
Абесалом Лепсая. Корни грузино-абхазского конфликта	46
Георгий Анчабадзе. Народная дипломатия и миротворчество	69
Нателла Акаба. Демократические институты: тенденции и перспективы	101
Нодар Сарджвеладзе. О проблеме беженцев	121
Даур Начкебия. Проблема политического статуса Абхазии	133
Олег Дамения. От монологизма к диалогизму (из опыта абхазо-грузинского урегулирования)	157
Марина Элбакидзе. Интересы сторон	195
Приложение I. Доклады приглашенных экспертов	235
Ирина Агрба	235
Арчил Гегешидзе	242
Сергей Шамба	248
Приложение II. Кодорские события	262
Summaries	297

10. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Узкое, 28-30 июля 2003 г.

Москва, 22-24 декабря 2003 г.

Москва, 31 марта 2004 г.

Foreword.....	5
Предисловие	6
Узкое, 28-30 июля 2003 г.	7
Москва, 22-24 декабря 2003 г.	82
Москва, 31 марта 2004 г.	169
Кэтрин Барнс. International Alert – Программа по Евразии. «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами с участием Кавказского форума НПО» (январь 2001-март 2004)	211

11. ОБСУЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ФАКТОРА

Москва, 21-22 июня 2004 г.

Foreword	5
Предисловие	6
21 июня 2004, Москва	7
Ивлиан Хаиндрава. Новый политический фон в Грузии и грузино-абхазский конфликт	10
Нателла Акаба. Российский фактор в грузино-абхазском противовостоянии	28
Абесалом Лепсая. Контрапункт режиссуры	34
Марина Павлова-Сильванская. Эволюция гражданского общества в России и ее влияние на внешнюю политику	47
Александр Соколов. Проблемы российско-грузинских отношений и подходы, предлагаемые российской власти общественными силами	63
Дмитрий Тренин. Российская политика на Южном Кавказе	114
Заключительная дискуссия	146

12. РОЛЬ РОССИИ: РЕАЛИИ И МИФЫ

Москва, 28-29 июня 2005 г.

Foreword	5
Предисловие	6
28 июня 2005, Москва	7
Сергей Маркедонов. Интересы России в Абхазии и Грузии и пути их осуществления	17
Джана Джавахишвили. Россия во внутривполитическом дискурсе Грузии	58
Гурам Гумба. Россия во внутривполитическом дискурсе Абхазии	81
Михаил Шевелев. Южный Кавказ во внутривполитическом дискурсе России	104
29 июня	131
Паата Закареишвили. Какой должна быть «правильная политика» России в отношении грузино-абхазского конфликта?	131
Арда Инал-Ипа. Особенности российской политики. Взгляд из Абхазии	141
Список участников конференции	225

13. ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ГРУЗИИ И АБХАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Стамбул, 24 – 27 июня 2006 г.

Foreword	5
Предисловие	7
24 июня 2006, Стамбул	9
Манана Гургулия. Абхазия: обзор текущих событий	10
Георгий Хелашвили. Политическая ситуация в Грузии и перспективы разрешения абхазской проблемы	32
25 июня 2006, Стамбул	59
Тинатин Хидашели. Как смотрят в Тбилиси на перспективу и задачи политики добрососедства в Европе	59
Ираклий Хинтба. Отношение Абхазии к политике Европейского Союза на Южном Кавказе	65
26 июня 2006, Стамбул	91
Питер Семнеби. Значение Черного моря с точки зрения ЕС	99
Андрей Рябов. Стратегическое значение Черного моря – российская перспектива	115
Вячеслав Чирикба. Урегулирование грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции: Взгляд из Абхазии	136
Давид Дарчиашвили. Перспективы решения грузино-абхазского конфликта в контексте Черноморской интеграции: Взгляд из Грузии	154
27 июня 2006, Стамбул	201
Сергей Маркедонов. СНГ-2 и европейская интеграция. В особенности в отношении Абхазии и Приднестровья, как регионов граничащих с Чёрным морем	201
Нагали Точчи. Роль ЕС на Кипре и в Сербии-Черногории: сведения для грузино-абхазского конфликта	228
Октай Ф. Танрисевер. Роль Турции в интеграции Черного моря и грузино-абхазский конфликт	246
Завершение встречи	289
Приложения:	291

14. ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ ГРУЗИИ В НАТО ДЛЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА

Стамбул, 14-15 июня 2007 г.

Foreword	5
Предисловие	7
14 июня 2007, Стамбул	9
Панель I . Обзор сегодняшней роли и функций НАТО	12
Ян Хендинк ван Тиль. Восприятие политики НАТО на Востоке и Западе	12
Сусанна Нис. Роль и функции НАТО сегодня	19
Обсуждение	24
Панель II . Политический контекст, влияющий на решение о вступлении Грузии в НАТО.....	43
Андрей Рябов. Взаимоотношения России и Запада как фактор влияния на перспективы вступления Грузии в НАТО	43
Джеймс Маккей. Какие международные политические интересы будут влиять на решение о принятии Грузии в НАТО?	55
Бруно Коппитерс.....	60
Обсуждение	68
15 июня 2007, Стамбул	99
Панель III. Евроатлантическая интеграция Грузии и грузино – абхазский конфликт	99
Вячеслав Чирикба. Абхазия, Грузия, Россия и НАТО	99
Шалва Пичхадзе. Грузия: путь в НАТО и конфликт в Абхазии	109
Александрос Яннис. ЕС и абхазский конфликт в Грузии	115
Магдалена Фричова	121
Обсуждение	127
Список участников конференции	192